

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2020

№ 2 (53)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

От редактора рубрики	5
Кузнецов А. М. Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования)	8
Мартьянов В. С. Понятийный кризис западного мейнстрима	19
Буланенко М. Е., Поповкин А. В. Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионоведческих исследованиях	32
Пахомов О. С. Восточная Азия как региональная цивилизация	44

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Старцев А. Ф. Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности	54
Зверков Е. А. Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет	64
Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А. "Юридическое обозрение": "считаем своим долгом сделать все возможное в этой области"	69

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Бычкова В. А., Латкин А. П. Систематизация теоретических представлений о социально-экономической сущности семейных предприятий	79

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Филипова А. Г., Кузьмин В. Л. Историко-социальный анализ трансформации детских площадок: от борьбы с безнадзорностью к свободной игре	91
Говорухина Г. В., Благовская Е. В. Институты этнической идентификации в Республике Алтай	102

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Дударёнок С. М. Религия в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции. 1990-е гг.	111

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Ян Линьлинь. Пятый Восточный экономический форум: вклад в развитие международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии	123

Золотухин И. Н. Перспективы развития трансграничных отношений российского Дальнего Востока со странами Южной и Юго-Восточной Азии	134
Журбей Е. В., Карловская А. А., Полетаева А. М. Динамика торгово-экономических отношений между Вьетнамом и США на современном этапе: содержание и перспективы	146
НАУКОВЕДЕНИЕ	
Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии	157
По следам наших публикаций	
Заколотная А. С. Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России	166
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
Усов А. В. Рецензия на монографию "Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века"	169

Редакционная коллегия:

Т. Г. Римская (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова, С. М. Дударенок, Г. Кристоферсен, М. Г. Ганопольский, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, Е. В. Журбей (ответственный редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко, А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов, А. Г. Филипова, О. И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

2020

№ 2 (53)

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: CURRENT THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF REGIONAL STUDIES

- From the editor of the heading 5
- Kuznetsov A. M.** East Asia as a Complex Phenomenon
(Some Issues of Investigation) 8
- Martianov V. S.** The Western Mainstream Crisis 19
- Bulanenko M. E., Popovkin A. V.** Between Scylla
and Charybdis: on empiricism and apriorism in regional
studies 32
- Pakhomov O. S.** East Asia as Regional Civilization 44

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

- Starcev A. F.** Tribal community of the natives of the
Priamurye, Primorye and Sakhalin and its features 54
- Zverkov E. A.** Voronezh province in the early twentieth
century: the socio-economic portrait 64
- Khisamutdinova N. V., Khisamutdinov A. A.** "Legal
Review": "We consider it our duty to do everything possible
in this area" 69

ECONOMY AND NATURE

- Bychkova V. A., Latkin A. P.** Systematization of
theoretical ideas to the socio-economic essence of family
business 79

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Filipova A. G., Kuz'min V. L.** The history of playgrounds:
from combating against children neglect to free play 91
- Govorukhina G. V., Blagovskaya E. V.** Institutions of
Ethnic Identification in the Altai Republic 102

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Dudarenok S. V.** Religion in ideological orientations and
worldviews of the Far Eastern intelligentsia. 1990s. 111

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

- Yan Lin'lin'.** Fifth Eastern Economic Forum: contribution
to the development of the Russian Far East and
international cooperation in Northeast Asia 123
- Zolotukhin I.N.** The prospects for the development
of transborder relations between the Russian Far East
and the South and Southeast Asia 134
- Zhurbey E. V., Karlovskaya A. A., Poletaeva A. M.**
The dynamics of trade and economic relations between
Vietnam and the United States at the present stage:
content and prospects 146

Vladivostok
2020

STUDY OF SCIENCE

Kremnyov E. V., Anan'ev V. V., Serykh T. S.

Structure of Japanese regional studies in the interpretation
of the Science Council of Japan 157

IN THE WAKE OF OUR PUBLICATIONS

Zakolodnaya A. S. Possibilities and limitations
of the theory of J. Scott for the study of migration
to the Russian Far East 166

REVIEWS

Usov A. V. Review of the monograph "Far Eastern
smuggling as a historical phenomenon: fight against
smuggling in the Russian Far East in the second half
of the XIX – first third of the XX century" 169

Editorial board:

T. G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya. A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova,
S. M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M. G. Ganopolskij, K. V. Grigorichev,
A. N. Demyanenko, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev,
V. V. Kozhevnikov, A. M. Kuznetsov, Yu. V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko,
A. L. Lukin, Yu. A. Naumov, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, A. G. Filipova, O. I. Shestak,
Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the
Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of
the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection
and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Кардинальные перемены в мире после окончания второй мировой войны и связанная с ними научно-техническая революция в условиях противостояния сложившихся двух различных общественно-политических систем резко обострили проблему включения в этот миропорядок ранее существовавших и новых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Последовательный перебор имеющихся идей через доктрины модернизации, некапиталистического пути развития, мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем позволил предложить более привлекательную формулу – глобализация. В некоем обобщенном смысле эта формула предполагала преобразование мира в "глобальную деревню" (М. Маклюэн). Ряд научно-технических достижений, прежде всего, в области информационных технологий, последовавшее затем уничтожение Советского Союза и социалистического лагеря, казалось, подтвердили правомерность прогноза практиков от глобализации. Однако, обнаружившаяся вскоре связь глобализационного проекта с декларациями об установлении монополярного миропорядка, развернувшееся антиглобалистское движение и, наконец, многополярное видение будущего мироустройства продемонстрировали, что хотя глобальные проблемы, действительно, существуют, но идея глобализации не во всем пока состоятельна. Сложившаяся ситуация ставит закономерный вопрос: насколько слоган глобализации является научно обоснованным?

Обращение к научной составляющей этого концепта позволяет зафиксировать два показательных момента. Во-первых, глобализация является западным, а если точнее, американским проектом, активно продвигаемым с 1980-х гг. Во-вторых, в значительной степени энтузиазм в этом отношении проявляли экономисты, затем международники и некоторые другие специалисты. Положительный настрой несколько подрывали историки и представители иных наук, говорившие о нескольких волнах глобализации, начиная с эпохи Великих географических открытий. Европейские социологи в противовес глобализации стали фиксировать процессы глокализации и космополитизации (Р. Робертсон, У. Бек). Нашлись и другие скептики, а продолжающиеся "торговые войны" и сворачивание проектов вроде Транстихоокеанского торгового партнерства поумерили восторги экономистов. Так что само научное общество изначально не было столь уж единодушно в признании трансформации человечества в единое глобальное или мировое сообщество. Показательно также, что на фоне реляций об успехах глобалистов просто сворачивались некоторые "неудобные" научные направления. Так этническая проблематика последовательно замещалась гипертрофированной тематикой идентичности, более соответствующей космополитическим устремлениям. Что касается позиции международников, то следует учитывать, что еще в 1977 г. гарвардский профессор С. Хоффман безапелляционно утверждал: "Международные отношения – американская социальная наука". Отсюда же продвигается и идея демократического мира, который избавит человечество от войн и обеспечит всеобщее процветание, при условии, что все будут ориентироваться на стандарты самой передовой демократии исключительной страны. Теоретики Английской школы (Х. Булл, Б. Бузан, Р. Литтл) развивают идею глобального общемирового общества, ядро которого составит более космополитизированная западная культура, способная абсорбировать все остальное, несоответствующее стандарту, культурное многообразие. Таким образом, получается, что под ширмой глобализации по-прежнему продвигается проект западного доминирования в мире.

Обращает также внимание, что сами западные специалисты отмечают серьезный кризис, переживаемый современной теорией международных отношений, состояние которой определяется и как "дряхлый плюрализм". Провалы теоретического характера, усугубленные постмодернистским вызовом, демонстрируют и другие социально-гуманитарные науки. Как реакцию на

заявившие о себе проблемы можно рассматривать возрождение интереса к геополитике и развитие региональных исследований. Однако и для этих научных областей не менее актуальной является задача создания современного теоретико-методологического арсенала проводимых ими исследований. Поэтому главная цель представляемой рубрики заключается в том, чтобы привлечь внимание специалистов, занимающихся проблемами Восточной Азии, к некоторым эвристичным теоретическим разработкам регионоведческого анализа и показать возможности их практической реализации.

В статье А. М. Кузнецова рассматривается концепция комплексно-мирового регионоведения, которую в нашей стране активно продвигает А. Д. Воскресенский. Наряду с определенными достоинствами эта концепция не свободна от недостатков, которые можно устранить через применение аппарата теории сложных систем. В рамках этой теории важное место принадлежит также принципу дополнительности и роли наблюдателей сложных образований. Оценивая современное состояние исследований региона Восточная Азия с точки зрения теории сложности, можно констатировать, что они проводятся в подавляющем большинстве "наблюдателями первого порядка", фиксирующими незначительные фрагменты сложной реальности, как отдельных государств, так и всего региона в целом, т.е. на ограниченно эмпирическом уровне. Целостный образ сложных образований могут обеспечить системные "наблюдатели второго порядка". Такой вывод не только актуализирует значимость теоретических разработок по региону как таковых, но и показывает необходимость проводить их на основе современной системной парадигмы.

Статья В. С. Мартьянова представляет результаты анализа новейшего понятийного аппарата западной науки, в основе которого лежат такие взаимосвязанные объясняющие/легитимирующие понятия как прогресс, либерализм, рынок, демократия, капитализм, современность и т.д. Этот аппарат используется для оценок – в рамках бинарной схемы норма/патология – коэффициентов развития демократии в разных странах, положения дел с правами человека и т.д. Но поскольку эти понятия были выработаны в соответствии с западными реалиями, то автор показывает их несоответствие условиям других регионов мира. Более того, В. С. Мартьянов выявляет, что в системе глобальных политических практик конца XX – начала XXI в. *либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий, как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ*, подвергаемых ими морально-идеологической дискриминации. Он делает вывод, согласно которому ключевая проблема состоит в том, что универсальным ядром всех современных обществ остается система властесобственности, чье существование не зависит от поверхностной идеологической риторики по поводу закрытости/открытости, демократии/авторитаризма, рынка/государства, патрон-клиентских иерархий/рыночной конкуренции и т.д. Сегодня же можно наблюдать, как Россия и мир сползают к более устойчивому и равновесному рентно-сословному обществу в ситуации медленного упадка свободных рынков, в течение последних 200 лет обеспечивавших экономический рост и некую долю прибыли от этого роста для большинства. По мнению автора, транслируемые неолиберальными элитами теории универсальной рыночной *модернизации, транзита и открытого доступа* к возможностям *плоского мира* (Т. Фридман) выступают в виде попыток убрать конфликтное классовое, страновое и национальное содержание из исследовательского дискурса и политики, оставив лишь экономический детерминизм, неоправданно претендующий на объяснение всеобщих закономерностей. Эти теории существуют не для того, чтобы *понять* общества, в отношении которых они применяются, но с тем, чтобы выстроить глобальные ценностно-институциональные иерархии, в которых общества-гегемоны выступают в качестве *целевого образца* для всех остальных.

В своей статье М. Е. Буланенко и А. В. Поповкин обобщили некоторые особенности сложившегося дискурса регионоведческих исследований. Они показали, что многие российские и не только российские специалисты занимаются либо совершенно оторванным от реальности теоретизированием, либо совершенно игнорируют необходимость теоретического анализа. Первую разновидность исследований авторы рассматривают как основанную на *априорных* высказываниях, содержание которых принимается независимо от данных эмпирического опыта. Как правило, такие высказывания бывают

аналитическими, т.е. их истинность или ложность может быть установлена только на основании значений входящих в них выражений, без привлечения дополнительных фактов. В основе второй разновидности, как они полагают, лежат синтетические высказывания, которые, как правило, *апостериорны*, т.е. принимаются только на основе данных эмпирического опыта. Характерные недостатки априоризма показаны авторами на примере концепций И. В. Киреевского и Ч. Хансена. С негативом же эмпиризма мы сталкиваемся, буквально, в каждом исследовании по нашему региону. В качестве выхода из создавшегося положения М. Е. Буланенко и А. В. Поповкин предлагают привычный гипотетико-дедуктивный метод, описанный Юном Эльстером. В результате, авторы приходят к выводу: полноценное понимание собственного, а равно и любого другого, общества возможно только на путях постепенного теоретического осмысления, не жертвующего стандартами рациональности и всякий раз готового отказаться от уже достигнутого в пользу более обоснованного.

Наконец, в статье О. С. Пахомова представлен опыт макроисторического анализа региона на основе некоторых теоретических положений, представленных в предыдущих работах. Сам он определил свою статью в качестве попытки описать Восточную Азию как особую цивилизацию, которая сформировалась в традиционный период как комплекс сложных взаимоотношений между китайской централизованной государственностью и соседними странами, а затем адаптировалась к современности. Автор отмечает, что, несмотря на предложения соединить Восточную и Юго-Восточную Азию в рамках единого региона Большая Восточная Азия, между этими образованиями сохраняются существенные различия. К хорошо известной специфике в уровнях их интеграции он добавляет еще и такой показатель, как доступ к альтернативным формам политической культуры. Следует также отметить выделение О. С. Пахомовым двух разных этапов регионализации: цивилизационный – на начальных этапах истории регионов, и интеграционный – после активизации отношений с Западом, создания биполярного миропорядка и продвижения проекта глобализации. Особенности этих этапов проявились, как показал автор, в изменении принципов легитимизации власти: сначала через фигуру императора, а затем через очень быстро сменившую ее западную формулу народа, нации как источника власти. Кризис глобализации, создав единый экономический базис региона, по мнению автора, обострил политические противоречия. В этих условиях, Китай активизирует механизмы максимальной эксплуатации экономических и политических ресурсов населения. Отсутствие соразмерных ресурсов вынуждает Японию и Южную Корею привлекать внешние силы для противодействия "китайской угрозе", что в итоге постепенно разрушает региональный порядок.

Таким образом, предложенный блок статей развивает сходные идеи о доминировании эмпиризма и априоризма в современных исследованиях глобальных регионов и необходимости нового концептуального осмысления складывающейся в них ситуации.

А. М. Кузнецов

Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования)

Несмотря на устойчивую моду обсуждения проблем АТР, нет необходимости доказывать, что регион Восточная Азия играет особую роль в формировании современной повестки международных проблем уже потому, что в него входят страны с мощным экономическим или другого рода потенциалом. Нельзя не учитывать и конфликтогенное значение региона, складывавшееся исторически и в результате развития современных противоречий между теми же КНР, КНДР и США. Неудивительно, что адекватный анализ реальных обстоятельств и процессов в регионе, складывающихся в результате взаимодействия входящих в него государств и иных участников, остается одним из серьезных вызовов для научного сообщества. Кроме того, как уже показали компетентные авторы: "на уровне политических систем в целом, или "национальных государств", существует мало объектов для наблюдений... В то же время каждый из таких объектов в отдельности настолько сложен, что может поставить в тупик даже самого информированного эксперта в стране" [16, с. 729]. Что тогда говорить об уровне целых регионов? Как мы можем изучать такие сложные явления? Не случайно, достигнутые на этом поприще результаты пока не очень впечатляют. Можно отметить несколько основных причин, негативно влияющих на уровень и качество восточноазиатских исследований. Прежде всего, это кризисное состояние теории социально-гуманитарных дисциплин после осознания своих европо/западноцентристских оснований. Последствия постмодернистского вызова, вообще поставившего под сомнение научность социально-гуманитарного знания с его приверженностью меганарративам и метатеориям, еще больше усугубили разочарование в возможностях теории в осмыслении явлений современного усложненного и быстро меняющегося мира. В результате мы имеем негативный процесс теоретической фрагментации, приводящий к торжеству плюрализма, когда у нас конкурируют между собой сотни "теорий", главное достоинство которых состоит в отсутствии притязаний на сколько-нибудь серьезное обобщение. На общей волне разоблачения универсальных амбиций теорий, формировавшихся на локальных основаниях, получали признание региональная проблематика и такие направления, как анализ конкретных ситуаций, краеведение и т.д. [19].

Следует также учитывать, что отмеченные и некоторые другие негативные обстоятельства, спровоцировавшие наш теоретический кризис, были вызваны еще и "информационным взрывом" (более модно сейчас определяемым как big data). Этот "взрыв" означает, что при обсуждении сколь-нибудь значимой проблемы приходится иметь дело с таким объемом информации, который недоступен для восприятия не только одного автора, но часто и небольшого коллектива. Чтобы оценить масштаб данного явления, достаточно напомнить, что еще в начале 1970-х гг., как показал наш известный науковед А. Д. Урсул, около 95% научного знания не использовалось в исследовательской работе. Более чем половина книжного фонда Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина не была востребована читателями, положение среднего научного работника уже тогда стало таким, что для прочтения ежегодно публикуемой литературы по специальности, ему требовалось затратить более тысячи лет [20, с. 22, 124]. Понятно, что активно внедряемые информационные технологии, на которые возлагались надежды одолеть с их помощью эту "напасть", только усугубили ситуацию. Практика показывает,

как эта проблема "снимается" путем наращивания количества специализированных научных дисциплин (по некоторым данным их сейчас более 70 тыс.), создания "незримых колледжей" – школ (отбор одних данных и авторов и игнорирование остального) и просто откровенной редукцией сложной проблемы к ее отдельным составляющим. Современный энтузиазм вокруг искусственного интеллекта и цифровизации – еще один пример реакции на данную проблему с неочевидным пока результатом.

Стоит ли тогда удивляться существующим проблемам с определением собственно концепта регион и конкретно региона Восточная Азия. Нестыковка географических, геополитических, экономических, исторических и т.д. его трактовок явно не способствует пониманию сущности рассматриваемого явления. Выход, а точнее уклонение от решения обозначенной проблемы, предложили конструктивисты: определяем регион в зависимости от цели проводимого исследования. Подобная подмена привела, в частности, к тому, что позитивное стремление привнести в регионоведение принцип развития, заложенный в концепте регионостроительства, столкнулось с серьезным препятствием. Оно обусловлено неопределенностью его соотношения с другими определениями близких процессов, как то: регионализация, трансрегионализм, международная интеграция и т.д. Поэтому у нас есть характеристики состояния экономики региона и входящих в него стран, его географии, истории, политики, искусства и т.д., но что же такое Восточная Азия, Китайская Народная Республика, другие страны в своем целостном реальном существовании, не всегда понятно [3; 6; 9; 30]. Так что обладаем знанием восточных языков, имеем взгляды по поводу региона, включаемых в него стран, но где же сама реальность подлинного бытия? [22]. Обращает также внимание, что с учетом историко-географической специфики Восточной Азии изучение стран этого региона на Западе стало формироваться еще около 400 лет назад как специальная область исследований – ориенталистика (Oriental Studies). Институт востоковедения в нашей стране недавно отметил свой 200-летний юбилей. Столь раннее возникновение традиций исследований, наряду с языковыми и этническими барьерами в изучении Восточной Азии, наложило определенные ограничения на их взаимоотношения с другими научными отраслями. К тому же как-то так сложилось, что в востоковедческих – восточазиатских исследованиях теория не была особо востребована. Как признал нидерландский востоковед Ганс Кёйпер: "... синологи должны быть распущены как псевдо ученые, так как они не располагают какой-нибудь синологической теорией, факт, который тщательно скрывается от посторонних" [23, р. 6]. Наглядным примером существующего дискурса описания проблем региона является работа известного американского исследователя Г. Розмана о регионализме в Северо-Восточной Азии [27]. Перечень существующих проблем можно еще продолжать, но очевидно, что они являются не только порождением ускоряющейся динамики перемен в современном мире. Положение дел в науке усугубляется позитивистскими призывами: сначала надо проанализировать происходящее, а уж потом думать, что из этого получится обобщить. Но сегодня желательно уже работать на опережение, которое могут обеспечить только серьезные теоретико-методологические основания восточноазиатских исследований.

Между тем в ряде естественно научных областей были достигнуты существенные успехи в разработке теории исследования сложных явлений, которые отличаются не только общей масштабностью, но и разными уровнями организации своих часто неоднородных компонентов [8; 13; 18; 21; 25]. В социальных науках наиболее известным опытом реализации достижений физиков и биологов по данной проблеме является теория социальной системы немецкого социолога Н. Лумана [11]. Обращение к полученным результатам показывает, что корректная реализация идеи сложности в региональных/страновых исследованиях сопряжена с применением принципа дополнительности, она также актуализирует значение операций наблюдения и фигуры наблюдателей. На основе этой исходной идеи возникло также понятие сложные системы, анализ которых должен базироваться на применении системной методологии. [1; 8; 11]. Не случайно, знакомство с открывающимися на основе этих разработок перспективами исследований подвигло того же Г. Кёйпера на еще более жесткую критику практики китаеведения. "Изучение Китая... неверно определяется предметом исследования или оптикой рассмотрения этого

объекта. Синологи имеют дело с Китаем и общий интерес к нему, но, к сожалению, у них отсутствует научное видение этой страны... У синологов есть общий взгляд на частности, но они не позволяют им свидетельствовать как частям чего-то целого" [23, р. 6]. Он также не разделяет мнение о научной уникальности данного направления, делающего изучение страны закрытым для непосвященных. Утверждается, что "Китай является *sui generis* (единственным в своем роде – лат. А. К.) и поэтому определения, появившиеся на Западе, не применимы для него. Я хотел бы ответить встречным вопросом: "Если всё обстоит таким образом, от чего, в каком отношении(ях) и до какой степени Китай отличен?" Откуда вы знаете, что Китай является единственным в своем роде? Какая польза от разговоров о различиях, если мы не понимаем, от каких "явлений" Китай, как полагают, должен отличаться? Если эта страна была уникальной, как вы говорите, как тогда можно рассуждать или писать о ней, не применяя западные термины?" [23, р. 10]. Сам автор сначала дал определение "страны" "как большой связки или мозаики поведенческих систем, объединенных отношениями и силами в единое целое, которое должно быть выделено (а не отделено) из окружающей среды – остальной части мира". [23, р. 5] Позднее в другой своей статье он высказался уже вполне определенно: "Синологи не развивали онтологию своего объекта исследований, у них нет корпуса теоретических концептов, чтобы создать из них такую основу, как у лингвистов, литературоведов, демографов, географов, археологов, правоведов, психологов, социологов, антропологов, экономистов или политологов – специалистов, которые последовательно наращивают сотрудничество в международных и, что особенно важно, в междисциплинарных проектах, но в то же время, позволяющую отличать их от остальных научных работников" [24, р. 290]. Для него самого Китай теперь – *это сложная система сложных систем* (здесь и далее курсив мой-А. К.) [24, р. 305].

Более развинуто новые подходы, в том числе возможности системного анализа, реализует в рамках концепции *мирового комплексного регионоведения* наш известный специалист А. Д. Воскресенский [4; 5; 9; 15; 23]. В его интерпретации данное направление следует рассматривать в качестве "... комплексной, интегральной дисциплины, изучающей *закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира* (т.е Востока и регионов Востока как части системы регионов мира) с учетом *исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений*" [4, с. 7–8]. Конкретная реализация системного подхода к проблеме регионов, по мнению этого автора, сначала предполагает *пространственное (спатильное) членение материала*. Критерием для такой операции рассматривается внутренняя *цивилизационно-географическая и культурно-политическая логика развития восточных стран*. В свою очередь, такая логика выводится из "определения *международно-политического региона* как привязанной к *территориально-экономическому и национально-культурному* комплексу... *региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой* таким образом, что *эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимобусловленными*". Предлагая свое определение региона, автор понимает *конвенциональную (условную) определенность* основных географических параметров регионов (Азия, Европа и т.д.), также как и историко-культурных их составляющих (китайской, корейской, вьетнамской и др.) [4, с. 8–9].

Воскресенский рассматривает и возможность использования кроме "цивилизационно-пространственной" ("спатильной") еще и "*содержательной*" ("аналитической") группировки стран. Он справедливо характеризует и последнюю, несмотря на ее название, как *конвенциональную и субъективную* подобно предыдущей – "спатильной". Более серьезный недостаток "аналитической модели" он видит в том, что она не "позволяет акцентировать внимание на *общности исторического/цивилизационного/политического* развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмыслить *цивилизационную общность*, и одновременно *специфику политических процессов* конкретных стран в рамках региона". Негативная оценка "аналитической группировки стран" соответствует выводу Воскресенского, согласно которому анализ поли-

тических отношений – и более широко социальных – сначала должен быть связан с исследованием *социальных систем, являющихся сложными адаптирующимися образованиями, поддерживаемых механизмами гомеостаза* [14, с. 14]. На следующем этапе исследования предметом анализа уже должны стать политические системы. В их определении А. Д. Воскресенский ориентировался на разработки американских авторов Д. Истона (политическая система – совокупность общественных отношений по поводу политической власти) и Г. Алмонда (понятия роли и политической культуры как взглядов и позиции людей и их групп относительно политической системы). Непосредственная процедура изучения уже социально-политических систем, т.е. фактически государств, выглядит, согласно Воскресенскому, следующим образом. Сначала "для того, чтобы подвергнуть явление системному анализу, необходимо *разделить его на систему (т.е. множество закономерно связанных друг с другом элементов, которые складываются в целостное, но несводимое просто к набору составных элементов образование)* и среду (т.е. все то, что окружает данную систему)" [14, с. 12]. После этого должны последовать операции качественного *отождествления* и количественного *различения* систем. Указанные операции предлагается проводить путем сравнения по наиболее существенным признакам, в пространственной, временной и пространственно-временной перспективе [14, с. 13]. Следующим шагом предполагалось построение типологий систем, уже проанализированных на предыдущем этапе, путем выявления *генерализованных черт данной совокупности объектов*. Разработанные типологии, по мнению автора, должны дополняться классификациями, обеспечивающими абстрагирование и обобщение на основе количественных признаков. Значение данных процедур видится в том, что "типология и классификация помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и *сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков*" [14].

На основе представленной методологии анализа социально-политических систем, предполагающей в качестве отправного момента дихотомию Запад-Восток, автор приводит перечень системных характеристик стран этих двух регионов. В его понимании на Западе структурирующий характер имеют *рыночно-частнособственнические отношения*; здесь доминирует *товарное производство; отсутствует централизованная власть*; соответственно, вначале существовало демократическое самоуправление общины, впоследствии переросшее в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название "гражданское общество". На Востоке же всего этого не было, "...хотя общество и создавало альтернативные структуры, противостоящие государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество), но они своей определенной частью были вписаны в государство". Этот перечень системных характеристик получился у автора достаточно пространственным [14, с. 18]. Определение признаков сходства-различия, согласно мнению Воскресенского, дает возможность установить общность *структур*, которые служат основой для выделения *макрорегионов: историко-культурных, культурно-религиозных* и т.д. При этом допускается возможность аналитических группировок стран: БРИК, государства "изгой" и др. [14, с. 29]. Регионы вроде "Большого Ближнего Востока" выделяются уже на основе цивилизационной близости Ближнего (арабского) и Среднего Востока [14, с. 32]. Предполагается также, что между макрорегионами есть *буферные зоны*, отличающиеся конгломеративным и неустойчивым характером (например, Афганистан). Совокупность макрорегионов и связывающих их буферных зон определяют существующую картину миропорядка [14, с. 33–34]. Конфигурация как макрорегионов, так и всего мироустройства зависит, как полагает Воскресенский, от трансформаций *"глобального лидерства* и вызванных этим процессом *региональных трансформаций* и инициируется прежде всего глобальными игроками". В ходе взаимодействия указанных акторов, отмечает автор, "регион может возникать как *особая пространственно-временная конструкция*, укрепляющая, ослабляющая или преформатирующая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства ...содержатся в концепциях суверенитета, безопасности, усиления или ослабления этнического начала, проповедования или низвержения религиозной/конфессиональной исклю-

чительности" [14, с. 30]. В качестве конкретного примера подобного регионостроительства был приведен вариант развития событий в Тихоокеанской Азии: "Смещение американских и частично западных стратегических приоритетов в Евразию и одновременное укрепление интересов Китая на его западных границах (внутренняя стратегия усиления "западных районов" КНР, подкрепленная внешнеполитической доминантой – структурирующей ролью Китая в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)) создают встречные потоки мировых тенденций, которые "стягивают" четыре "старых" региона – Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию – в единый региональный комплекс *Большая Восточная Азия*" [14, с. 35]. После определения не "аналитических", а *структурно обоснованных макрорегионов* можно переходить к заключительному этапу предлагаемой процедуры исследований: решению конкретных (частных) проблем, уже не теряя общей картины. Для того чтобы понять современную ситуацию в конкретной стране, А. Д. Воскресенский предложил: "...учитывая регионально/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание три фактора, характеризующие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны решить:

- ◆ насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики, поскольку дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;

- ◆ каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;

- ◆ каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны" [14, с. 43–44].

- ◆ По итогам исследований автором была предложена следующая комплексно регионоведческая картина мира: "... по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) – западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы, североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юговосточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатскотихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д." [14, с. 8–9].

Таким образом, А. Д. Воскресенский предложил, а затем развил достаточно полную концепцию региона и значения данного образования для современного миропорядка. Заслуживает внимания его классификация возможных группировок государств в регионы: цивилизационно-пространственная, международно-политическая, аналитическая и структурная. Своевременной представляется также постановка вопроса о выделении макрорегионов, той же Большой Восточной Азии. Он справедливо отмечает, что регионы выделяются исследователями на основе сравнения системных характеристик государств, которые уже на начальном этапе должны быть отделены от окружающей среды. Автор констатировал сложный характер социально-политических систем, их способность к адаптации и поддержанию гомеостаза. К сожалению, возможности собственно современного системного анализа не были использованы А. Д. Воскресенским в полной мере. В его освещении структурная проблематика была сведена к перечню особенностей систем разных макрорегионов. Между тем эта отдельная процедура исследования, направленная на установление наиболее прочных и устойчивых связей и отношений в системе. Он не знаком с проблемой системного самовоспроизводства (аутопóйесиса), которая обладает гораздо большим потенциалом, чем идея гомеостаза, указывая на ту же роль границ системы в этом процессе. Не случайно одно

из определений уже учитывает это свойство: "В наиболее общем виде *система* может быть определена как *комплекс взаимодействующих компонентов* вместе с отношениями между ними, которые делают возможным *распознавание поддерживающих свои границы целостных образований или процессов*" [25, р. 47]. Только признание аутопóйесиса предписывает не только распознавать системные границы, но вести наблюдение за состоянием среды и внутренними процессами в самой системе [11].

Следовательно, в свете современных представлений, при анализе сложных общественно-политических систем мы должны четко проводить различие между конвенциональными (условными) системами, предлагаемыми разными авторами без достаточных оснований, и реальными их вариантами, которые характеризуются сложившимися структурами и могут обеспечивать свое самовоспроизводство. Если придерживаться предложенного понимания системы, нельзя согласиться с Г. Розманом, который считал, что Северо-Восточная Азия в 1990-х гг. уже стала регионом, в котором в результате изменения баланса основных сил целое стало больше составляющих его частей, т.е. образовала систему, несмотря на балансирование между глобализацией и национализмом [27, р. 1]. Сохранение негативной исторической памяти в отношениях между государствами региона, корейская ядерная проблема, опасения растущей мощи Китая со стороны традиционных его соседей, активная роль внешних игроков и, прежде всего, США, особое положение России и ряд других обстоятельств позволяют согласиться с другим утверждением этого автора – мы имеем здесь "заторможенный регионализм". Тем более у нас нет достаточных оснований рассуждать о подлинно системном состоянии Восточной Азии, и более приемлема точка зрения С. В. Севастьянова, согласно которой это еще формирующийся регион [17]. Тогда становится понятно, почему здесь сохраняются серьезные проблемы с интеграцией и государства предпочитают устанавливать билатеральные отношения друг с другом.

Потенциал общей теории систем в решении восточноазиатских проблем не ограничивается только этим результатом. Так, использование концепции аутопóйесиса позволяет дать ответ на вопрос, поднятый Г. Кэйпером: в какой мере понятийный аппарат и методология анализа, созданные на Западе, приемлемы для изучения реалий других частей Света. Как было уже отчасти продемонстрировано, исследование на уровне систем, их структур можно вести на основе инструментария западного происхождения – теории сложных систем. Совершенно другая ситуация получается при обсуждении внутрисистемных обстоятельств конкретных социально-политических систем (государств), специфика которых состоит в активной роли человека (людей) в их функционировании и воспроизводстве. Поэтому, для корректного анализа таких ситуаций положения концепции системного самовоспроизводства должны быть переинтерпретированы с учетом современных антропологических данных. Общие характеристики операций наблюдения и осуществляющих их субъектов – наблюдателям были разработаны в физике и биологии, включая необходимость внешнего (из среды и за средой) и внутреннего наблюдения системы. Обоснована также роль *наблюдателей первого порядка*, непосредственно взаимодействующих с доступными для них фрагментами сложной реальности, и *второго порядка*, которые должны систематизировать результаты наблюдений своих предшественников для создания общей картины изучаемых сложных явлений и объектов [1; 8; 11].

Основные требования к наблюдателям сложных общественно-политических систем, занятых собственно научными исследованиями, тоже обсуждаются в литературе. Так, итальянский политолог Д. Дзоло сформулировал: "Эпистемологическое исследование общего смысла научного знания *можно начать* только с *интерпретации исследователями своей индивидуальной символической Вселенной*, которую можно назвать "парадигмой", "дисциплинарной матрицей", "образом мысли" или *Denkkollektiv (мыслительный коллектив – А. К.)*... [7, с. 43]. Российские философы показали особенности их деятельности на более высоком уровне: "Задача такого сложного наблюдателя (наблюдателя второго порядка) состоит в том, чтобы осуществлять *семиотическое шивание контекстов в сложностно* эволюционирующим мире. Итак, идея контекстности подразумевает переход к *нарративности*. Эта идея не может быть сформулирована в строгих математических формулах

или в виде набора тематически манипулированных моделей. Здесь начинает заявлять свои права *художественное творчество*, возникают *эмпатические свойства*, не принадлежащие ни субъекту, ни объекту" [1, с. 80]. Говоря другими словами, все участники наблюдений должны отдавать себе и другим отчет в своих исходных основаниях, на базе которых они будут проводить наблюдение, и фиксировать его результаты. А вот затем другие – собственно *системные наблюдатели* должны будут из этих разрозненных описаний "сшивать" нарративы сложного. При этом, как показал уже французский специалист Э. Морен, им приходится сталкиваться с нетривиальными ситуациями, когда *"обнаружение противоречий и антиномий"* является для нас сигналом того, что мы сталкиваемся с *глубинами реального... Единственная реальность, которая доступна нашему познанию, со-производится человеческим сознанием, силой его воображения. Реальное и воображаемое сотканы, сплетены воедино, образуя ложный комплекс нашего бытия, нашей жизни... Человеческая реальность сама по себе является полувоображаемой. Эта реальность строится человеком, и она является лишь частично реальной"* [10]. Значение приведенных уточнений станет более понятным, если вспомнить ранее установленное Э. Саидом явление *ориентализма*, т.е. представлений о Востоке у американских, британских, французских авторов, работавших в разных странах этого региона и оставивших свои описания, очень часто мало соответствующие реальности [26].

В терминологии, принятой для описания системного наблюдения, следует говорить о *специалистах междунарниках, регионоведах и страноведах* как *внешних наблюдателях*, которые на своем *ограниченном опыте* пытались судить о сложных образованиях, очень отличных от привычной для них реальности. Отсюда и это постмодернистское неудобство, которое заставляет уточнять, что речь идет о взгляде из России, США и еще откуда-нибудь. Очень показательно в этом отношении также исследование хабаровских авторов об изменении представлений о Китае в разных регионах России, в зависимости их отдаленности от границы [2]. Кроме того, следует учитывать, что информацию о состоянии своей системы, реальном положении дел в государстве не всегда делают открытой для таких внешних наблюдателей. Можно ли рассчитывать при таких обстоятельствах на полностью достоверные результаты? Не стоит обольщаться и в отношении возможностей *внутренних наблюдателей*, т.е. уроженцев и резидентов определенной страны. Конечно, такие описания будут более соответствовать принятым здесь нормам и условиям общественно-политической жизни с поправкой на "дисциплинарные матрицы" их создателей. Проблема будет в том, что это будут результаты *ограниченных наблюдений*, из которых *механически* не может быть составлена *общая картина*. В идеале для того, чтобы получить реалистическое представление о таких сложных явлениях, как большое государство, а тем более регион, нам необходимы "метанарративы", которые должны разработать *наблюдатели второго порядка*.

Под наблюдателями второго порядка следовало бы подразумевать *теоретиков*, но, учитывая современное состояние теоретических оснований дисциплин, связанных с изучением Восточной Азии, приходится констатировать, что в этом отношении у нас, несмотря на предпринимавшиеся попытки А. Д. Воскресенского и некоторых других авторов, если не полный провал, то масса недоработок. В столь непростой ситуации следует уделить более серьезное внимание появлению *незападных теорий международных отношений*, в том числе российских, китайских, индийских и других [28]. Возникнув как реакция на издержки канонических (западных, точнее американских) теорий (реализм, идеализм и их модификации), этот новый опыт теоретизирования имеет особую значимость, потому что он является результатом деятельности *внутренних наблюдателей*. Поэтому в ситуации описания сложных систем незападные оценки не могут не отличаться от видения *внешних* по отношению к ним западных специалистов-наблюдателей. Очевидно, что на современном этапе перед социально-гуманитарной наукой возникает новая, очень непростая задача. Она заключается в сравнительном анализе западных и незападных теорий с позиций *сложного "антропологического" перевода* для того, чтобы сформировать новые теоретические основания, свободные от *методологического национализма*, при котором концепции, сформированные

в условиях одной социально-политической реальности, механически переносятся на реалии других стран и регионов. Понятно, что реализация предлагаемой программы исследований – это очень серьезная проблема, но, как показывает тот же пример В. В. Малявина по экзегезе самоописаний китайских авторов для российской аудитории, она может быть решена, если ею специально заниматься [12]. Подготовленные таким образом данные можно будет использовать для составления "нарративов", описывающих сложные явления в их целостном выражении. Однако для того, чтобы их создавать, наши наблюдатели сложности должны отвечать еще одному требованию – владеть *системным мышлением*.

В целом представленная позиция решения научных проблем хорошо согласуется с концепцией многополярного миропорядка и признанием значимости регионоведения как нового междисциплинарного направления. Специфика же ее заключается в том, что предлагается анализировать результаты очень разных наблюдений, являющихся осмыслением определенных реалий. Рассматриваемые различия уже проявили себя во время биполярной организации миропорядка, когда многие проблемы упрощенно рассматривались через оптику противостояния коммунистической и капиталистической идеологий. Не случайно, осознание тупика в этом противостоянии вызвало к жизни концепцию мирного существования различных систем. В настоящее время ситуация очень усложнилась, т.к. несмотря на стремление к формированию однополярной системы средствами глобализации, на мировой арене появились государства – новые региональные лидеры, которые, в силу специфики своей организации, предлагают свое видение нового международного порядка. Поэтому без полноценного диалога по основным проблемам межгосударственных отношений и будущего мироустройства не удастся устранить обнаружившиеся серьезные противоречия в современном мире. Для успеха в этом начинании требуется не только политическая воля, но и новое слово со стороны науки, способной оперировать не просто большими данными, но с реальной сложностью общественно-политических систем и их различных объединений. Решать такие задачи можно будет на основе больших теорий, основанных на общих положениях современной системной теории.

Литература

1. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложный мир и его наблюдатель. Часть 1 // Философия науки техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84.
2. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в Российском социуме // Полития. 2015. № 1 (76). С. 24–38.
3. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997. 353 с.
4. Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2007. 190 с.
5. Воскресенский А. Д. Глава 30. Регионализм как парадигма мироустройства / А. Д. Воскресенский // Современная политическая наука. Методология. Под ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 675–695.
6. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: Наука, 2004. 282 с.
7. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 320 с.
8. Диалектика познания сложных систем. М.: Мысль, 1988. 317 с.
9. Case-study: Регион Восточной Азии в мировых политических и экономических процессах // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 72–86.
10. Князева Е. Н. Эдгар Морен в поисках метода познания сложного // Морен Э. Метод. Природа природы. Пер. с французского Е. Н. Князева. М. Прогресс-традиция, 2005. 464 с.
11. Луман Н. Общество как социальная система. М.: "Логос", 2004. 232 с.
12. Малявин В. В. К пониманию глобальной стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 96–108.
13. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
14. Методологические основы научного дискурса // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 13–17.

15. Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник / Под ред. проф. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 448 с.
16. Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 729–748.
17. Севастьянов С. В. "Новый регионализм" Восточной Азии: теоретические и практические аспекты // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 111–122.
18. Системный подход в современной науке. К 100-летию Людвиг фон Бергта-ланфи. Отв. редакторы И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 566 с.
19. Смирнягин Л. В. Районы США. Портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.
20. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М.: Наука. 1975. 279 с.
21. Blauberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Systems Theory. Philosophical and Methodological Problems. Moscow: Progress Publishers, 1977. 318 p.
22. Frost E. L. Asia's New Regionalism. London: Lynne Rienner Publishers, 2008. 293 p.
23. Kuijper H. Is sinology a science? // China Report. 2000. № 36. Vol. 3. P. 331–354.
24. Kuijper H. What's wrong with the study of China/countries // Asian Studies. 2014. II (XVIII). № 1. P. 151–185.
25. Laszlo A., Krippner S. Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development // System Theories and A Priori Aspects of Perception. Amsterdam: Elsevier Science, 1998. P. 47–74.
26. Said E. Orientalism. NY: Vintage Books, 1979. 376 p.
27. Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. NY.: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
28. Voskressenski A. D. Non-Western Theories of International Relations. Conceptualizing World Regions Studies. Palgrave Macmillan, 2017. 271 p.
29. Voskressenski A. D. Transregionalism and Regionalism: What Kind of a Balance Do We Need, and Its Consequences for Practical Policies // Alexei D. Voskressenski & Boglarks Koller // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield: Lexington Books, 2019. P. 3–21.
30. Wirth C. China, Japan, and East Asian regional cooperation: the views of 'self' and 'other' from Beijing and Tokyo // International Relations of the Asia-Pacific. 2009. Vol. 9. P. 469–496.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arshinov V. I., Svirskij Ya. I. Slozhnyj mir i ego nablyudatel'. CHast' 1 // Filosofiya nauki tekhniki. 2015. T. 20. № 2. S. 70–84.
2. Blyakher L. E., Grigorichev K. V. Vglyadyvayas' v zerkala: smyslovye transformatsii obraza Kitaya v Rossijskom sotsiume // Politija. 2015. № 1 (76). S. 24–38.
3. Bogaturov A. D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995). M.: Konvert-MONF, 1997. 353 s.
4. Voskresenskij A. D. Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke. M.: ASPEKT PRESS, 2007. 190 s.
5. Voskresenskij A. D. Glava 30. Regionalizm kak paradigma miroustrojstva /A. D. Voskresenskij // Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya. Pod red. O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Aspekt Press, 2019. S. 675–695.
6. Vostochnaya Aziya: mezhdru regionalizmom i globalizmom / otv. red. G. I. Chufrin. M.: Nauka, 2004. 282 s.
7. Dzolo D. Demokratiya i slozhnost': realisticheskij podkhod. M.: Izd. dom GUVSHEH, 2010. 320 s.
8. Dialektika poznaniya slozhnykh sistem. M.: Mysl', 1988. 317 s.
9. Case-study: Region Vostochnoj Azii v mirovykh politicheskikh i ehkonomicheskikh protsessakh // Sravnitel'naya politika. 2010. № 2. S. 72–86.
10. Knyazeva E. N. Ehdgar Moren v poiskakh metoda poznaniya slozhnogo // Moren Eh. Metod. Priroda prirody. Per. s frantsuzskogo E. N. Knyazeva. M. Progress-traditsiya, 2005. 464 s.
11. Luman N. Obshhestvo kak sotsial'naya sistema. M.: "Logos", 2004. 232 s.
12. Malyavin V. V. K ponimaniyu global'noj strategii Kitaya // Problemy Dal'nego Vostoka. 2019. № 6. S. 96–108.
13. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 224 s.

14. Metodologicheskie osnovy nauchnogo diskursa // *Sravnitel'naya politika* 2010. № 2. S. 13–17.
15. *Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost'*. Uchebnik / Pod red. prof. A. D. Voskressenskogo. M.: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 s.
16. Rejdzhin CH., Berg-Shlosser D., Myor Zh. de. Politicheskaya metodologiya: kachestvennye metody // *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. M.: Veche, 1999. S. 729–748.
17. Sevast'yanov S. V. "Novyj regionalizm" Vostochnoj Azii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. № 4. S. 111–122.
18. *Sistemnyj podkhod v sovremennoj nauke. K 100-letiyu Lyudviga fon Bertalanfi*. Otv. redaktory I. K. Liseev, V. N. Sadovskij. M.: Progress-Traditsiya, 2004. 566 s.
19. Smirnyagin L.V. *Rajony SSHA. Portret sovremennoj Ameriki*. M.: Mysl', 1989. 379 s.
20. Ursul A. D. *Problema informatsii v sovremennoj nauke. Filosofskie ocherki*. M.: Nauka. 1975. 279 s.
21. Blauberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. *Systems Theory. Philosophical and Methodological Problems*. Moscow: Progress Publishers, 1977. 318 p.
22. Frost E. L. *Asia's New Regionalism*. London: Lynne Rienner Publishers, 2008. 293 p.
23. Kuijper H. Is sinology a science? // *China Report*. 2000. № 36. Vol. 3. P. 331–354.
24. Kuijper H. What's wrong with the study of China/countries // *Asian Studies*. 2014. II (XVIII). № 1. P. 151–185.
25. Laszlo A., Krippner S. *Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development* // *System Theories and A Priori Aspects of Perception*. Amsterdam: Elsevier Science, 1998. P. 47–74.
26. Said E. *Orientalism*. NY: Vintage Books, 1979. 376 r.
27. Rozman G. *Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization*. NY.: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
28. Voskressenski A. D. *Non-Western Theories of International Relations. Conceptualizing World Regions Studies*. Palgrave Macmillan, 2017. 271 p.
29. Voskressenski A. D. *Transregionalism and Regionalism: What Kind of a Balance Do We Need, and Its Consequences for Practical Policies* // Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller // *The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield: Lexington Books, 2019. P. 3–21.
30. Wirth C. *China, Japan, and East Asian regional cooperation: the views of 'self' and 'other' from Beijing and Tokyo* // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2009. Vol. 9. P. 469–496.

Кузнецов А. М. Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования).

В статье обсуждаются перспективы использования принципа сложности в регионоведческих исследованиях. Основное значение, которое дает предлагаемый подход, заключается в анализе различных описаний регионов и их составных компонентов с учетом характеристик составивших их наблюдателей и их позицию по отношению к региону. В заключении предлагается вывод, согласно которому для формирования целостного представления о регионах необходимы еще наблюдатели второго порядка, которые на основе теории региона как сложного явления смогут обобщать данные первичных наблюдателей.

Ключевые слова: *Восточная Азия, регион, сложность, теория, наблюдение, наблюдатель*

Kuznetsov A. M. East Asia as a Complex Phenomenon (Some Issues of Investigation).

The article discusses the prospects of using the principle of complexity in regional studies. The main value that the proposed approach gives is the analysis of various descriptions of the regions and their components, taking into account the characteristics of the observers who compiled them and their position in relation to the region. The conclusion is proposed that, for the formation of a holistic view of the regions, second-order observers are also needed, which, based on the theory of the region as a complex phenomenon, will be able to generalize the data of primary observers.

Key words: *East Asia, region, complexity, theory, observation, observer*

Для цитирования: Кузнецов А. М. Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 8–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/8-18

For citation: Kuznetsov A. M. East Asia as a Complex Phenomenon (Some Issues of Investigation) // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 8–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/8-18

УДК 303

Мартьянов В. С.

Понятийный кризис западного мейнстрима

Категории и иерархии западного мейнстрима

Власть, легитимность и моральную убедительность имеют, прежде всего, те социальные силы и группы, которые могут навязать свои ценности и категории описания общества. В современном обществе всегда присутствует конфликт его альтернативных описаний в различных классовых перспективах. Аналогичный конфликт описаний можно увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной структуре современных наций-государств. В основе новейшего политического мейнстрима лежат такие взаимосвязанные объясняющие/легитимирующие понятия, как прогресс, либерализм, рынок, демократия, капитализм, современность и т.д. Однако попытки разных социальных субъектов осмыслить реальную онтологию этих понятий порождают многочисленные *двойные стандарты* и идеологические интерпретации с разнообразными оценочными прилагательными. В своем большинстве попытки утверждения ключевых понятий общественных наук методологически выстраиваются на использовании универсальных бинарных оппозиций, которыми оперирует человеческое мышление как таковое. Эти оппозиции позволяют создавать простые иерархии ценностей и понятий, а соответственно и стоящей за ними социальной онтологии в виде коллективных практик, институтов, политических порядков и сообществ. Соответственно понятийный контроль мейнстрима позволяет претендовать на то, чтобы обладать монополией на интерпретацию всей онтологии современных обществ с помощью закрытого словаря объясняющих друг друга ключевых понятий.

Мейнстрим критикует *отклоняющиеся общества* в рамках неизменной бинарной схемы *норма/патология*. Эта критика является необходимым идеологическим элементом легитимации *нормальных или современных* обществ. Меняются лишь ключевые бинарные оппозиции: разум/волюнтаризм, государство/рынок, демократия/тоталитаризм, варварство/цивилизация, конкуренция/монополия, свобода/рабство, друг/враг, открытое/закрытое общество (К. Поппер), естественное государство/открытый доступ (Д. Норт и др.), инклюзивные/эксклюзивные институты (Дж. Акемоглу и др.), современность/архаика, универсальное/локальное и т.д. Подобная схоластика, выстроенная на базовой оппозиции *привилегированного /ущербного или здорового /больного*, не дает научного прироста в понимании противоречий и закономерностей любого общества существующего *здесь и сейчас*. Особенно когда споры ведутся лишь о том, какой из членов умозрительной оппозиции считать *естественным, нормативным* или *привилегированным*. Более того, в конечном счете за ними стоит дихотомия победитель/проигравший, которая не имеет прямого отношения к постижению истины. Технологические задачи легитимации гегемонии конкретных политических, экономических, культурных порядков отвлекают от изучения более сложных и важных сходств, сложных вариаций и закономерностей функционирования политических порядков *всех* современных обществ. Обществ, в которых реальные практики взаимодействия политических субъектов, элит, классов, а также механизмы принятия политических решений и функционирования социальных институтов, не дают се-

© Мартьянов В. С., 2020

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, канд. полит. наук, доцент, врио директора Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург). E-mail: martianovu@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00650 "Контурсы посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия".

резных оснований для того, чтобы разнести эти общества по принципиально различным разделам классификаций, основанных на приведенных выше бинарных схемах.

Ключевые понятия по возможности ограничиваются в свободном интеллектуальном обороте, предполагающем их неизбежную критическую рефлексию. Страны, доминирующие в глобальной экономике и военной мощи, демонстрируют аналогичное влияние и в области культурного влияния. Например, в сфере самоописания современного общества, когда *мягкая, гибкая* или *умная сила* политической теории является прямой проекцией военно-экономической силы [7]. И проблема вовсе не в истинности или релевантности политической мысли гегемонов, которые по определению не могут существовать сами по себе, вне общественного согласия. *Глобальные центры силы располагают наиболее мощными средствами продвижения своей ценностной картины мира, позволяющими сделать ее нормативной для остальных, принимать в качестве системы исходных идеологических координат.* Соответственно все альтернативные перспективы взгляда на глобальный мир или конкретное общество будут априори считаться отклонениями, патологиями и уязвимыми членами бинарных оппозиций, в которых строится любое подобное описание. В условиях укрепившегося в последние десятилетия экономикоцентризма именно экономический дискурс генерирует ключевые метафоры, превращающиеся впоследствии в научные понятия общественных наук. Системообразующим понятием доминирующего экономического дискурса является метафора рынка или, более точно, рыночное равновесие, достигаемое за счет *справедливой* и *естественной* конкурентной саморегуляции рынков спроса и предложения. Корреляция метафоры рынка с моделями дарвиновской борьбы за выживание и естественным отбором наиболее приспособленных в популяции и самих биологических популяций более чем прозрачна. В политическое поле понятие рынка напрямую переносится неолиберальным мейнстримом через специфическую, ограниченную модель элитарной электральной демократии, в которой проводятся прямые аналогии между фирмами и партиями, гражданами и потребителями, потребительской и гражданской рациональностью и т.д. Таким образом, ключевыми объясняющими и одновременно легитимирующими понятиями в западном мейнстриме выступают рынок и демократия, вокруг которых формируется каркас вспомогательных понятий. Поэтому упадок объяснительных и легитимирующих функций мейнстрима в наибольшей степени проявляется в падении релевантности и убедительности понятий рынка и демократии в контексте рентной трансформации современных обществ.

Категориальный словарь мейнстрима выработан внутри западной культуры и общества, которые обладают чем-то вроде *естественного права* на их нормативное воплощение и признание успешности их реализации в других, незападных обществах. Предполагается, что последние должны стремиться стать похожими на общества, достигшие *конца истории* в виде *рыночных либеральных демократий*. Стоит обратить внимание на то, что незападные общества могут стать лишь *похожими* или *подобными* в виде *копий*, но не равными, для них идеал остается недостижим. И более того, в рамках центр-периферийной модели внутри самого Запада есть различные степени *западности*, равно как и внутри западных обществ есть социальные слои, которые еще не стали или уже никогда не станут вполне западными. В противном случае, это нивелирует символическую монополию Запада на словарь ключевых понятий, которые образуют объясняющий и легитимирующий центр мейнстрима. Соответственно любая рефлексия и самокритика западного мейнстрима оказывается ограничена, если вообще возможна, поскольку разрушает его легитимирующую функцию, так же как и признание за глобально полупериферией и периферией (неидеальные общества) права на ответную критику западных политических, экономических, ценностных концепций и иерархий. Поэтому познавательная перспектива, в которой одни общества представляют идеализированный образ будущего для других, априори ущербна, так как любые попытки копирования в подобной иерархической модели никогда не приближают к оригиналу.

С позиций политического реализма каждая страна всегда продвигает лишь свои национальные интересы, некоторые из них могут делать это гло-

бально, не стесняясь в военно-политических средствах. Идеологическая оболочка этого продвижения в виде риторики о демократии, рынке, свободе, *обществе открытой доступа* сопровождается противоречащими ей практиками реальной военной экспансии, вмешательства в дела других стран, двойными оценочными стандартами, избирательными санкциями, установлением правил асимметричного экономического обмена и т.д. Перечисленные выше риторики и практики являются незначительным видоизменением исторической *миссии белого человека*, несущего цивилизацию и прогресс отсталым *варварам* и на этом основании берущего на себя безусловную роль *прогрессора*.

Более того, в системе глобальных политических практик конца XX–начала XXI в. либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ, подвергаемых морально-идеологической дискриминации. В них сохраняется тот же глубинный механизм властесобственности с полуконным и мягким диктатом крупных собственников; постоянно растущее экономическое неравенство, генерируемое свободными рынками; скрытая классовая и иная сегрегация; *стеклянные потолки* вертикальной социальной мобильности; клановость и родственное наследование депутатских, судебных, мэрских, губернаторских и даже президентских кресел. Отсюда возникают закономерные вопросы: доминировала ли эпоха *свободного рынка* и *массовой демократии* в какой-либо исторической реальности, а не в идеологических построениях гегемонов? Может ли свободный рынок работать в интересах всех участников рынка? Возможно ли реальное массовое демократическое участие граждан в принятии политических решений, которое не сводится лишь к периодическим процедурам легитимации новой конфигурации политических элит, конкурирующих за голоса избирателей и т.д.? В подобном контексте трудно не обратить внимание на то, что политологическим мейнстримом безупречной признается только конкуренция западных элит, в то время как аналогичные институты и процедуры в обществах, находящихся вне ядра капиталистической миросистемы, оцениваются как дефективные и недемократичные.

Вся новейшая экономическая и политическая история показывает, что чаще всего *свободным рынком* считалась только беспрепятственная экспансия метрополий в колонии, основанная на военном превосходстве и прямом государственном протекционизме [16]. В череде постоянных кризисов все очевидней проявляется системный кризис рыночного капитализма: растет затоваренность глобальных *свободных рынков* и ответная демографическая и экспортная экспансия колоний в бывшие метрополии; усиливаются разнообразные популистские деформации демократии, в том числе в западных обществах; усиливается значение внеэкономических факторов рыночной регуляции и перидела самих рынков; распадается социальное государство и т.д. Кредитная модель постоянно расширяющегося спроса, производства, прибыли перестает работать при достигнутых пределах спроса. Мировая банковская система, живущая кредитным процентом, становится лишним звеном в условиях долгосрочной стабилизации глобального спроса и предложения, в условиях глобальной демографической стабилизации и новой модели общества без экономического роста. В результате модель нерасширяющейся экономики перестает нуждаться в финансовых займах, так как пределы насыщения рынков минимизируют возможную прибыль на них, а любые попытки искусственно расширить рынки и спрос оборачиваются кризисом перепроизводства и лопающимися кредитными пузырями. Мотивация экономических субъектов со стратегических целей долгосрочного роста и развития предприятий смещается в сторону спекулятивной игры на повышении стоимости акций фирм, перестоящих приносить прибыль [2]. Все большее число влиятельных обществоведов скептически относится к возможности дальнейшего сохранения модели рыночного капитализма в основе будущего глобального мироустройства [3].

Радикализация и неразрешимость широкого круга политических и экономических проблем, связанных со *стагнацией доходной базы и сокращением доступных перспектив для большинства граждан*, если окончательно и не развеивает веру в универсальность и всеисильность рыночно-демократических символов веры в основе всемирного прогресса и современного западно-

го мейнстрима, то заставляют критически переоценить их реальное влияние на ресурсное воспроизводство и политическое управление современными обществами. Ситуация, которая описывается экономическим мейнстримом как *кризис*, постепенно становится новой нормой – сбалансированным рентным обществом, не испытывающим необходимости в массовом труде, кредитной модели постоянной экспансии спроса/производства и незаметном экономическом росте. Если ранее социальные проблемы и рост неравенства, генерируемые капитализмом, можно было легитимировать и сгладить за счет постоянного роста ВВП, который "поднимает все лодки", то в ситуации перехода к новой долгосрочной норме низкого прироста ВВП все важнее будут механизмы политического перераспределения *не растущих* общественных ресурсов, положенные в основу возможной альтернативной модели социального государства. Последняя в целях стабилизации социального порядка равновесных экономик может быть только эгалитарной и ориентированной на неизбирательную универсализацию минимальных стандартов достойной жизни граждан, например, в виде все более популярной концепции базового основного дохода, во многом заменяющей гарантии получения постоянной работы в *пост-трудовом* обществе. В противном случае политика обеспечения экономического подъема оборачивается искусственной кредитной накачкой рынка, фиктивным ростом ВВП, разбалансировкой отраслей экономики, усилением эксплуатации социальных и географических периферий капитализма и радикализацией неравенства, снижением уровня доходов большинства и последующей неизбежной дестабилизацией подобного политэкономического порядка. Рыночный капитализм, перестав расширяться, перерабатывает и устраняет сам себя, начиная тратить больше, чем зарабатывает, и генерируя растущий революционный импульс сопротивления за счет наиболее незащищенных социальных групп и сообществ.

Ренессанс онтологии властесобственности

Капиталистические классовые социальные стратификации и рыночные самоописания обществ становятся все менее удовлетворительными даже в либеральных демократиях Запада. Последние давно и серьезно отличаются от идеалтипической рыночной и классово-национальной модели индустриального Модерна, с которой производятся теоретические сопоставления. Капитализм и свободные рынки повсеместно перестают генерировать рост ВВП и создавать новые рабочие места, а представительная демократия теряет способность эффективно защищать интересы *людей труда*, чье политическое значение беспрестанно падает в роботизированных экономических процессах. Возможно, что капитализм де-факто никогда и не был доминирующим механизмом генерации и распределения общественных ресурсов, оставаясь на защитной периферии дистрибутивного (распределительного) рентно-сословного ядра современных обществ [14]. *Современные общества отличаются лишь толщиной этой рыночной оболочки, являющейся дополнительным механизмом привлечения ресурсов для национального государства.* И объем этой оболочки не создает качественного институционального и морального различия между российским Мордором и западным Арканаром. Роль *свободного рынка* и его политических метафор в виде соревновательной демократии, которая предстает не более чем конкуренцией группировок элит, оказались неоправданно переоценены. Западный мейнстрим дал слишком много невыполненных обещаний человечеству от имени либерализма, демократии и рынка по постоянному расширению спектра доступных возможностей и улучшению жизни большинства. Однако новейшая история показывает, что реализация разнообразных преимуществ тех или иных обществ могла успешно происходить вне и помимо рынка и демократии, завися от военного доминирования, научных технологий, асимметрично выстроенных экономических обменов и т.д.

Ключевая проблема состоит в том, что универсальным ядром всех современных обществ остается система властесобственности, чье существование не зависит от поверхностной идеологической риторики по поводу закрытости/открытости, демократии/авторитаризма, рынка/государства, патрон-клиентских иерархий/рыночной конкуренции и т.д. Все современные общества сложнее и противоречивее подобных бинарных схем, а их особенности и от-

личия вовсе не обусловлены тенденциозной абсолютизацией крайних членов этих оппозиций, зачисляющих их, например, в разряд демократических или рыночных. Поскольку в любых из рыночно-либеральных демократий не составят труда выявить внерыночные механизмы экономической регуляции, закрытые патрон-клиентские системы элитных взаимодействий и значимые системные дефекты воспроизводства демократии [10].

В подобной перспективе связка власти и собственности не является неким *проклятием* нерыночных и недемократических обществ. Различие современных обществ состоит лишь в преимущественном значении одного из ее компонентов. Если в *естественном государстве* скорее богатство производно от власти и статуса, то в условиях капитализма как *монетарного социального порядка* чаще политическая власть контролируется крупными собственниками и регуляторами финансовых потоков. Вовлеченность широких масс граждан в рыночный оборот не создает искомого *порядка открытого доступа*, являясь лишь обменом симуляции массового участия во власти на доступ к ресурсам (система политических рент) посредством механизмов социального государства. В такой перспективе убедительность институциональных преимуществ большинства либеральных демократий ничуть не выше, чем советские идеологические построения на тему народного государства, общенародной собственности, бесклассового общества и преимуществ новой общественной формации социализма (коммунизма) в период существования СССР. Оба варианта представляют вполне сопоставимые варианты инкорпорации населения в текущий политический порядок, основанные на базовом консенсусе относительно ценностей, механизмов и институтов, обеспечивающих фундаментальные права и материальное благополучие большинства. Общественное согласие может осуществляться как через гарантии гражданам собственности и ренты, так и через доступ к власти, связанный для большинства с их военным и трудовым значением. И в том, и в другом случае политическое участие большинства является символическим, а доступный ресурс не позволяет влиять на публичную сферу и принятие политических решений, что является атрибутивным признаком демократии.

Большинство граждан в системе современных либеральных демократий, функционирующих в режиме монетарного социального порядка (рынка), стремительно утрачивает политическое влияние. Широкие слои населения все менее востребованы рынком в ситуации технологического замещения человека во всех производственных цепочках, теряя значимость в качестве людей труда и воинов, в то время как политического влияния через собственность и деньги они никогда не имели. Это все чаще лишает их возможности привычного доступа к политическим рентам, распределяемым социальным государством, а объемы этих рент лишь сокращаются. Бенефициары политического порядка вынуждены обеспечивать ренту все большему количеству *лишних людей* в обмен на сам факт гражданства, чтобы не провоцировать рост политически опасных классов. Одновременно рынок теряет способность расширять доступное ресурсное пространство для населения, то есть создавать новые рабочие места, генерировать прибыль и обеспечивать постоянный рост ВВП. Усиливаются регулятивные функции национального государства как ключевого механизма стратификации и распределения ресурсов нового рентного общества.

Кризис *нерасширяющихся* рынков и *усиление* государства, контролирующего и распределяющего в современных обществах до 40–50% и более расходов ВВП, обуславливает неизбежное сокращение и передел массовых политических рент граждан, которые отражаются в феномене популизма [13]. Это партии и движения ведущие поиск новых политических оснований, возможностей и ограничений для рентного доступа в отношении разных социальных групп, вызывающих их последующую поляризацию на основании подтверждения новых или ограничения привычных рентных прав. Наблюдается рост влияния популистских партий и движений, обещающих сохранение рентных механизмов доступа к разнообразным благам и последовательное исключение из этих механизмов все большего количества лишних или недостойных социальных групп (неграждане, мигранты, беженцы, безработные и т.д.). Подобная разделяющая риторика интенсивно охватывает не только отдельные классы и группы, но и целые общества как в случае британского

Брекзита, одной из главных целей которого являлось именно ограничение миграции.

Конфликт между собственниками средств производства и наемными рабочими постепенно вытесняется новой конфигурацией социальных сил. Классам, обладающим стабильной работой, собственностью, политическими рентами, начинают противостоять социальные группы, которые лишены полноценной занятости на рынке труда, не обладают политическими правами и ограничены в правах на рентный доступ в качестве граждан в обновленной версии социальной политики, сокращающей объем социального государства.

Как отмечает В. М. Ефимов, "понятия "рынок" и "демократия" хорошо служат до сих пор целям легитимации монетарного социального порядка. Многих удалось убедить, что рынок чудотворным образом работает в интересах всех членов общества. "Рынок", на самом деле будучи метафорой, означает не что иное, как взаимодействие людей между собой с использованием в качестве инструмента такого взаимодействия денег, этих свидетелей долга сообщества, в котором они циркулируют, обладателям денег... В то же время правила взаимодействия с помощью этого инструмента неизбежно ведут к усилению неравенства и относительному обнищанию основной массы населения. Что касается "демократии", то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег" [5, с. 23]. К аналогичным выводам приходит Т. Пикетти, обобщивший историческую статистику изменения экономических доходов населения сквозь призму децильных доходных групп. Цифры убедительно подтверждают связь расширения рынка с усилением доходного неравенства, которое оказывается возможным сгладить только политически, механизмами государственной регуляции и вне рыночного перераспределения ресурсов [11]. Более того, реальные механизмы функционирования властесобственности в западных обществах, когда крупные собственники контролируют политические элиты, мейнстримом тщательно скрываются: "мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете. Тех же, кто пытается получить доступ к ним и проанализировать их, часто обвиняют в приверженности теории заговоров, конспирологии" [5, с. 15].

В настоящее время достигнутые пределы глобального рынка закономерно приводят конкурирующих субъектов к попыткам пересмотра механизмов контроля собственности и долей этого рынка, которые все чаще связаны с политическим и военным влиянием, торговыми войнами и протекционизмом. Соперничество все чаще выходит за пределы *чистой экономической конкуренции на саморегулируемых рынках* в условиях достижения географических, демографических и технологических резервов их роста, ранее казавшихся *вечными*.

Новую глобальную экономическую и политическую ситуацию уже невозможно убедительно осмыслить в рамках мейнстрима, который ставит в центр своих объяснительных и идеологических моделей бесконечно растущий конкурентный рынок, который повсеместно отходит из ядра на периферию общественных взаимодействий с целью извлечения и распределения ресурсов. В дискурсе западного мейнстрима укрепляющийся рентный социальный порядок может быть осмыслен только в виде социокультурных травм, архаизирующих отклонений, патологий или болезни, которые надо *исправить* или *вылечить*. Тут можно провести аналогию с игравшим в СССР сходную функцию дискурсом *пережитков* или *анахронизмов прошлого*. Показательна эволюция этого дискурса. Вначале пережитками объясняли все различия между *правильными* советскими институтами и реальностью, так как сам по себе экономический базис советского строя не мог породить имеющих место негативных явлений. Поэтому они объяснялись традицией, культурой, остатками устаревшего сословного мышления и т.д. Со временем оказалось, что советский строй и сам по себе порождает ряд негативных явлений, потому что в нем объективно существуют отношения неравенства, начальники и подчиненные, преступность, тяжелый труд и сопутствующие ему элементы эксплуатации и отчуждения, то есть нечто роднящее его с капиталистическими обществами. В

результате наиболее соблазнительным историческим решением стал отказ от наличного несовершенного социализма в пользу представлявшегося гораздо более совершенным капитализма и легитимирующих его научных и идеологических парадигм.

В отличие от советского дискурса *пережитков прошлого*, у современного обществоведческого мейнстрима пока отсутствует соблазнительная *правильная* альтернатива. Но даже ее появление вряд ли решит задачу критического пересмотра мейнстримом собственных оснований, что равносильно поражению; наверняка эти основания будут пересмотрены извне. Очевидно, что западный либерально-рыночный мейнстрим не может выйти за пределы породившей его социальной онтологии буржуазного общества, которое в период своего становления тоже было объектом морального негодования со стороны разрушающегося Старого порядка и стоящих за ним социальных сил. Соответственно экономический и политический мейнстрим на нормативном уровне ассоциируют рентную ориентацию общества либо со считающимися *архаичными институтами прошлого (земельная рента аристократии)*, либо описывают как *патологию* характерную для *неофеодалных и неопатримониальных обществ, естественных государств* и иных *периферий современности*. Стремительно устаревающий дискурс прогресса, во многом исходивший из исторического господства Запада и бесконечного расширения рынков, предполагал, что одни общества уже имеют некие универсальные ценности и институты, которые необходимо взрастить в других. Таким образом, военная, политическая и экономическая гегемония оправдывается задачами прогрессорства, которое сто лет назад открыто называлось процессом цивилизации варваров. На уровне политической мысли формулируются транзитологические рецепты, призванные *спасти* демократию и рынок: переориентировать государство, экономику и элиты *отсталых обществ* – по отношению к которым понятия демократии, капитализма и рынка употребляются только с негативными прилагательными (авторитарный, олигархический, фасадный, ограниченный, управляемый, нелиберальный, неопатримониальный и т.п.) – с поиска и распределения ренты на *институты развития*, связанные со *свободным рынком*.

Однако на фоне истощения рыночных механизмов развития все чаще обнаруживается, что феномен ренты никогда и никуда не исчезал, по-прежнему занимая центральную позицию в политэкономии капитализма: и как конечная мотивация рыночных и политических субъектов, и как способ капитализации / распределения доступных ресурсов. Политэкономия капитализма потратила немало идеологических усилий, чтобы показать несправедливость и пагубность ренты с природных ресурсов, прежде всего с земли, принадлежащей аристократии, в сравнении с трудом и капиталом, лежащими в основе конкурентных рынков. Природная рента как архаичная в моральном отношении, а также недостойная в своем нетрудовом и неконкурентном характере, была дифференцирована от новой ренты с капитала в виде прибыли в основании нового экономического порядка капитализма. Однако, несмотря на все рассуждения о прогрессивном конкурентном основании новой ренты/прибыли, превратностях и опасностях, поджидающих на этом пути и овеванных протестантской этикой буржуа-предпринимателей, а также о благах, которые даются рабочим в качестве *свободных и мобильных наемных работников* в отличие от закрепощенных крестьян, рентные механизмы приращения власти и собственности сохраняются.

Более того, ресурсы власти, труда, капитала, интеллекта можно рассмотреть как частные случаи ренты, а рентоориентированное поведение как нормальное и универсальное для всех людей и во все времена. Рента реализуется как возможность агента распоряжаться любыми ресурсами и благами, в том числе нематериальными. Это позволяет избавиться от сомнительных морализаций по поводу конкретных способов получения ресурсов и видов их распределения, например, в виде риторики *недостойного правления*, дохода *паразитического класса*, разделения *хорошей и плохой* ренты и т.д.

Исторически первоначальная модель *узкой модерности* (П. Вагнер) была связана с расширением политических прав тех граждан, чьи ресурсные возможности опирались на наличие собственности. Это право на неприкосновенность частной собственности, свобода слова, независимость суда, из-

бирательные права и т.д. Дальнейшее расширение политического класса в проекте Модерна значительным образом обусловлено трансформацией понятия собственности, которое, начиная с трудов Локка и заканчивая работами Маркса, стало интерпретироваться как основанное на труде. Соответственно, труд начал превращаться в более универсальный и возвышающий феномен, порождающий стоимость, двигающий прогресс и лежащий в самой основе частной собственности. В результате обширные социальные группы, чьим ресурсом являлась только способность к труду, получили фундаментальное идеологическое основание для доступа к политическим правам в дальнейшем дополнительно подкрепленное их статусом налогоплательщиков.

Однако *общество труда* оказалось исторически недолговечным, а статус налогоплательщика перестал гарантировать, что гражданин отдает конкретному обществу больше, чем получает от него. Любой субъект труда стремится к максимально полной коммодификации своих усилий, к предельной капитализации результатов своего труда при постоянном сокращении времени и интенсивности трудовых усилий. Более того, конечные рентные цели предпринимателей и капиталистов, если отбросить легитимирующую их частный интерес риторику свободы, самовыражения и риска, являются точно такими же, как у людей труда. Разница лишь в том, что рента извлекается из разных ресурсов, либо из способности большинства к труду, либо из наличия собственности, власти, технологий, капитала. В последнем случае рентоориентированное поведение связано с попытками выхода из рискованного состояния конкуренции (политической и экономической), в которой можно потерять все активы, к устойчивой конструкции *рентного процента* с достигнутого социального статуса или должности; или капитализации стартапа, производства уникального продукта и т.п.

Вменяемая трудовым людям *христианская этика* или *коммунистическая сознательность* в подобном утилитарном контексте являются не более чем внеэкономическим способом принуждения, связанным с деполитизацией права на достойную жизнь и снижением стоимости труда со стороны государства, собственников производств и властвующих элит [15]. Процессы коммодификации труда достигли предела и одновременно стало обнаруживаться, что в современных обществах в оплате труда начинает резко расти скрытая доля ренты, статистически выражаемая в том, что за равных труд как в разных регионах одной страны, так и в разных странах люди получают оплату труда, дифференцированную в разы и даже на порядки [9]. Последнее опровергает гипотезу о *саморегулируемых* и *выравнивающих* стоимость труда глобальных рынках, но гораздо убедительнее объясняется гипотезой о политической, географической, природной и иных видах рент, которую получают разные социальные группы и политические сообщества, которым посчастливилось родиться или переехать в общества центра мироэкономики.

Россия и мир сползают к более устойчивому и равновесному рентно-словному обществу в ситуации медленного упадка свободных рынков, обеспечивавших экономический рост и некую долю прибыли этого роста для большинства в течение последних 200 лет. Рынок порождает неравенство, но он же дает ресурсы для выравнивания, пока растет. Однако рыночное общество, обнаружив исторические пределы ресурсного роста, становится все более неравновесным и неравным, когда население и его запросы растут, а привычные способы их удовлетворения с помощью рынка перестают действовать. Привилегированные и статусные социальные группы имеют все больше возможностей перераспределять плоды роста глобального и национального ВВП и совокупный общественный продукт в свою пользу, подтверждая взаимосвязь усиления неравенства и минимизации государственного регулирования рынков [12]. Последние легко превращаются в инструмент ползучей приватизации общественных ресурсов ключевыми субъектами рынков, устанавливающими правила игры.

Иерархическое подчинение труда и капитала более универсальному понятию ренты, а также переосмысление их политических проекций позволяет увидеть, что фактически все обществоведы говорят об одном – о доступе к ограниченным ресурсам, их распределении (институты) и легитимации подобного распределения в виде той или иной версии стратификации/собственности (идеология). И неважно, идет ли речь о языке искусства, культуры, экономи-

ки, политики, истории. В рентной политической перспективе граждан и социальные группы можно рассматривать как рациональных субъектов, которые выбирают механизм наиболее приемлемого для большинства распределения ренты, накапливаемой в конкретной социальной группе, политическом сообществе, государстве. Статусное право на ренту и/или ее определенный уровень обуславливается преимущественно принадлежностью человека к определенному сословию, классу, социальной группе, а не способностью к труду или предпринимательству. Подобная социальная оптика всё точнее описывает реальность нынешних политико-экономических порядков и принципов их стратификации, чем идеологическое конструирование рынка и демократии, а также рабочего, среднего, креативного, предпринимательского и иных социальных классов, которые *должны* в качестве *обязательных* социальных феноменов, подтверждать нашу *современность*. Последняя выступает в качестве обобщающей нормы, лежащей в основании легитимности общественного порядка.

Представляется, что в публичном дискурсе назрела необходимость в открытом признании и продуктивном обсуждении доминирующего рентно-сословного характера современного общества и порождаемого им типа властно-общественных отношений. Это могло бы стать исходным пунктом как более релевантных описаний, учитывающих специфику *ядра* подобного общества, так и *программы* желательных последующих изменений в интересах ключевых социальных групп и общего движения к социальному порядку *элитарного рентного доступа*, отвечающего базовым жизненным интересам большинства населения. В сущности, дорогу в этом направлении и начинают нащупывать правые и левые популисты с их перераспределительной риторикой, которая различается зачастую лишь оттенками в критериях доступа к той или иной доле гражданской ренты.

Глобальный рентный поворот наиболее радикально проявлен в обществах, находящихся на полупериферии и периферии капиталистической мир-системы. В них интенсивность исторического развёртывания капитализма и коммодификации всех общественных сфер никогда не достигали своих высших значений. В то же время общественные противоречия и неравенства, исторически вызываемые капитализмом, не получали в них достаточной культурной, экономической и политической *компенсации*, а тем более полного разрешения, представляя постоянно тлеющий вызов капиталистической современности и сосуществуя параллельно с рыночными регулятивными механизмами. Поэтому закономерно, что историческое исчерпание экспансии и ресурсов рыночных обменов ведет к неизбежной трансформации модели общественного бытия в пользу альтернативных источников ресурсов и механизмов их распределения. Собственно эти рентные ресурсные источники, механизмы и способы их легитимации никогда полностью и не вытеснялись из общественной жизни. В подобном контексте современная Россия как полупериферийная держава представляет собой релевантный пример рентной трансформации рынка и демократии, последовательно вытесняемых на периферию социальной регуляции жизни общества [8].

Делегитимация категориального аппарата мейнстрима в контексте рентного поворота

Необходимость постоянного контекстуального уточнения ключевых понятий мейнстрима свидетельствует, что эти понятия все менее релевантны и легитимны при описании современных обществ. Большинство обществ описывает себя как демократические и рыночные, но столь же повсеместны и нарастающие проблемы с исчерпанной идеологией свободных рынков, сменяемой неомеркантилизмом, и специфической моделью элитарной демократии. Множащиеся изъяны рыночно-демократической социальной онтологии уже не позволяют выстраивать глобальные иерархии западной гегемонии через *понятия с прилагательными*, аналогичные затруднения возникают с формированием и продвижением сомнительных рейтингов свободы, демократии, коррупции, экономической устойчивости и т.п., которые ранжируют общества, как правило, на основе невнятных методологических оснований, субъективных мнений и оценок экспертов, а часто обусловлены и прямыми задачами выстраивания глобальных приоритетов влияния и идеологического доми-

нирования: "формируется даже особое "рейтинговое мышление", основанное на безоговорочном доверии к сравнительным индексам как удобным, признанным и достоверным инструментам изучения и интерпретации не только экономической, но и социально-политической реальности. В рамках такого мышления, к примеру, политологи становятся своего рода "бухгалтерами от науки", сконцентрированными на выявлении статистических закономерностей в массивах различных числовых переменных, которые генерируют разнообразными институты и организации, расположенные в нескольких западных странах" [6, с. 38].

Между тем ценностные координаты базового либерального консенсуса размываются, публичное пространство современных обществ становится гибридным и ситуативным, политические стратегии универсализации проигрывают локальным этикам добродетели, ориентированным на конкретные корпорации, сословия или *грады*, следуя терминологии Л. Болтански и Л. Тевено [1]. Ценностные различия политических партий и экономических классов становятся все менее контрастными сквозь призму устаревающих модерных идеологий индустриального общества. В условиях системного распада мейнстрима наблюдается поиск оснований новых коллективных рациональностей, практик и моральных принципов, которые призваны выражать изменение социальных запросов и самой структуры общества.

Транслируемые неолиберальными элитами теории универсальной рыночной *модернизации*, *транзита* и *открытого доступа* к возможностям *плоского мира* (Т. Фридман) выступают в виде попыток убрать конфликтное классовое, страновое и национальное содержание из исследовательского дискурса и политики, оставив лишь экономический детерминизм, неоправданно претендующий на объяснение всеобщих закономерностей. Эти теории существуют не для того, чтобы *понять* общества, в отношении которых они применяются, но с тем, чтобы выстроить глобальные ценностно-институциональные иерархии, в которых общества-гегемоны выступают в качестве *целевого образца* для всех остальных.

Неолиберальная экономическая теория последовательно исключала классическую политэкономия, анализирующую реальное влияние внеэкономических, политических факторов на экономику. В результате мейнстримная экономическая теория утрачивает целостные и универсальные представления о социальной реальности, частью которой являющиеся экономические отношения, заменив ее на редукционистские математические модели [4]. Рента и рентные отношения по возможности исключаются из описаний механизмов экономического воспроизводства современных обществ, как угрожающие подрыву гегемонии правящего класса, основанной на риторике саморегуляции свободных рынков, справедливости конкуренции, доступных *возможностях для всех* и принципе формального правового равенства субъектов экономического взаимодействия. Более того, на периферию оттесняются исследование разных видов политического регулирования рынков и конкуренции; внеэкономическое принуждение к труду, вплоть до откровенного рабства; исследования причин колоссальных разрывов в оплате равного труда в разных обществах; проблематика неоплачиваемого или низкооплачиваемого труда женщин и детей, которая вытесняется из экономики в области антропологии или *гендерных исследований* и т.д. Неолиберальный экономический дискурс был некритично перенесен и на описания политических порядков демократии в виде ключевых метафор политического рынка, на котором конфликтно взаимодействуют политические элиты, партии и избиратели.

Однако продолжающаяся с середины 1970-х годов стагнация реальных трудовых доходов большинства населения развитых стран приводит к массовому разочарованию, так как возможности рынка и элитарной демократии для повышения уровня жизни западных граждан де-факто исчерпаны. В частности, медианные трудовые доходы занятых в экономике США не растут с конца 1970-х [17]. В результате понятие ренты превратилось в *слепое пятно* экономической теории; в феномен, описываемый в контексте современности как анахронизм. Всё очевидней становится сконструированность *естественного* политико-экономического порядка современных обществ, основанного только на законах труда, капитала и рынка. И это происходит на фоне кризиса общества труда, исключения людей из всех технологических цепочек

материального производства товаров. В области сервиса человеческий труд остается более востребованным, именно туда вытесняется часть трудящихся из сферы материального производства. При этом экономика услуг демонстрирует неразрывную связь отношений производства и продажи с отношениями людей между собой. В силу этого услуги гораздо хуже описываются в категориях труда и капитала или теорий рационального выбора. Трудовые отношения здесь более зависимы от категорий господства и подчинения, разных видов личной зависимости и т.д. В то же время на периферии экономики остаются в силе и никуда не исчезают *старые* отношения подобного рода. Рента – одна из архаизирующих метафор, оказывающихся более адекватными при описании усиления такого рода экономических отношений. Можно отметить, что *архаизация* лишь ярлык, наследие западной разновидности дискурса *пережитков прошлого*, призванного скорей обходить актуальные проблемы, чем решать их. И *архаика* далеко не всегда оказывается тем, что должно остаться в прошлом – скорей, это недопонятая часть *современных* порядков, *лишний винтик*, после исчезновения которого часы некоторое время еще идут, но потом останавливаются. Таким образом, в результате нарастающих дисфункций рынков и пределов их роста то, что ранее казалось плодами *честной работы* труда и капитала, обнаруживает следы разного рода политико-административного и силового регулирования. Актуальные тенденции глобальной эволюции капитализма, рынка и демократии свидетельствуют об усилении их рентных оснований.

Заключение

Категориальный аппарат общественных наук, сформированный под влиянием западной гегемонии, метафоры рынка и идеи бесконечного роста капитализма, все менее соответствует новой социальной онтологии. Набирающие силу рентно-сословные трансформации современных обществ позволяют в обозримой перспективе отказаться от описания большинства современных обществ, и в том числе России, как отклонения от идеального типа демократии – демократии *управляемой, ограниченной, заблокированной, суверенной, авторитарной, незавершенной, дефективной, фасадной, "демократуры"* и пр. И, соответственно, от не менее патологичных моделей экономического порядка как *капитализма с прилагательными – государственного, олигархического, оффшорного, корпоративного, компрадорского, сырьевого, экстрактивного* и пр. разновидностей. Вместе с тем возникает возможность рассмотреть как, *почему, с помощью каких механизмов и в чью пользу исторически меняется иерархия распределения ресурсов на глобальном, национальном, классовом и иных социальных уровнях и измерениях.*

В подобном прагматическом контексте альтернативные рыночные, демократические, либеральные теории *должного общества* сразу же обнаруживают неустраиваемый заряд *прогрессорства и идеологических морализаций в контексте западноцентричной модели философии истории.* Представляется, что в будущем будет усиливаться релевантность описания современных обществ, исходящая из признания господства в них дистрибутивных ресурсных обменов, контролируемых преимущественно государством. В социальной структуре рентного общества будет повышаться ценность нерыночных групп, значимых с точки зрения интересов государства (чиновники, силовики, бюджетники и т.д.). Будет расти и значение новых групп, занятых производством разного рода *услуг*, завязанных на отношениях между людьми, которые не сводятся полностью ни к отношениям на рынке, ни к контролируемому государством распределению ресурсов. Наконец, уже в настоящее время активно совершенствуются популистские политические риторики, направленные на обоснование локальных сословно-корпоративных добродетелей в противовес универсальной морали *большого общества.* Эти добродетели становятся поводом для привилегированного, эксклюзивного рентного доступа к общественным ресурсам для отдельных социальных групп в виде *капитализации* полученных ими реальных или воображаемых исторических и социокультурных травм, а также основанием для отказа в рентном доступе другим группам (мигрантам, негражданам, безработным, самозанятым и т.д.).

Литература

1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 576 с.
2. Дзарасов Р. "Великая стагнация" и кризис Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://freconomy.ru/tribuna/velikaya-stagnatsiya-i-krizis-evropy.html> (дата обращения 20.02.2020).
3. Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. М.: Изд-во Ин-та им. Гайдара. 2015. 320 с.
4. Ефимов В. М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 5–51.
5. Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 7–25.
6. Иванов В. Г., Иванова М. Г. "Charts power" – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2015. № 2. С. 36–51.
7. Мартьянов В. С. Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 103–112.
8. Мартьянов В. С. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 5. С. 106–124.
9. Миланович Б. Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд. Инст. Гайдара. 2017. 333 с.
10. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы. 1959. 545 с.
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: АД Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
12. Полтерович В. Неправильный капитализм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110128> (дата обращения 20.02.2020).
13. Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. № 4. С. 138–155.
14. Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019. 416 с.
15. Фишман Л. Г. Профессионалы морали: от риторики бесценного к политическому самосознанию // Антиномии. 2019. Т. 19. № 1. С. 49–66.
16. Чанг Х.-Д. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 256 с.
17. Employed full time: Median usual weekly real earnings: Wage and salary workers: 16 years and over [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (дата обращения 20.02.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерki sotsiologii gradov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. 576 s.
2. Dzarasov R. "Velikaya stagnatsiya" i krizis Evropy [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://freconomy.ru/tribuna/velikaya-stagnatsiya-i-krizis-evropy.html> (data obrashheniya 20.02.2020).
3. Est' li budushhee u kapitalizma?: sb. st. / I. Vallerstajn, R. Kollinz, M. Mann, G. Derlug'yan, K. Kalkhun. M.: Izd-vo In-ta im. Gajdara. 2015. 320 s.
4. Efimov V. M. Kak kapitalizm, universitet i matematika sformirovali magistral'noe napravlenie ehkonomicheskoy distsipliny // Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2014. T. 14. Vyp. 2. S. 5–51.
5. Efimov V. M. O dvukh tipakh sotsial'nykh poryadkov. CHast' 1 // Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki. 2018. № 1. S. 7–25.
6. Ivanov V. G., Ivanova M. G. "Charts power" – stranovye rejtingi kak ehkonomicheskoe oruzhie i instrument myagkoj sily. CHast' I // Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya. 2015. № 2. S. 36–51.
7. Mart'yanov V. S. Problema legitimatsii progressora kak uslovie politicheskoy gegemonii // Diskurs-Pi. 2014. № 1. S. 103–112.
8. Mart'yanov V. S. Rentno-soslovnaya transformatsiya rossijskogo obshhestva // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2016. № 5. S. 106–124.
9. Milanovich B. Global'noe neravenstvo: novyj podkhod dlya ehpokhi globalizatsii. M.: Izd. Inst. Gajdara. 2017. 333 s.
10. Mills R. Vlastvuyushhaya ehлита. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 1959. 545 s.
11. Piketti T. Kapital v XXI veke. M.: AD Marginem Press. 2015. 592 s.
12. Polterovich V. Nepravil'nyj kapitalizm [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110128> (data obrashheniya 20.02.2020).

13. Rudenko V. N. Populistskij kontsept zashhity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitel'nykh politicheskikh sistem // Antinomii. 2019. № 4. S. 138–155.
14. Fishman L. G., Mart'yanov V. S., Davydov D. A. Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii. M.: Izd. dom VSHEh. 2019. 416 s.
15. Fishman L. G. Professionalny morali: ot ritoriki bestsennogo k politicheskomu samosoznaniyu // Antinomii. 2019. T. 19. № 1. S. 49–66.
16. CHang Kh.-D. Zlye samarityane. Mif o svobodnoj trgovle i sekretnaya istoriya kapitalizma. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 256 s.
17. Employed full time: Median usual weekly real earnings: Wage and salary workers: 16 years and over [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (data obrashheniya 20.02.2020).

Мартьянов В. С. Понятийный кризис западного мейнстрима.

Мейнстрим социально-политических наук, описывающий современные общества в базовых категориях демократии, капитализма и модерна, испытывает умножающиеся вызовы. Последние обусловлены изменением глобальной онтологии современного человечества, которая все хуже укладывается в прокрустово ложе модели саморегулируемого рынка и сопутствующих ей морально-политических иерархий вне экономического поля. Количество и глубина всевозможных отклонений существующих политических порядков от идеалов мейнстримных теорий, в том числе самих западных обществ, считавшихся образцовыми, уже не позволяет обходиться описанием глобальной современности с помощью бинарных оппозиций, выстроенных по принципу норма/отклонение. Мейнстрим как совокупность простых рыночных метафор и их прямых переносов в область политики все чаще обнаруживает слепые пятна, двойные стандарты и нерелевантность в отношении расширяющейся нерыночной и недемократической онтологии современных обществ.

Ключевые слова: *мейнстрим, легитимация, двойные стандарты, политический порядок, иерархия ценностей, демократия с прилагательными, властесобственность, рентное общество, рента, рентоориентированное поведение, социальная онтология*

Martianov V. S. The Western Mainstream Crisis.

The mainstream of socio-political sciences, which describes contemporary societies in the basic categories of democracy, capitalism and modernity, is experiencing increasing challenges. The latter are due to a change in the global ontology of mankind today, which can hardly be included in the Procrustean bed of the model of a self-regulating market and the accompanying moral and political hierarchies outside the economic field. The number and depth of all possible deviations of the existing political orders from the ideals of mainstream theories, including Western societies themselves, which were considered exemplary, no longer allows describing global modernity with the help of binary oppositions based on the norm / deviation principle. The mainstream as a combination of simple market metaphors and their direct transfer to the field of politics increasingly reveals blind spots, double standards and irrelevance in relation to the expanding non-market and undemocratic ontology of contemporary societies.

Key words: *mainstream, legitimization, double standards, political order, hierarchy of values, democracy with adjectives, power-ownership, rental society, rent, rent-seeking behavior, social ontology*

Для цитирования: Мартьянов В. С. Понятийный кризис западного мейнстрима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31

For citation: Martianov V. S. The Western Mainstream Crisis // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31

УДК 167.7+30

Буланенко М. Е., Поповкин А. В.

Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионоведческих исследованиях

Наша статья относится к области философии науки – предмету, который мы уже много лет исследуем на кафедре философии ДВО РАН и преподаём аспирантам академических институтов. В своей статье мы хотели бы высказать несколько методологических соображений по поводу регионоведческих исследований, причём речь прежде всего пойдёт о наиболее близкой нам области – сравнительных исследованиях в сфере духовной культуры. Собственно, наши соображения отчасти и родились в ходе занятия такими исследованиями, и мы надеемся, что они окажутся небезынтересны и бесполезны не только для философов. Поскольку наша статья имеет критический характер, мы за редким исключением не будем упоминать имён и произведений коллег, чтобы показать, что наша критика относится к исследовательским подходам, а не к учёным, которые этих подходов придерживаются.

Две крайности научных исследований: опыт без теории и теория без опыта

Наше основное убеждение состоит в том, что для регионоведческих исследований равно неблагоприятны как отказ от теоретического мышления в пользу более или менее широких описаний и обобщений эмпирических данных, так и построение априорных теоретических конструкций, под которые потом более или менее удачно подгоняются те или иные эмпирические данные. Последнее, пожалуй, может оказаться даже более неблагоприятным, поскольку может создать у неспециалистов ложное впечатление необычайной лёгкости понимания и объяснения чужой культуры, а у специалистов вызывать отторжение по отношению к теоретическому мышлению как к чему-то поверхностному, неосновательному и излишнему. Поэтому именно увлечению априорными теориями в регионоведении мы в основном и посвятим дальнейшее рассмотрение. Высказанное нами убеждение может показаться очевидным, и в таком общем виде его действительно нетрудно обосновать. Но мы рассчитываем на то, что из предлагаемого нами ниже разбора нескольких показательных примеров станет яснее, насколько распространено и влиятельно априорное теоретизирование в сравнительных исследованиях, насколько привычным оно стало и насколько большим препятствием может оказаться для подлинного постижения других культур. Выявление не всегда заметных недостатков априорных теорий и выдвижение методологических предложений по их преодолению мы и считаем главной задачей своей статьи.

Априорное и апостериорное, аналитическое и синтетическое в научных теориях

Для начала несколько терминологических пояснений. Со времён Канта *априорными* называют высказывания, содержание которых принимается независимо от данных эмпирического опыта. Как правило, такие высказывания бывают *аналитическими*, т.е. их истинность или ложность может быть установлена только на основании значений входящих в них выражений, без

© Буланенко М. Е., Поповкин А. В., 2020

БУЛАНЕНКО Максим Евгеньевич, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** maxim.bulankenko@gmail.com

ПОПОВКИН Андрей Владимирович, канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** andrey.popovkin@gmail.com

привлечения дополнительных фактов. Например, "Часы – это приборы для измерения времени" будет аналитически истинным высказыванием, которое имеет априорный характер, т.е. может быть принято и без обращения к опыту. А вот для установления истинности высказывания "На Спасской башне Кремля установлены часы" одних только значений слов будет недостаточно, потребуется установить, соответствует ли это высказывание действительному положению дел, т.е. факту. Такие высказывания называют *синтетическими*, и, как считается, именно они расширяют круг наших сведений о мире. Синтетические высказывания, как правило, *апостериорны*, т.е. принимаются только на основе данных эмпирического опыта¹.

Однако Кант полагал, что синтетическими, т.е. обогащающими наше знание о мире, могут быть и априорные высказывания. К ним он относил в первую очередь математические высказывания и основные положения естественных наук, в частности, законы сохранения в физике. В настоящее время математические высказывания принято считать аналитическими, т.к. они представляют собой или определения (в том числе аксиомы, которые со времён Давида Гильберта понимаются как неявные определения), или теоремы, полученные из определений с помощью правил логического вывода. Физические же высказывания (за исключением определений), в том числе самые общие естественнонаучные принципы, относят в наши дни к апостериорным, т.к. их принятие или отказ от них зависят от данных эмпирического опыта (история современного естествознания наглядно показывает, что пересмотру на основе данных опыта подвергались и принципы, прежде казавшиеся самоочевидными, например, принцип близкодействия, отвергнутый квантовой теорией).

В итоге в естественных науках не осталось места для синтетических априорных высказываний, да и сама их априорная часть существенно сократилась (до определений основных понятий и логических оснований естественнонаучных теорий) и утратила своё прежнее значение. Кроме того, сомнению было подвергнуто само существование синтетических априорных высказываний в том виде, в котором они были введены в философию Кантом. Вместе с тем в XIX в. – во многом под влиянием теорий истории и культуры, возникших в немецком идеализме (прежде всего у Гегеля и Шеллинга) – в гуманитарных науках всё больше распространяются теории, основные положения которых выглядят как синтетические априорные высказывания (например, положение о том, что у истории человечества есть единая цель). И в отличие от естественных наук гуманитарные науки по-прежнему широко используют теории подобного рода, хотя совершается это далеко не всегда осознанно.

Реализм и инструментализм в оценке научных теорий: преимущества и недостатки

Ещё одно важное терминологическое различие – это различие между *наблюдаемыми* и *ненаблюдаемыми* (теоретическими) предметами (слово "предмет" следует здесь понимать в самом широком смысле – как эквивалент слов "что-то" или "нечто"). В теориях допускается существование ненаблюдаемых предметов (например, кварков в ядерной физике, обладающих порой самыми невероятными свойствами, наподобие "аромата" или "очарования"), поскольку это позволяет лучше понять данные наблюдений и экспериментов. При этом часть учёных и философов науки полагает, что теоретических предметов на самом деле не существует, а их допущение имеет инструментальный характер и предназначено исключительно для лучшего описания и обобщения эмпирических данных². Противоположная и, пожалуй, более распространённая и влиятельная точка зрения заключается в том, что теоретические предметы не менее реальные, чем наблюдаемые. Для обоснования этого, как правило, используются те или иные разновидности индуктивного аргумента

¹ Следует отметить, что в современной философии различие между аналитическими и синтетическими высказываниями уже давно не считается безусловным. Об этом см. известную статью [6].

² В физике, например, одним из самых известных критиков реальности субатомных частиц был Пьер Дюгем, французский физик и философ науки. Подробнее о его взглядах см. книгу [4].

"от наилучшего объяснения": допущение существования теоретических предметов позволяет наилучшим образом объяснить существование и свойства наблюдаемых предметов, значит, теоретические предметы действительно существуют. Однако этот аргумент является не строго логическим, а лишь более или менее правдоподобным, так что позиция теоретических реалистов оказывается уязвима для критики со стороны их противников³.

Сомнение в существовании теоретических предметов стало отличительной чертой позитивизма Огюста Конта, и начиная с XIX в. позитивизм, понимаемый как отказ от допущения каких бы то ни было предметов за пределами эмпирических данных, стал приобретать в гуманитарных науках влияние не меньшее, чем априорное конструирование теорий. Последнее, в свою очередь, было отвергнуто не только позитивистами, но и умеренными теоретическими реалистами, ведь в силу оторванности от эмпирических данных априорные теоретические допущения кажутся малоосновательными и произвольными. В современных гуманитарных науках, в том числе и в России, широко представлены обе крайние позиции, причём позитивистская установка (пусть и не всегда осознаваемая и называемая) зачастую признаётся более научной, так как кажется более экономной (не допускает "сущностей без необходимости") и, соответственно, не выдвигает познавательных притязаний, которые трудно оправдать. Главный недостаток этой установки заключается в том, что она может приводить к молчаливому отказу от построения даже инструменталистски понимаемых теорий, и в этом случае описание и обобщение эмпирических данных совершается в отсутствие общезначимой познавательной цели. Ясно, что подобные изыскания могут иметь лишь ограниченную научную значимость, представляя собой скорее образец фактографии, чем полноценное исследование. В свою очередь, априорные теории приобретают громкую известность (достаточно вспомнить "столкновение цивилизаций" С. Хантингтона), но слабо согласуются с эмпирическими данными или же прямо противоречат им, а потому обладают не очень значительной объяснительной силой.

Априоризм в отечественных гуманитарных науках: теория типов И. В. Киреевского как образец для последующего теоретизирования

В отечественной науке построение обширных априорных теорий в области общественных и гуманитарных наук имеет давнюю традицию и в развитии виде встречается уже в XIX в. Одна из первых теорий подобного рода была предложена И. В. Киреевским в его статьях "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России" (1852 г.) и "О необходимости и возможности новых начал для философии" (1856 г.)⁴. В этих работах, последняя из которых существенно исправляет и дополняет первую, И. В. Киреевский предпринимает попытку обширного истолкования истории человечества, прослеживая в ней действие нескольких универсальных и неизменных образцов, составными частями которых он называет образование, общественное и государственное устройство, а также характер поместной церкви⁵.

И хотя в наши дни едва ли кто-то из учёных вспоминает о теории И. В. Киреевского, сам ход его мысли, направленный на построение простой и наглядной априорной классификации для понимания сложных общественных и духовно-исторических явлений, по-прежнему близок многим исследователям как в России, так и за рубежом. Объяснить и понять что-либо при таком подходе означает просто отнестись это в тот или иной раздел классификации: чтобы создать впечатление исчерпывающего понимания и взаимопонимания одному исследователю достаточно просто сказать другому что-то вроде "это – типичный пример иерархичности, свойственной восточной ментальности".

³ Краткое изложение спора между реалистами и инструменталистами см. в 4 главе книги [20]. Особое влияние инструментализм приобрёл в недавнее время благодаря работе Баса ван Фрасена [12].

⁴ Обе работы содержатся в сборнике [5].

⁵ Подробнее о философии И.В. Киреевского, в частности о его теории типов, см. статью [2].

Исчерпывающий список даже самых известных априорных классификаций подобного рода привести здесь не представляется возможным, но среди них – культурно-исторические типы Н. Я. Данилевского, циклически развивающиеся замкнутые этносы Л. Н. Гумилёва, "дао" и "логос" Т. П. Григорьевой, обособленные друг от друга культуры О. Шпенглера, "цивилизации" С. Хантингтона, "география мысли" Р. Нисбетта и многое другое. Все эти теории, включая теорию И. В. Киреевского, по-прежнему оказывают осознаваемое или не осознаваемое самими учёными влияние на сравнительные и региональные исследования, в частности на исследования в области духовной культуры. В этом смысле предлагаемое нами ниже краткое изложение теории И. В. Киреевского будет не столько экскурсом в историю науки, сколько обобщающим описанием типичных черт априорного теоретизирования в социальных и гуманитарных науках, претерпевшего за прошедшие полтора столетия мало изменений.

Современник и единомышленник И. В. Киреевского А. С. Хомяков охарактеризовал исследовательскую задачу И. В. Киреевского (с которой тот, по его мнению, вполне успешно справился) как "*определение типов западного и восточного* [курсив в оригинале. – Авт.], т.е. тех идеалов, которые лежат в основе двух разнородных просвещений и двух разнородных историй" [7, с. 521]. Сам И. В. Киреевский термин "тип" не употреблял, а его теория истории в той или иной степени затрагивает Римскую империю, Византию, западноевропейские государства, Россию, а также сирийское, александрийское и арабское общества. Тем не менее оценку А. С. Хомякова в целом следует признать верной, так как в описании И. В. Киреевского Римская империя и современные западноевропейские государства принадлежат к одному типу, который условно можно назвать "западным" [ср. 5, с. 259–260], а Византия, Россия, сирийское и александрийское общества – к другому, который можно назвать "восточным". В свою очередь, арабское общество образует отдельный тип, который скорее родствен западному.

Типы И. В. Киреевского – это не эмпирические обобщения историка, а идеальные объекты в платоновском смысле, универсалии, которые в ходе истории всегда идентичны себе, даже если осуществляются в разных народах⁶. При этом существенным свойством восточного типа является духовная цельность, тогда как западного – духовная раздробленность, приводящая к обособлению и конфликту отдельных духовных способностей человека [5, с. 287]. Относительное благополучие достигается здесь только благодаря разуму, который обеспечивает хотя бы внешнее единство и связность во всех областях жизни [ср. 5, с. 283, 260–262]. Несмотря на свою оторванность от реальной истории европейских народов, созданные И. В. Киреевским шаблоны за прошедшие полтора века ничуть не утратили своей привлекательности для отечественной науки – подобные противопоставления до сих пор встречаются в исследовательской литературе и публицистике на каждом шагу.

Описанные И. В. Киреевским типы придают социальной и духовной реальности неизгладимо детерминистский характер. Но этот идеалистический детерминизм настолько разошелся с известной самому И. В. Киреевскому историей Европы, что в своей последней большой работе он уже пытается вводить интенциональные объяснения, допускающие влияние свободных деятелей на ход истории. Кроме того, в этой работе он гораздо более разносторонним образом использует эмпирические данные исторической науки, что существенно дополняет и поправляет его первоначальные описания типов. В этом отношении И. В. Киреевский по-прежнему может служить примером добросовестного исследователя, готового поступиться своими априорными теоретическими соображениями, если они обнаруживают свою несостоятельность.

Виды объяснений в науке. Трудности, связанные с объяснениями, в гуманитарных науках

Здесь следует сделать краткое разъяснение. В философии науки *объяснение* понимается как указание *причины* того или иного положения дел. И в соответствии с видами причин различают и несколько видов объяснений: *ка-*

⁶ На проистекающие отсюда расхождения с фактами (в частности, с фактами русской истории) обращает внимание опять же А. С. Хомяков [7, с. 456–470].

узальные объяснения указывают действующую причину, т.е. событие, которое привело к возникновению имеющегося положения дел, а функциональные и интенциональные объяснения в качестве причины указывают оптимальное состояние, достижение которого не предполагает сознательных намерений (в случае функционального объяснения) или предполагает сознательные намерения (в случае интенционального объяснения)⁷. Каузальные объяснения в наибольшей степени используются в физических науках, функциональные – в биологических, а интенциональные – в гуманитарных и социальных. Функциональное объяснение в биологии состоит в указании на то, что появление того или иного биологического признака вызвано его необходимостью для приспособления к условиям окружающей среды. И хотя наличие этого признака в принципе всегда можно объяснить и каузально (как результат последовательных генетических изменений в ходе взаимодействия с окружающей средой), функциональное объяснение не становится ненужным или излишним: оно не только зачастую более доступно, чем каузальное, но и указывает на важную особенность живого – тенденцию к достижению и поддержанию оптимальных состояний. Однако действенность функциональных объяснений в области биологии не должна приводить к их необдуманному переносу в область социальных и гуманитарных наук, что опять же становится всё более распространённым начиная с XIX в. Такой необдуманный перенос не только препятствует подлинному пониманию тех или иных явлений, но и порождает ряд значительных трудностей⁸.

Например, в теории И. В. Киреевского высокоразвитая рациональность имеет место в западном типе потому, что её собственная функция – обеспечение целостности и тем самым самосохранения общества западного типа и его членов. Однако если в биологии механизм отбора адаптивных признаков понятен (генетические изменения под влиянием окружающей среды), то здесь И. В. Киреевский ни о каком подобном механизме не упоминает. В итоге перед нами оказывается только видимость объяснения, не дающая реального понимания соответствующего явления. Хорошее интенциональное объяснение, которое указывало бы на сознательные цели тех, кто занимался совершенствованием рациональности, было бы в данном случае гораздо более уместным и познавательным.

Трудности, связанные с объяснениями, в априорных теориях

Как уже говорилось выше, сам И. В. Киреевский со временем всё больше прибегал к интенциональным объяснениям, однако и для него, и для его единомышленников (а их немало и в наши дни) с этим оказывается связана едва ли преодолимая трудность: если возникновение и действенность типов в истории можно объяснить интенционально, то типы утрачивают самостоятельное значение для объяснения, становясь ограниченными эмпирическими обобщениями социальных тенденций; если же мы припишем типам самостоятельную объяснительную силу, то она будет иметь или сомнительный функциональный, или ещё более энигматичный характер. В любом случае теория в духе И. В. Киреевского, построенная на априорной классификации типов, оказывается неудовлетворительной.

Не очень понятно и то, насколько и как совместимы друг с другом интенциональные и функциональные объяснения одних и тех же явлений. В самом деле, если возможно объяснить совершенствование рациональности интенционально, то нужно ли ещё дополнительно привлекать функциональное объяснение сомнительной ценности? Если для объяснения особенностей западноевропейских обществ нового времени требуется рассматривать пред-

⁷ Считается, что одним из первых функциональные объяснения в социальные и гуманитарные науки в XX в. ввёл один из основателей аналитического марксизма Джерри Коэн. См., в частности, главы IX и X его книги [9] (первое издание вышло в 1979 г.). Проницательный анализ логической формы функциональных и интернациональных объяснений можно найти в главах IV и V книги [11].

⁸ Критику функциональных объяснений в социальных и гуманитарных науках см. в статье Юна Эльстера [10]. В этом же номере журнала были опубликованы и возражения на его критику.

ставителей этих обществ как свободных деятелей, то что даёт допущение идеалистического детерминизма типов?

Древнекитайская философия как теория компьютерного мышления: Чед Хансен и его априорное понимание доханьской философии

Нетрудно убедиться в том, что построение априорных классификаций (со всеми присущими ими недостатками) – это дело не только далёкого прошлого и не только отечественной науки: оно процветает и в зарубежных регионоведческих исследованиях. Впервые мы соприкоснулись с этим при написании собственных разделов для коллективной монографии "Дао и телос", которая тоже имела регионоведческую тематику и должна была стать сравнительным исследованием в области духовной культуры, в частности философии. Один из авторов, теории которого подлежали разбору в монографии – профессор Гонконгского университета Чед Хансен, оказавший немалое влияние на изучение китайской философии как в самом Китае, так и за его пределами. Первая большая работа Ч. Хансена – "Язык и логика в Древнем Китае" (1983 г.) [14]. Изложенные в ней теоретические соображения он позже развивает в обширной статье "Язык в сердце-уме" (1991 г.) [16] и в книге "Даосская теория китайского мышления" (1992 г.) [17].

Уже беглое знакомство с произведениями Ч. Хансена показывает, что в своём подходе к изучению китайской культуры он всецело привержен такому же априорному теоретизированию, какое мы только что видели у И. В. Киреевского. И хотя Ч. Хансен тоже прямо не говорит о типах, в его работах отчетливо вырисовываются два противоположных типа философского мышления, один из которых можно условно назвать "западным", а другой – "(древне)китайским". Разница состоит, пожалуй, только в степени несходства типов друг с другом. Если у И. В. Киреевского восточный и западный тип отличались друг от друга цельностью и, соответственно, рассогласованностью духовной жизни, то для Ч. Хансена понимание мышления в древнекитайской философии радикально противопоставлено западному взгляду: с точки зрения древнекитайской философии, полагает Ч. Хансен, деятельность мышления состоит не в познании мира и сознательном руководстве жизнью человека, а в выполнении множества поведенческих программ, регулирующих социальное взаимодействие между индивидами.

Хотя Ч. Хансен, по его словам, в первую очередь предлагает интерпретацию древнекитайской философии языка и мышления, из его высказываний явствует, что сам он склонен поддерживать подход этой философии (в его собственной интерпретации) к её предмету – языку и мышлению, причём не только китайскому [16, с. 119–120]. По его мнению, специфика китайского языка определяет облик не только, собственно, древнекитайской философии языка, но и древнекитайской философии вообще, распространяясь далее на понимание этики и политики. Подобным же образом, по-видимому, обстоит дело и на Западе, где теоретическое осмысление языка также оказывается определяющим для других областей духовной жизни человека [16, с. 94–95, 119]. В этом отношении предлагаемая Ч. Хансеном интерпретация выходит за пределы одной лишь философии языка и мышления: речь уже скорее идёт о древнекитайском и западном типах теоретизирования вообще, а, возможно, даже и о двух типах культуры – наподобие тех, о которых в своё время писал И. В. Киреевский.

Ч. Хансен отмечает следующие особенности китайского языка, повлиявшие на характер древнекитайской философии:

(1) в нём не выделяются предложения как некоторое законченное выражение мысли, а центральным элементом языка выступает "имя" (*мин* 名) [16, с. 82];

(2) все "имена" за исключением личных – это неисчисляемые существительные [16, с. 83], и они относятся к (мереологическим) классам объектов, распределённым по пространству-времени ("mereological sets [...] scattered in the space-time") [14, с. 35];

(3) в нём слабо различаются изъявительное и побудительное наклонения, так что побудительные предложения имеют не меньше оснований считаться главным видом предложений, чем изъявительные, а понимание языка

в Китае определяется его предписывающей, а не описывающей функцией, как на Западе [16, с. 76, 84];

(4) использование языка ориентировано не на семантику, а на прагматику: язык используется для того, чтобы правильно проводить различия (*бянь* 辯), используя "имена" – не для определения их подлинных значений и установления истины, а для правильного поведения и социального взаимодействия [16, с. 84–85].

Вследствие этих особенностей древнекитайская теория языка, согласно Ч. Хансену, оказывается лишена адекватных эквивалентов для ряда понятий, считающихся основными в западных теориях: это такие понятия, как истина, мысленное представление (репрезентация), убеждение, а также знание, выразимое в форме предложений (пропозициональное знание) [16, с. 76–77]. Более того, он полагает, что понятие истины и такой пропозициональной установки, как убеждение (а, соответственно, и знание), в древнекитайской философии попросту отсутствует [15, с. 492, 500]. С этими и другими упомяннутыми выше понятиями, которые Ч. Хансен походя относит к "теории эпохи рококо", он советует расстаться – для правильного понимания древнекитайской философии [16, с. 96]. И вообще этой философии свойственно понимание языка не как средства описания или репрезентации действительности, а как инструмента социализации индивидов и координации их поведения [16, с. 77]. Поэтому, продолжает Ч. Хансен, наиболее близкой аналогией древнекитайской теории мышления была бы компьютерная теория мышления как синтаксической машины, получающей вводные данные и выполняющей запрошенные на ней программы [16, с. 95–96].

Для того, чтобы составить себе представление о том, как должно было бы выглядеть человеческое мышление в глазах древнекитайских философов, достаточно ознакомиться с некоторыми основными категориями древнекитайской философии в интерпретации Ч. Хансена⁹:

(1) *дао* 道 ("путь"): руководящий или предписывающий дискурс – поведенческий код, который может выполняться различным образом. Дао в связке с *вэнь* 文 (культурой, в первую очередь литературой, а также музыкой) – это средство, с помощью которого общество обучает человека правильному различению;

(2) *синь* 心 ("сердце-ум"): центральный процессор, читающий и выполняющий программу (дао). Путём интерпретации тех дискурсов, в которых участвует человек, он направляет тело на совершение правильного поступка (в том числе произнесение определённых слов). Сердце-ум реагирует на внешние раздражители, оценивая их с точки зрения возможной реакции *ши-фэй* ("это / не это", "принятие / отказ", "да / нет", "за / против"). Это – "ветвление программы";

(3) *дэ* 德 ("сила", "добродетель", "внутренне дао"): врождённая программа, позволяющая усваивать дао, которым общество программирует человека. Так, освоение человеческого языка состоит в освоении следования дао, которое произносится или кодируется с использованием соответствующего языка. Таким образом врождённое *дэ* надстраивает в человеке приобретённое *дэ*, или, что то же, интернализирует дао. Приобретённое *дэ* индивидуально, и человек вынужден загружать в себя культурное *дао* до тех пор, пока он не станет мудрецом, и тогда он будет запускать программы (дао) в других.

(4) *ши-фэй* 是非 ("принятие-отказ"): бинарное ветвление программы, запускающее выполнение комплексных ситуативных программ. Обучение языку – правильно использовать "имён" – сопровождается корректировкой нашего поведения (в первую очередь, лингвистического) в зависимости от реакции окружающих. Интерпретация – это непрерывная активность *ши-фэй*, сопровождающаяся изменениями во внутренней *дэ*. В ином случае следование намеченному дао будет невозможным.

⁹ За более подобным описанием отсылаем к статье [1].

Трудности, связанные с объяснениями, в теории Ч. Хансена и её несоответствие эмпирическим данным

Действительно, в таком изложении древнекитайское понимание человеческого мышления кажется чем-то радикально иным по отношению ко всему тому, что привычно для классической западной философской традиции. Вместе с тем именно эта радикальная инаковость и заставляет всерьёз усомниться в том, что кто-то в самом деле мог понимать (и тем более использовать) человеческое мышление таким образом, и причём в течение столетий.

Несмотря на то, что некоторые экстравагантные утверждения Ч. Хансена были неожиданно поддержаны таким авторитетным исследователем и знатоком китайской философии, как Ангус Чарльз Грэм [ср. 13] тщательное опровержение теории Ч. Хансена не заставило себя долго ждать. С этим опровержением, которое, по-видимому, можно считать окончательным, выступил в своей статье "Сино-логические маргиналии" [18]¹⁰ профессор Университета г. Осло Кристоф Харбсмайер, автор многочисленных работ по китайской философии, среди которых – фундаментальная первая часть ("Язык и логика") седьмого тома энциклопедии Дж. Нидэма "Наука и цивилизация в Китае" [19]. На обширнейшем материале древнекитайской философской и исторической литературы К. Харбсмайер показал, что:

(1) не только в самом китайском языке, разумеется, были и есть предложения, но и древнекитайские авторы выделяли предложение как синтаксическую единицу и некоторое законченное выражение мысли [18, с. 145–147];

(2) в китайском языке вполне различались исчисляемые и неисчисляемые существительные, и древнекитайские авторы вполне отдавали себе отчёт в этом различии [18, с. 155–161; 19, с. 311–320];

(3) учение Ч. Хансена о том, что китайские имена существительные относятся к "мереологическим классам, распределённым в пространстве-времени" и понимались в качестве таковых древнекитайскими авторами, не находит никакого подтверждения в древнекитайской литературе [18, с. 156; 19, с. 312];

(4) в китайском языке и в древнекитайской философии имелось и широко использовалось понятие истины как соответствия между описательным предложением (а также выраженной в нём мыслью или пропозицией) и описываемым положением дел [18, с. 126–141; 19, с. 193–209];

(5) в древнекитайской литературе имелось понятие такой пропозициональной установки, как убеждение [18, с. 144–145].

Таким образом, обычного непредвзятого прочтения древнекитайских текстов оказывается вполне достаточно, чтобы установить неосновательность воззрений Ч. Хансена на китайский язык, а равно и отсутствие в древнекитайской литературе предпосылок для компьютерной теории мышления в том виде, в котором её излагал Ч. Хансен. Более того, набросанная К. Харбсмайером картина древнекитайской философии обнаруживает удивительную близость к античной и позднейшей европейской философской традиции¹¹. К слову, не одно из опровержений К. Харбсмайера не было, в свою очередь, опровергнуто или хотя бы даже оспорено самим Ч. Хансеном (при том что, как явствует из замечания К. Харбсмайера, он ознакомил Ч. Хансена с рукописью своей статьи до её публикации).

Помимо вопиющего несоответствия эмпирическим данным априорная теория Ч. Хансена ещё и не даёт никакого ответа на вопрос о том, каким образом отмеченные её автором (но, как оказалось, не существующие) особенности китайского языка предопределили возникновение в древнекитайской философии именно компьютерной теории мышления. Даже если бы все указанные Ч. Хансеном языковые особенности действительно существовали, необходимо было бы прежде всего описать и подтвердить эмпирическими данными предполагаемые способы их влияния на построение теорий языка и

¹⁰ Краткое изложение этой работы К. Харбсмайера см. в упоминавшейся выше статье [1, с. 113–121].

¹¹ Подобного же рода близость может быть обнаружена и при выявлении ценностных предпочтений, в частности на материале литературных произведений. Эскиз сравнительного анализа ценностных предпочтений на примере поэтических текстов см. в статье [3].

мышления. Здесь мы сталкиваемся с трудностью, похожей на встреченную нами у И. В. Киреевского: указание предполагаемой причины тех или иных духовных или социальных явлений требует ещё и описания механизмов, посредством которых эта причина приводит к возникновению соответствующих следствий. Без описания таких механизмов введение причины, пусть и обладающей *prima facie* значительной объяснительной силой, отдаёт произвольностью и не может быть рационально приемлемым.

Вместо заключения: влияние априорных теорий и гипотетико-дедуктивный метод как разумная альтернатива в гуманитарных исследованиях

Тем не менее привлекательность оригинальности, по-видимому, оказалась такова, что даже раздел (и не только он один) в упомянутой выше коллективной монографии, посвящённый разбору теории Ч. Хансена и изложению возражений К. Харбсмайера, в итоге оказался настолько видоизменён, что взгляды Ч. Хансена предстают уже вполне заслуживающими внимания и не лишёнными известных достоинств. Впрочем, как выяснилось, удивляться тут было нечему, так как и сама коллективная монография стала очередным вкладом в копилку априорных теорий, что, однако, не помешало (наверное, скорее даже помогло) ей стать довольно цитируемым изданием. А видоизменённый раздел для восстановления справедливой оценки пришлось расширить до отдельной статьи, чтобы опубликовать исходный материал в неискажённом виде.

Между тем, показав на нескольких примерах недостатки априорных теорий, мы почти ничего не сказали о противоположной крайности – о превращении научного исследования в простое описание и обобщение эмпирических данных из приглянувшейся исследователю области. Трудность здесь заключается в том, что в отличие от априорных теорий кратко пересказать содержание таких исследований невозможно: нам пришлось бы просто констатировать отсутствие в соответствующем исследовании интересных и познавательных теоретических размышлений, но подтвердить это в своей статье мы бы никак не смогли – ведь для этого нужно было бы привести текст всего исследования. Поэтому здесь мы вновь ограничимся простым указанием на существование таких мало что проясняющих исследований и на их сомнительную научную ценность. На наш взгляд, в отечественных социальных и гуманитарных науках подобного рода исследований более чем достаточно – во всяком случае не меньше, чем образцов априорного теоретизирования разного масштаба.

В заключение можно было бы высказать какие-то предположения относительно того, почему в науке, гордящейся своими стандартами рациональности, настолько распространены исследования, явно не дотягивающие до этих стандартов. Помимо прочего, априорное теоретизирование, как кажется, удовлетворяет нашу потребность быстро отыскивать шаблоны, позволяющие нам лучше ориентироваться в большом количестве сведений, а отказ от поиска теоретических принципов и объяснений может отвечать нашему стремлению экономить усилия. В любом случае ни то, ни другое не было бы так распространено, если бы не находило широкого признания в сообществе учёных, занимающихся социальными и гуманитарными исследованиями.

Что касается методологических соображений, которые кажутся наиболее разумными нам самим, то для безопасного исследовательского плавания между Сциллой эмпиризма и Харибдой априоризма мы не видим ничего лучше привычного гипотетико-дедуктивного метода, кратко описание которого можно найти у Юна Эльстера (термин "каузальные положения" он понимает здесь в широком смысле – как указание на один из трёх упоминавшихся выше видов причинности):

1. Выбрать теорию, набор взаимосвязанных каузальных положений, которая предоставляет самые большие перспективы успешного объяснения.

2. Подобрать гипотезу, которая согласует теорию с головоломкой, то есть чтобы экспланандум логически вытекал из гипотезы.

3. Установить или представить себе надёжные основания, которые могут дать альтернативные объяснения, снова таким образом, чтобы экспланандум логически вытекал из каждого из них.

4. Опровергнуть все конкурирующие объяснения, указав для каждого на дополнительные, поддающиеся проверке следствия, которые в действительности не наблюдаются.

5. Усилить предложенную гипотезу, показав, что она имеет дополнительные, поддающиеся проверке следствия, желательные новые факты, которые находят своё подтверждение в действительности" [8, с. 28].

В дополнение к этому описанию стоит ещё, пожалуй, напомнить, что, как показывает история науки, несоответствие эмпирическим данным само по себе ещё не должно становиться основанием для отказа от соответствующего теоретического положения или от всей теории целиком: вполне допустимо введение вспомогательных гипотез, объясняющих расхождение с эмпирическими данными. Ясно, однако, что теория при этом не может оставаться неизменной – это, как мы видели, принимал во внимание И. В. Киреевский, но не Ч. Хансен.

Наконец, теория не обязана сразу быть всеохватной или даже просто очень обширной – она вполне может ограничиться не самой большой предметной областью: возможно, это не даст сенсации, но зато кое-что поможет понять с уверенностью. И в этом отношении полноценное понимание собственного, а равно и любого другого, общества возможно только на путях постепенного теоретического осмысления, не жертвующего стандартами рациональности и всякий раз готового отказаться от уже достигнутого в пользу более обоснованного.

Литература

1. Буланенко М. Е. Для всякой ли философии важна истина? Два взгляда на философию доханьского Китая // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 105–121.
2. Буланенко М. Е. Уроки И. В. Киреевского для современной философии // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 6. С. 44–66.
3. Буланенко М. Е. Философская теория ценностей и аксиологические основания русской и китайской культур // Дальний Восток России и Китай: диалог культур стран-соседей [Электронный ресурс]: междунар. научно-практич. конф.: материалы / ред. кол.: Г. В. Алексеева (отв. ред.), И. И. Крыловская, Д. А. Владимирова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. С. 185–189.
4. Дюгем П. Физическая теория. Её цель и строение. М.: КомКнига, 2007.
5. Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна; Редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1979.
6. Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева; Под общ. ред. В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–48.
7. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историософии. М.: Московский философский фонд, Медиум, 1994.
8. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: ещё раз об основах социальных наук / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011.
9. Cohen G. A. Karl Marx's theory of history: a defence. Princeton: Princeton University Press, 2000.
10. Elster J. Marxism, functionalism, and game theory: the case for methodological individualism // Theory and society. 1982. № 4 (vol. 11). P. 453–482.
11. Essler W. K. Wissenschaftstheorie IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg, München: Alber, 1979.
12. Fraassen B., van. The scientific image. Oxford: Clarendon Press, 1980.
13. Graham A. C. The disputation of Kung-sun Lung as argument about whole and part // Philosophy East and West. 1986. № 2 (vol. 36). P. 89–106.
14. Hansen C. Language and logic in Ancient China. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983.
15. Hansen C. Chinese language, Chinese philosophy, and "truth" // Journal of Asian studies. 1985. № 3 (vol. 44). P. 491–520.
16. Hansen C. Language in the heart-mind // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 75–124.
17. Hansen C. A Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation. New York: Oxford University Press, 1992.

18. Harbsmeier C. *Marginalia sino-logica // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 125–166.*
19. Needham J. *Science and civilisation in China. Vol. 7, Part 1: Language and logic / by C. Harbsmeier; ed. by K. Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.*
20. Okasha S. *Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016.*

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bulanenko M. E. *Dlya vsyakoj li filosofii vazhna istina? Dva vzglyada na filosofiju dokhan'skogo Kitaya // Rossiya i ATR. 2013. № 1. S. 105–121.*
2. Bulanenko M. E. *Uroki I. V. Kireevskogo dlya sovremennoj filosofii // Vestnik PSTGU. Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2017. № 6. S. 44–66.*
3. Bulanenko M. E. *Filosofskaya teoriya tsennostej i aksiologicheskie osnovaniya russkoj i kitajskoj kul'tur // Dal'nij Vostok Rossii i Kitaj: dialog kul'tur stran-sosedej [Elektronnyj resurs]: mezhdunar. nauchno-praktich. konf.: materialy / red. kol.: G. V. Alekseeva (otv. red.), I. I. Krylovskaya, D. A. Vladimirova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018. S. 185–189.*
4. Dyugem P. *Fizicheskaya teoriya. Eyo tsel' i stroenie. M.: KomKniga, 2007.*
5. Kireevskij I. V. *Kritika i ehstetika / Sost., vstup. stat'ya i primech. Yu. V. Manna; Redkol.: M. F. Ovsyannikov (pred.) i dr. M.: Iskusstvo, 1979.*
6. Kuajin U. V. *O Dve dogmy ehmpirizma // S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov / Per. s angl. V. A. Ladova i V. A. Surovtseva; Pod obshh. red. V. A. Surovtseva. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. S. 24–48.*
7. Khomyakov A. S. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1. Raboty po istoriosofii. M.: Moskovskij filosofskij fond, Medium, 1994.*
8. Ehl'ster Yu. *Ob'yasnenie sotsial'nogo povedeniya: eshhyo raz ob osnovakh sotsial'nykh nauk / per. s angl. I. Kushnarevoj. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ehkonomiki, 2011.*
9. Cohen G. A. *Karl Marx's theory of history: a defence. Princeton: Princeton University Press, 2000.*
10. Elster J. *Marxism, functionalism, and game theory: the case for methodological individualism // Theory and society. 1982. № 4 (vol. 11). P. 453–482.*
11. Essler W. K. *Wissenschaftstheorie IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg, München: Alber, 1979.*
12. Fraassen B., van. *The scientific image. Oxford: Clarendon Press, 1980.*
13. Graham A. C. *The disputation of Kung-sun Lung as argument about whole and part // Philosophy East and West. 1986. № 2 (vol. 36). P. 89–106.*
14. Hansen C. *Language and logic in Ancient China. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983.*
15. Hansen C. *Chinese language, Chinese philosophy, and "truth" // Journal of Asian studies. 1985. № 3 (vol. 44). P. 491–520.*
16. Hansen C. *Language in the heart-mind // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 75–124.*
17. Hansen C. *A Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation. New York: Oxford University Press, 1992.*
18. Harbsmeier C. *Marginalia sino-logica // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 125–166.*
19. Needham J. *Science and civilisation in China. Vol. 7, Part 1: Language and logic / by C. Harbsmeier; ed. by K. Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.*
20. Okasha S. *Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016.*

Буланенко М. Е., Поповкин А. В. Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионаловедческих исследованиях.

В современных социальных и гуманитарных науках, к которым относятся и регионаловедческие исследования, распространены два противоположных, но одинаково неплодотворных для познания подхода – простое описание и обобщение эмпирических данных и построение априорных теорий и классификаций в отрыве от эмпирических данных. Хотя оба эти подхода имеют давнюю историю, большую известность приобретают априорные теории, первой из которых в отечественной науке стала теория духовно-исторических типов И. В. Киреевского (1806 – 1856). Одной из теорий, оказавших значительное влияние на исследования духовной культуры дальневосточного региона, стала интерпретация Ч. Хансеном доханьской философии Древнего Китая. Согласно Ч. Хансену, китайские философы придерживались своего рода компьютерной теории мышления и тем самым радикально расходились с западной философской традицией. В дальнейшем эта теория была опровергнута К. Харбсмайером на обширном эмпирическом материале, однако априорное теоретизирование продолжает оказывать своё влияние на исследования духовной культуры Дальнего Востока. Разумную альтернативу эмпиризму и априоризму в регионаловедении мог бы составить хорошо зарекомендовавший себя гипотетико-дедуктивный метод.

Ключевые слова: философия науки, регионаловедение, эмпиризм, априоризм, объяснение, И. В. Киреевский, древнекитайская философия, Ч. Хансен, К. Харбсмайер, гипотетико-дедуктивный метод

Bulanenko M. E., Popovkin A. V. Between Scylla and Charybdis: on empiricism and apriorism in regional studies.

Contemporary humanities and social sciences, including regional studies, often make use of two opposite, but equally epistemically suboptimal approaches. These are mere description and generalization of empirical data, on the one hand, and excessively aprioristic theorizing, on the other hand. Though both approaches have a long history, it is aprioristic theories that enjoy greater popularity in humanities until today. The first theory of this sort to have become widely renowned in Russia was I. V. Kireevsky's (1806 – 1856) theory of cultural types. Among the most influential theories relevant for the studies of cultural traditions of the Far Eastern region is C. Hansen's famous interpretation of pre-Han philosophy as radically different from its western counterpart in developing a kind of computer theory of mind. Eventually, C. Hansen's theory was refuted by C. Harbsmeier on the basis of extensive textual evidence. However, aprioristic theorizing still heavily affects the studies of cultural traditions of the Far East. A reasonable alternative to both empiricism and apriorism in regional studies provides the well-established hypothetico-deductive method.

Key words: philosophy of science, regional studies, empiricism, apriorism, explanation, I. V. Kireevsky, ancient Chinese philosophy, C. Hansen, C. Harbsmeier, hypothetico-deductive method

Для цитирования: Буланенко М. Е., Поповкин А. В. Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионаловедческих исследованиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 32–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/32-43

For citation: Bulanenko M. E., Popovkin A. V. Between Scylla and Charybdis: on empiricism and apriorism in regional studies // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 32–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/32-43

Восточная Азия как региональная цивилизация

Введение

Данная работа является попыткой рассмотреть Восточную Азию как региональную цивилизацию, устойчивые свойства которой сформировались в традиционный период. Особое внимание уделяется Китаю, Японии, а также Корее. Отличительной особенностью исторического опыта этих стран является то, что в отличие, например, от Юго-Восточной Азии, у них отсутствовал прямой доступ к альтернативным формам политической культуры, что определило логику их развития и одновременно позволило развить более устойчивые механизмы воспроизводства. Главным недостатком современных региональных исследований, и в частности работ, посвященных восточноазиатскому региону, является их внимание к различным его аспектам, таким как экономическим, политическим или культурным, без объяснения взаимосвязей [13, p. 1–27]. Попытки увязать их через проекты "устойчивого развития" [3, p. 17–29] или через постмодернистскую критику доминирования не позволяют понять внутренней логики региона, навязывая извне несвойственные ему характеристики [7, p. 28–71].

Теоретической основой работы являются идеи системности, развитые в трудах чилийских биологов Матурана и Варела [11, p. xxii], английского математика Спенсера Брауна [2, p. 1], немецкого социолога Никласа Лумана [10] и русского этнографа С. М. Широкогорова [14, p. 35]. В этом отношении целостность восточноазиатской цивилизации заключается в её динамическом равновесии между центробежными и центростремительными силами по отношению к китайской модели централизованной государственности. Баланс синопотрической системы поддерживался через её внешнюю экспансию и встречное сопротивление со стороны стран периферии, что позволяло адаптировать её к местным условиям Кореи и Японии. Усиление одного из процессов в разные периоды истории приводило или к потере адаптивности, или к усилению центробежных сил с угрозой последующей фрагментации. Следовательно, стабильность региона зависела от способности поддерживать этот баланс в традиционный и современный периоды.

Формирование восточноазиатской цивилизации

Цивилизация Восточной Азии сформировалась в традиционный период как система общих устойчивых свойств, возникших в результате длительного взаимодействия по отношению к китайской модели централизованного государства [1, с. 457–468]. Расширение влияния Поднебесной на периферию в рамках трибутарной системы были одним из механизмов поддержания внутренней легитимности императорской власти через способность распределять "варваров" в международной иерархии или исключать из нее в зависимости от их способности воспринимать китайскую культуру. Чем больше вассалов проявляли лояльность Императору, тем легитимнее становилась его власть внутри, и наоборот, чем меньше правитель мог контролировать периферию, тем больше это свидетельствовало о его политической слабости. При этом внешняя экспансия Китая вынуждала периферию заимствовать его политическую культуру и одновременно сопротивляться ей. В частности, под давлением Поднебесной, а также в силу отсутствия альтернативных моделей государственности для централизации власти Корея и Япония должны были

опираться на китайский опыт и влияние. Внутренняя легитимность корейских и японских правителей зависела от их способности сохранять политическую автономию в рамках синоцентричного миропорядка, что вынуждало их сопротивляться влиянию Китая с помощью адаптированной к местным условиям китайской культуры.

Традиционная государственность Китая строилась вокруг тотальной власти императора и её нейтрализации через неформальные институты. В до-имперский период распределение власти проходило строго по линии кровного родства в рамках аристократических семей, что автоматически исключало другие социальные группы из политической борьбы, обеспечивая социальную стабильность. Однако формирование централизованного государства означало, что право на верховную власть перешло от аристократии к императору, легитимность которого зависела не от крови, а от "небесного мандата" (*тяньмин*), которым теоретически мог обладать любой житель империи. В итоге сформировалась особая политическая система, направленная на максимальную политическую мобилизацию общества. С позиции императора подобная "демократичность" превращала абсолютно всё без исключения население Китая в потенциальных врагов императорской власти [35, p. 272–282]. Именно логика сохранения "небесного мандата" предоставляла императору неограниченное никакими конфуцианскими нормами морали или законами право тотального насилия против любого человека или социальной группы, а также их использования в государственных целях, произвольно определенных верховной властью [4, p. 79].

Китайское общество разработало механизм нейтрализации (*цзыжань-хуа*) абсолютной власти императора через негосударственные институты. В ответ на действия верховной власти местные социальные группы теоретически имели возможность активизировать неформальные горизонтальные и вертикальные связи (*гуанси*) для защиты своих интересов. В целом механизм централизации позволял сохранять равновесие и гибкость всей системы, так как сопротивление тотальной власти было своеобразной формой адаптации государственной политики к местным условиям. Практической реализацией императорских указов занимались местные власти, которые одновременно представляли императорский двор на местном уровне в рамках централизованной бюрократии, при этом будучи связанными сетью родственных, религиозных или земляческих отношений с населением данной территории. Это давало последним возможность по своему усмотрению контролировать практическую реализацию императорских указов с помощью неформальных институтов. Другим способом нейтрализации была активизация тех же связей только по вертикальному принципу через людей, которые до этого были мобилизованы в бюрократическую иерархию через систему государственных экзаменов. В ответ на действия центральной власти вверх направлялся запрос по неформальным каналам вплоть до императорского двора с целью убедить императора отменить указ, который ставил местное население в невыгодное положение [4, p.10].

Китайская государственность была максимально непригодна для природных и социальных условий Кореи и Японии. Необходимость централизации власти по китайскому образцу входила в противоречие с местными политическими, экономическими и географическими особенностями, что предопределило дальнейшую историю этих стран, а также и взаимоотношения друг с другом и Поднебесной. Попытки реализации именно китайской модели наталкивались на отсутствие экономического базиса централизованной иерархии. Как справедливо указывал еще Карл Виттфогель, в Китае ирригационные системы, замкнутые на две великие реки Янцзы и Хуанхэ, были главными источниками воды для сельского хозяйства и требовали наличия централизованного бюрократического аппарата для их обслуживания. На корейском полуострове и японских островах не существовало необходимости централизованного распределения водных ресурсов для сельскохозяйственных нужд из-за наличия большого количества маленьких рек, а также дождевой воды. Следовательно, централизованная власть китайского типа не могла опереться на стабильный экономический базис, который больше подходил для развития самодостаточных местных общин с высокой степенью политической автономии [16, p. 197–200].

Адаптация государственности китайского типа к местным условиям привела к противоположным результатам в Корее и Японии. Корея является примером "успешной" реализации китайской модели, а Япония – это пример "неудачной" реализации. Главной причиной подобных различий является особенность китайского влияния на политические процессы в обеих странах. Корейская государственность в традиционный период развивалась как противоречие между попыткой навязать централизованную власть сверху и сопротивлением ей на местном уровне. По этой причине попытки создать внутренний источник легитимности, например, по праву рождения в рамках костной системы рангов (*кольпхум*) в государстве Силла не получила дальнейшего развития. Успешная централизация сверху стала результатом участия Поднебесной в качестве внешнего источника легитимации. Китайские военные вторжения на Корейский полуостров вынудили местных правителей принять вассальный статус. Кроме этого, монгольское вторжение в Корё значительно ослабило влияние военного сословия, сделав бюрократию главной политической силой в построении централизованного государства. В результате именно китайские военные вторжения или их угроза позволили отдельным региональным кланам захватить власть и объединить страну, а также поддерживать легитимность, несмотря на сохраняющиеся противоречия и отсутствие экономического базиса [15, p. 29].

Развитие японской государственности также проходило в форме сопротивления китайскому влиянию, но с противоположным результатом. Поражения коалиции государств Пэкчэ и Ямато против Империи Тан и Силла в битве при реке Пэккан (663 год н.э.) вынудило аристократические кланы Японии активизировать процесс централизации власти с целью мобилизации внутренних ресурсов для отражения возможного китайского вторжения на свою территорию. Однако отсутствие реального военного нападения китайских войск на японские острова позволило правителям Ямато, в отличие от Кореи, отказаться от внешней легитимации со стороны Поднебесной и использовать внутренние ресурсы для создания централизованного государства китайского типа. Основой будущей системы стал император Японии (*тэнно*), который выполнял две главных функции. "Небесный хозяин" стал символической защитой от китайского влияния, так как его "божественное" и псевдо-внешнее происхождение позволяло иметь прямой доступ к сакральному и тем самым легитимировать верховную власть в обход китайского императора [22, p. 66].

Дальнейшее создание псевдо-внешних источников легитимации власти помогало решать проблему несоответствия экономического базиса Ямато и государственности китайского типа. Отсутствие экономической основы превращало централизованную иерархическую организацию государства (*рицурё*) в паразитическую надстройку, которая использовала общественные ресурсы для собственного воспроизводства, не создавая взамен полезной работы [27, p. 135–145]. Это усиливало сопротивление и саботаж со стороны разных социальных слоев от аристократических кланов, до крестьянских общин. Для решения данной проблемы императорская власть создавала параллельные источники власти внутри страны.

Например, первой операцией создания псевдо-внешней легитимации было разделение правящего клана Ямато на императорский и на ведущие аристократические кланы, тем самым строго определяя линию преемственности верховной власти. Для решения проблемы экономической неэффективности управления сельскохозяйственными землями центральная власть передавала их в частное владение (*сёэн*) местной аристократии. В качестве противовеса усиливавшемуся влиянию местных аристократических кланов, Император приглашал иностранную аристократию. Последние приносили с собой новые религиозные культы, такие как буддизм, новые сельскохозяйственные технологии, а также навыки для совершенствования системы государственного управления, тем самым повышая легитимность императорской власти. В конечном итоге разделению подвергся и сам императорский дом, который делился на императоров-затворников (*инсэй*), занимавшихся непосредственным управлением, и фактических императоров, ответственных за ритуальные функции.

Создание псевдо-внешней легитимации разрушило целостность централизованной иерархии. Несмотря на прилагаемые меры, центробежные

тенденции только усиливались внутри вновь создаваемых параллельных источников власти. В итоге правители Ямато прибегли к тактике принуждения через насилие или его угрозу, что в результате возвысило военное сословие. Это привело к возникновению политической системы с двумя центрами власти в виде параллельного правления военного сословия и императора [24, р. 11–21], тем самым создав предпосылки для политической нестабильности, которая продолжалась следующие несколько сотен лет. Основной причиной конфликтов между двумя политическими центрами было то, что военное сословие имело реальную власть, но не имело легитимности, в то время как у императора была легитимность, но не было реальной власти. Похожее противоречие существовало и внутри военного сословия, так как не существовало ясности, почему именно этот клан должен иметь верховную власть. Ситуация осложнялась тем, что потенциально любой участник борьбы за власть мог обратиться за военной помощью к Китаю и объединить страну по корейскому образцу с помощью внешней силы [18, р. 104–109].

Политическая система китайского типа получила стабильные формы только к началу семнадцатого века в рамках сёгуната Токугава (1600–1868 г.). Решение было найдено через соединение централизованной иерархии и псевдо-внешней легитимации в единую политическую и экономическую систему, где Сёгун находился внутри иерархии, а император – "снаружи". Внутренняя иерархическая сторона состояла из четырех каст (*синокосё*): военные, крестьяне, ремесленники и торговцы. Внешняя сторона включала в себя два элемента, находившихся на противоположных полюсах относительно ритуальной чистоты. На одном полюсе находился император, который символизировал "абсолютную чистоту", а на противоположном – каста отверженных (*хинин*), которая символизировала "абсолютную нечистоту". В рамках политической системы периода Эдо император был источником позитивной моральной мотивации, а "неприкасаемые" – негативную мотивацию для соблюдения норм каждой кастой в иерархии. Единство всей политической системы обеспечивалось через присвоение придворных титулов Императором как внутри иерархии, так и среди "отверженных". Присутствие Императора без реальной власти позволяло Сёгуну решить проблему легитимности по контролю над иерархически организованным обществом, а также правом изгонять из иерархии любого человека в касту "отверженных" [17, р. 197–263].

Интеграция региона в процесс формирования мировой капиталистической системы, а также коммерциализация общественной жизни усилили центробежные процессы в Восточной Азии. С XVI в. европейцы расширяли своё присутствие в Тихом океане постепенно вовлекая восточноазиатские страны в торговые отношения, что создавало угрозу как для регионального, так и для внутреннего политического порядка. Экономический аспект синоцентрической региональной системы всегда был её слабым звеном, и попытки встроить торговые отношения в региональный порядок нередко приводили к усилению политической нестабильности. Развитие коммерческих отношений приводило к растущей зависимости государств региона от торговли и одновременно растущей независимости международной торговли от государств. Это противоречие не всегда удавалось разрешать с помощью политических механизмов, что приводило к возникновению таких явлений, как пиратство, которое терроризовало Восточную Азию в течение многих веков, а также искусственному выведению экономики из трибутарной системы в случае с торговлей между Империей Цин (1644–1912 г.) и Сёгунатом Токугава (1603–1868 г.) [12, р. 143–148]. Восточноазиатский регион пытался реагировать на европейское присутствие традиционным способом в форме исключения "южных варваров" из международной иерархии через политику изоляционизма [8, р. 87–88]. Однако это ослабляло адаптивность к внешним вызовам. В итоге Опиумные войны в Китае, "Черные корабли" в Японии в середине XIX в., а также Инцидент у острова Канхвадо (1875 г.) для Кореи [5, р. 87–128] ознаменовали окончательное разрушение традиционного регионального порядка.

Модернизация традиционного порядка

Успешная внутренняя модернизация давала моральное, а следовательно, политическое право устанавливать региональный порядок. Логика модернизации через формирование национального государства требовала от Китая,

Кореи и Японии перенести источник политической легитимности с "сакрального" на понятие "народ". Это позволило переместить требование морального совершенства с правителя в народ и перезапустить традиционный механизм максимальной эксплуатации политического и экономического потенциала социума в современных условиях. А так как совершенству нет предела, то в контексте Восточной Азии это давало государству неограниченную свободу на проведение социальных экспериментов по приведению общества в соответствие с очередным идеалом "гармонии" и национального единства. При этом если китайская традиционная государственность давала возможность нейтрализовать тотальную власть государства через неформальные институты, то национализм нарушал этот механизм, так как теперь именно общество с его неформальными институтами становилось объектом принуждения к идеальному состоянию. Критерий морального совершенства перемещался с китайской классики, которая объявлялась отсталым пережитком прошлого, на способность эффективно воспринимать достижения западной цивилизации в политике, экономике и военной сфере [23, p. 418].

Успешное функционирование политических институтов в традиционный период стало одной из причин неудачной модернизации в Китае и Корее и, наоборот, провал государственности китайского типа в Японии способствовал успешному переходу к современности. Несмотря на попытки модернизации Империи Цин, в Китае так и не была найдена модель перехода к национальному государству. Единственным символом единства была фигура Императора, который одновременно олицетворял иерархическое разделение общества. Логика модернизации требовала отказа от Императора как символа отсталости в пользу "китайского народа". Однако исторически общество представляло собой механизм нейтрализации императорской власти с помощью неформальных институтов, то есть являлось источником децентрализации, позитивный смысл которого был только как противовес централизованной императорской власти. После Синьхайской революции (1911 г.) централизующее начало в китайской политической системе было уничтожено, в результате чего демократия, на которую рассчитывали её идеологи, продолжила своё традиционное функционирование, разрушая единство политической системы [26, p. 28].

Корея столкнулась с похожей проблемой, что и Китай, при попытках модернизации государства Чосон из традиционного в национальное государство, но со своей спецификой. По крайней мере, начиная со второй половины XIX в, под нарастающим давлением западных держав в корейском обществе сформировались два противоположных проекта модернизации, которые условно можно назвать "модернизация сверху" и "модернизация снизу". Правящий класс видел свою роль в просвещении народных масс, а также в борьбе против традиционного наследия, которое они считали причиной отсталости Кореи. Сторонники этого проекта модернизации полагали, что внедрение западных институтов позволит преодолеть отставание от западных стран. Одновременно корейское крестьянство стало важной политической силой, которая с помощью религии пыталась адаптировать национализм к реалиям государства Чосон. С одной стороны, высшему классу удалось усвоить достижения Запада, необходимые для модернизации, но с другой – их проект не имел опоры на народные массы. Крестьянству, напротив, удалось мобилизовать народные массы, однако они так и не смогли создать стабильных институтов национального государства, что было невозможно без западных достижений, носителями которых в основном был корейский правящий класс. В результате нехватка внутренних ресурсов для достижения победы одной из сторон или достижения консенсуса привело к тому, что каждая из них полагалась на внешние силы для решения проблем внутри страны, что в итоге привело к потере независимости.

"Неудачное" воплощение китайской модели государственности в традиционный период в Японии стало одной из главных причин успешной модернизации. В отличие от Китая и Кореи, разрушение традиционной социальной иерархии сёгуната Токугава не означало разрушение политической системы. Два центра власти с разными функциями в лице императора и Сёгуна удачно подходили для реализации европейской концепции нации. Оба политических центра были частью единого целого, но при этом организовывали общество

противоположным образом. Военная аристократия была символом социального неравенства, разделяя общество на социальные классы. В то время как император, находясь за пределами иерархии, являлся универсальным источником позитивной моральной мотивации (ритуальной чистоты), таким образом олицетворяя связь со всеми членами общества независимо от их социального положения. В результате Реставрации Мейдзи (1868 г.) императорское требование морального совершенства поменялось на требование национального единства и солидарности через борьбу против как внутренней отсталости, которую символизировал Сёгун, так и внешней угрозы в лице западных держав.

Внешняя экспансия и объединение региона в рамках Японской империи стало результатом комбинации внутренних и внешних факторов. Из-за недостатка внутренних ресурсов для сопротивления западным державам, а также внутреннего рынка для преодоления экономического кризиса, вызванного глобальной депрессией 1930-х г., через создание независимого экономического базиса, Японии необходимо было мобилизовать ресурсы других стран. Успешная по сравнению с другими странами региона модернизация стала доказательством морального преимущества над Китаем и Кореей, что послужило идеологическим оправданием для закрепления легитимности императорской власти внутри страны, а также реформирования Восточной Азии в рамках Японской империи. Например, японо-китайская война (1894–1895 гг.) стала одним из первых шагов по созданию нового модернизированного регионального порядка с центром не в Китае, а в Японии (*чукаку*), который достиг своей кульминации в провозглашении в 1940 г. "Великой восточноазиатской сферы процветания" [23, p. 133, 165].

Япония адаптировала китайскую модель тотальной власти к современным условиям. Подобно Китаю в традиционный период, этот механизм позволял Японии уже в рамках современности максимально использовать политический и экономический потенциал населения Империи. Для поддержания "гармонии" народы Империи иерархически распределялись в зависимости от степени их морального "совершенства". На вершине этой иерархии была "раса ямато" во главе с императором. В силу того, что "совершенство" были принципиально недостижимо, так как только Тэнно был символом абсолютной чистоты, то это позволяло рассматривать любые действия как отклонение от нормы, а значит произвольно применять любые санкции для приведения всего населения к необходимой "гармонии". Как говорил философ Фукудзава Юкити (1835–1901 гг.), в рамках концепции "тела нации" (*кокутай*) между императором и народом нет посредников [6, p. 94].

Япония не смогла решить противоречие между необходимостью расширения экономического базиса империи и растущим национализмом. Легитимность имперской власти в Японии зависела от её способности организовать эксплуатацию колоний и при этом поддерживать политическую стабильность в виде декларируемой социальной гармонии. Японская экспансия в Азии опиралась на ожидания внешней поддержки во внутренней борьбе за власть или в борьбе за национальную независимость. Однако предоставление независимости противоречило самой логике экспансии, так как это нарушало экономическую целостность колониальной империи. В ответ на растущее недовольство японским господством Империя реагировала усилением требований единства в рамках "паназианизма". Это усиливало необходимость в дополнительных ресурсах и, следовательно, усиления эксплуатации для дальнейшего расширения Империи. В конечном итоге Япония не успевала компенсировать уменьшающиеся экономические и социальные ресурсы за счет освоения новых для защиты империалистических интересов на тихоокеанском театре Второй мировой войны, что привело к её поражению. При этом поражение Японии также означало неудачное завершение модернизации восточноазиатского традиционного порядка с опорой на собственное историческое наследие и последующую интеграцию региона в западные парадигмы развития.

Заключение

Данная работа была попыткой рассмотреть Восточную Азию как региональную цивилизацию, которая сформировалась в традиционный период в форме сложных взаимоотношений между китайской централизованной го-

сударственностью и соседними странами. Китайская государственность основывалась на принципе тотальной власти императора и её нейтрализации через неформальные институты. Эти два аспекта позволяли поддерживать динамическое равновесие всей политической системы, адаптируя её к внутренним и внешним изменениям. С одной стороны, тотальная власть, будучи неограниченной никакими нормами морали или законами, позволяла обеспечивать максимально возможную мобилизацию политического и экономического потенциала общества. С другой, механизм нейтрализации позволял адаптировать государственную политику к местным условиям. Усиление одного из аспектов лишало систему равновесия. Излишнее применение тотальной власти снижало адаптивность государства к внутренним и внешним изменениям. Активизация нейтрализующих процессов приводила к дезинтеграции экономической и политической целостности. Государственность Кореи и Японии формировалась как внешнее сопротивление китайской империи, через адаптацию её культуры к местным условиям. При этом обе страны пытались сохранить политическую автономию в рамках синоцентричного мира. Китайская модель централизованного государства вступала в противоречие с географическими и социальными особенностями двух стран, провоцируя уже внутреннее сопротивление Китаю.

Коммерциализация общественной жизни, усиление западного влияния, а также необходимость модернизации нарушали динамическое равновесие традиционного порядка Восточной Азии. Модернизация через формирование национального государства переносила требование морального совершенства с правителя в народ, что давало государству неограниченную свободу на проведение социальных экспериментов. Это разрушало механизм нейтрализации тотальной власти, так как теперь именно общество с его неформальными институтами становилось объектом принуждения к национальному единству. Японская империя стала первой попыткой модернизации традиционного порядка Восточной Азии, с опорой на принцип тотальной власти с целью максимального использования политического и экономического потенциала населения. Однако Япония не смогла решить противоречие между необходимостью расширения экономического базиса империи и растущим национализмом. Имперская тотальная власть не успевала компенсировать уменьшающиеся экономические и социальные ресурсы за счет эксплуатации новых территорий для защиты своих империалистических интересов в условиях военных действий, что привело к её поражению.

Литература

1. Кузнецов А. Концепты "культура" и "цивилизация" как средство проблематизации методологии современных социально-гуманитарных наук // *Философия и культура*. 2015. № 3 (87). С. 457–468.
2. Brown S. G. *Laws of Form*, 2nd ed. New York: Dutton, 1979. 141 p.
3. Chang H. J. *The East Asian Development Experience: The Miracle, the Crisis and the Future*. New York: Zed Books, 2007. 310 p.
4. Fei H. T. *China's Gentry. Essays in Rural-Urban Relations*. Revised and edited by Margaret. Park Redfield: University of Chicago Press, 1980. 289 p.
5. Fuchs E., Kasahara T., Saaler S. *A New Modern History of East Asia*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2017. 698 p.
6. Gluck C., Tiedemann A. *Sources of Japanese Tradition. Part Two: 1868 to 2000*. New York: Columbia University Press, 2006. 672 p.
7. Goh E. *The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy, and Transition in Post-Cold War East Asia*. New York: Oxford University Press, 2013. 286 p.
8. Hayes L. D. *Political Systems of East Asia: China, Korea, and Japan*. London: Routledge, 2009. 288 p.
9. Hung H. *China and the Transformation of Global Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 224 p.
10. Luhmann N. *Social Systems*, Translated by John Bednarz Jr. (Stanford, CA: Stanford University Press, 1995). 627 p.
11. Maturana H. R., Varela, Francisco J. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* (Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1980). 171 p.
12. Peng H. *Trade Relations between Qing China and Tokugawa Japan: 1685–1859*, (Singapore: Springer Nature, 2019). 176 p.

13. Rozman G. 'Flawed Regionalism: Reconceptualizing Northeast Asia in the 1990s,' // *Pacific Review*. 1998. Vol. 11, No. 1 Pp. 1–27.
14. Shirokogoroff S. M., *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner, 1935. 469 p.
15. Wells K. *Korea: Outline of a Civilization*. Leiden. Boston: Brill Academic Pub, Lam edition, 2015. 328 p.
16. Wittfogel K. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
17. 網野善彦. 異形の王権. 東京: 平凡社. 1993年. 273頁. (Амино Ёсихико. Странный правитель. Токио: Хейбонся. 1993. 273 с.)
18. 勝部真長. 天皇制. 東京: 至文堂. 1970年. 278頁. (Кацубэ Митакэ. Система императорской власти Японии. Токио: Сибундо, 1970. 278 с.)
19. 金敬得. 在日コリアンのアイデンティティと法的地位. 東京: 明石書店. 2005年. 294頁. (Ким Гён Дык. Правовой статус и идентичность японских корейцев. Токио: Акаси Сётэн, 2005. 294 с.)
20. 栗原淑江. 被爆者たちの戦後50年. 東京: 岩波書店, 1999年. 65頁. (Курихара Тосиэ. 50 лет послевоенной истории "хибакуся" Токио: Иванами Сётэн, 1995. 65 с.)
21. 이재석. 한국 정치 사상사. 서울: 集文堂, 2002. 543頁. (Ли Чэ Сок. История политической мысли Кореи. Сеул: Чипмундан. 2002. 543 с.)
22. 水林 彪. 天皇制史論一本質・起源・展開. 東京: 岩波書店, 2006年. 374頁. (Мидзубаяси Такэси. История императорской системы: Сущность, происхождение, развитие. Токио: Иванами Сётэн, 2006. 374 с.)
23. 森吉義旭. 大和民族の前進. 東京: 国際反共連盟. 1942年. 304頁. (Мориёси Йосиаки. Продвижение расы Ямато. Токио: Издательство Антикоминтерновского союза, 1942. 304 с.)
24. 元木泰雄. 武士の成立. 東京: 吉川弘文館. 1994年. 225頁. (Мотоки Ясуо. Формирования военного сословия Токио: Ёсикава Кобункан, 1994. 225 с.)
25. 张创新. 中国政治制度史. 北京: 清华大学出版社. 2005. 591頁. (Чжан Чуан Син. История китайской политической системы. Пекин: Издательство Университета Циньхуа, 2005. 591 с.)
26. 邹小站. 辛亥革命与清末民初思想 (北京: 社会科学文献出版社. 2012. 456頁. (Чжоу Сяо Чжан. Синхайская революция и интеллектуальная история поздней Цин. Пекин: Издательство социальных наук, 2012. 456 с.)
27. 泉谷康夫. 律令制度崩壊過程の研究. 東京: 高科書店. 1992年. 473頁. (Ясуо Идзумия. О причинах разрушения системы рицурё. Токио: Такакина Сётэн, 1992. 473 с.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kuznetsov A. Kontsepty "kul'tura" i "tsivilizatsiya" kak sredstvo problematizatsii metodologii sovremennykh sotsial'no-gumanitarnykh nauk // *Filosofiya i kul'tura*. 2015. № 3 (87). S. 457–468.
2. Brown S. G. *Laws of Form*, 2nd ed. New York: Dutton, 1979. 141 p.
3. Chang H. J. *The East Asian Development Experience: The Miracle, the Crisis and the Future*. New York: Zed Books, 2007. 310 p.
4. Fei H. T. *China's Gentry. Essays in Rural-Urban Relations*. Revised and edited by Margaret. Park Redfield: University of Chicago Press, 1980. 289 p.
5. Fuchs E., Kasahara T., Saaler S. *A New Modern History of East Asia*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2017. 698 p.
6. Gluck C., Tiedemann A. *Sources of Japanese Tradition. Part Two: 1868 to 2000*. New York: Columbia University Press, 2006. 672 p.
7. Goh E. *The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy, and Transition in Post-Cold War East Asia*. New York: Oxford University Press, 2013. 286 p.
8. Hayes L. D. *Political Systems of East Asia: China, Korea, and Japan*. London: Routledge, 2009. 288 p.
9. Hung H. *China and the Transformation of Global Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 224 p.
10. Luhmann N. *Social Systems*, Translated by John Bednarz Jr. (Stanford, CA: Stanford University Press, 1995). 627 p.
11. Maturana H. R., Varela, Francisco J. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* (Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1980). 171 p.
12. Peng H. *Trade Relations between Qing China and Tokugawa Japan: 1685–1859*, (Singapore: Springer Nature, 2019). 176 p.

13. Rozman G. 'Flawed Regionalism: Reconceptualizing Northeast Asia in the 1990s,' // Pacific Review. 1998. Vol. 11, No. 1 Pp. 1–27.
14. Shirokogoroff S. M., Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner, 1935. 469 p.
15. Wells K. Korea: Outline of a Civilization. Leiden. Boston: Brill Academic Pub, Lam edition, 2015. 328 p.
16. Wittfogel K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
17. 網野善彦. 異形の王権. 東京: 平凡社. 1993年. 273頁. (Amino Yosikhiko. Strannyj pravitel'. Tokio: Khejbonsya. 1993. 273 s.)
18. 勝部真長. 天皇制. 東京: 至文堂. 1970年. 278頁. (Katsubeh Mitake. Sistema imperatorskoj vlasti Yaponii. Tokio: Sibundo, 1970. 278 s.)
19. 金敬得. 在日コリアンのアイデンティティと法的地位. 東京: 明石書店. 2005年. 294頁. (Kim Gyon Dyk. Pravovoj status i identichnost' yaponskikh korejtsjev. Tokio: Akasi Syotehn, 2005. 294 s.)
20. 栗原淑江. 被爆者たちの戦後50年. 東京: 岩波書店, 199年. 65頁. (Kurikhara Tosieh. 50 let poslevoennoj istorii "khibakusya" Tokio: Ivanami Syotehn, 1995. 65 s.)
21. 이재석. 한국 정치 사상사. 서울: 集文堂, 2002. 543頁. (Li CHEh Sok. Istoriya politicheskoy mysli Korei. Seul: CHipmundan. 2002. 543 s.)
22. 水林 彪. 天皇制史論一本質・起源・展開. 東京: 岩波書店, 2006年. 374頁. (Midzubayasi Takehsi. Istoriya imperatorskoj sistemy: Sushhnost', proiskhozhdenie, razvitie. Tokio: Ivanami Syotehn, 2006. 374 s.)
23. 森吉義旭. 大和民族の前進. 東京: 国際反共連盟. 1942年. 304頁. (Moriyosi Josiaki. Prodvizhenie rasy Yamato. Tokio: Izdatel'stvo Antikominternovskogo soyuza, 1942. 304 s.)
24. 元木泰雄. 武士の成立. 東京: 吉川弘文館. 1994年. 225頁. (Motoki Yasuo. Formirovaniya voennogo sosloviya Tokio: Yosikava Kobunkan, 1994. 225 s.)
25. 张创新. 中国政治制度史. 北京: 清华大学出版社. 2005. 591頁. (CHzhan CHuan Sin. Istoriya kitajskoj politicheskoy sistemy. Pekin: Izdatel'stvo Universiteta Tsin'khua, 2005. 591 s.)
26. 邹小站. 辛亥革命与清末民初思想 (北京: 社会科学文献出版社. 2012. 456頁. (CHzhou Syao CHzhan. Sinkhajskaya revolyutsiya i intellektual'naya istoriya pozdnej Tsin. Pekin: Izdatel'stvo sotsial'nykh nauk, 2012. 456 s.)
27. 泉谷康夫. 律令制度崩壊過程の研究. 東京: 高科書店. 1992年. 473頁. (Yasuo Idzumiya. O prichinakh razrusheniya sistemy ritsuryo. Tokio: Takasina Syotehn, 1992. 473 s.)

Пахомов О. С. Восточная Азия как региональная цивилизация.

Целью статьи является рассмотрение Восточной Азии как региональной цивилизации, устойчивые свойства которой сформировались в результате сложных отношений к китайской государственности. Заимствование китайской политической системы входило в противоречие с природными и культурными особенностями Кореи и Японии. Это создавало угрозу легитимности институтам государства, созданным по китайском образцу. Необходимость поддерживать внутреннюю легитимность императорской власти вынуждало Китай расширяться вовне, а Корею и Японию сопротивляться китайскому влиянию. В результате, это противоречие определяло реальность Восточной Азии в традиционный период, а также логику перехода к современности.

Ключевые слова: *Восточная Азия, цивилизация, регионализм, системный подход*

Pakhomov O. S. East Asia as Regional Civilization.

This work examines East Asia as regional civilization that developed in form of complex relations towards Chinese model of centralized state. Adoption of Chinese statehood came into contradiction with Korean and Japanese local conditions. This produced risks for internal political legitimacy of statehood in both countries. Necessity to preserve internal legitimacy encouraged external expansion of Imperial China and forced Korea and Japan to resist Sinocentric order. This contradiction defined reality of East Asian civilization during traditional period, influenced its transition to modernity.

Key words: *East Asia, civilization, regionalism, system approaches*

Для цитирования: Пахомов О. С. Восточная Азия как региональная цивилизация // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 44–53. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/44-53

For citation: Pakhomov O. S. East Asia as Regional Civilization // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 44–53. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/44-53

Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности

Проблема появления и функционирования родовых общин у тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока в комплексе не рассматривалась, хотя по ряду этносов Приамурья и Приморья мы имеем определенные сведения, позволяющие увидеть весь процесс общинной деятельности и проследить её характерные особенности в первобытнообщинном коллективе.

Цель статьи – отразить характерные особенности родовой общины тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина, пережитки которой встречались у аборигенов дальневосточного региона еще в 1970-х–1990-х гг.

Сбор материалов по теме исследования производился в процессе ежегодных полевых работ в 1969–2012 гг. почти среди всех тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина. При подготовке статьи использовались сравнительно-исторический метод исследования и метод пережитков, разработанный английским этнологом Э. Тайлором. Эти и другие методы исследования позволили по остаткам прошлой культуры аборигенов края реконструировать пережиточные формы родовой общины, и в условиях социально-экономических изменений аборигенного общества, раскрыть особенности её функционирования.

Многие бесписьменные народы мира, находившиеся на разных стадиях родового строя, вплоть до XX столетия не знали государственной власти, однако их жизнь не протекала в безвластии. Родоплеменная община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина еще в конце XIX в. имела свою своеобразную власть, которая отражала интересы каждого члена общества.

Естественно в настоящее время уже невозможно встретить родовую общину какого-либо народа в том виде, в каком состоянии она находилась двести-триста лет тому назад. Родовой строй любого общества с момента его образования, даже в условиях первобытности, подвергался различным изменениям, обусловленным экологическими, социальными, экономическими, культурными, этнокультурными контактами с соседними этносами и т.д.

Этнологи, занимающиеся изучением народов, находившихся до недавнего времени на стадии разложения первобытнообщинного строя, реконструировали процесс функционирования родовой общины прошлых столетий. Они выявили главные аспекты первобытнообщинного строя, к числу которых относятся – коллективизм, взаимная помощь, кровная месть и др. аспекты, характеризующие деятельность родового строя.

В качестве примера возьмём формирование и функции родовой организации дальневосточных этносов, в состав которых входят негидальцы, нанайцы, уилта (ороки), орочи, удэгейцы, ульчи и другие малочисленные народы тунгусо-маньчжурской группы. Даже поверхностное рассмотрение деятельности родовой общины этих этносов позволяет нам увидеть много общего в культурах разных народов мира.

Каждый род у тунгусо-маньчжуров южной части Дальнего Востока России управлялся на основе первобытнообщинной демократии. Общее собрание взрослых членов семей сообща решало вопросы коллективной охоты, рыболовства и особенно кровной мести. На этих собраниях каждый представитель рода обладал равными правами. "... Не единичны примеры, – подчеркивал В. К. Арсеньев, – когда решения большого собрания изменялись по реплике

десятилетнего подростка" [2, с. 153]. Такое управление родом у аборигенов региона позволяло каждому члену общества быть уверенным, что в трудную минуту ему окажут помощь и не оставят в беде.

В любом деле отдавалось предпочтение самому уважаемому, умному, опытному и знающему человеку. Если аборигены шли на охоту, то во главе группы становился наиболее опытный человек. Плаванием по реке руководил тот, кто лучше других знал фарватер. При неизбежном столкновении с враждебным родом отряд возглавлял наиболее умный и рассудительный человек. Удэгейцы, нанайцы, ульчи, орочи и другие этносы дальневосточного региона в своём роде хорошо знали способности каждого человека, поэтому выбор вожака осуществлялся, хотя и стихийно, но всегда решение принималось правильное. "Никто его старшим в коллективе не выбирает, но все знают, что это его дело, и все подчиняются его голосу" [1, с. 87], – отмечал В. К. Арсеньев, когда удэгейцы в своём роде определяли вожака. Правильный выбор вожака обуславливал физическое выживание отдельных членов семьи или рода не только у удэгейцев, но и у других этносов Приамурья, Приморья и Сахалина в условиях экстремальных ситуаций.

Многие исследователи фиксировали у аборигенов этих регионов пережиточные формы первобытного коллективизма, которые были характерными для общественных отношений родовой общины. Удэгейцы, нанайцы, орочи и др. аборигены регионов сообща владели промысловыми участками охоты, рыболовства и собирательства, закрепленными с незапамятных времен за тем или иным родом. Родовые земли распределялись по естественным и легко различимым признакам: протокам, заливам, озёрам, горным хребтам, островам, долинам и т.д. Например, вплоть до недавнего времени нанайский "род Хэдэр охотился на реке Мухэни (приток Малой Кавы), а род Бельдай – на реке Большой Каве. Род Гаил (Гахир) имел охотничьи угодья по притокам реки Хунгари, в бассейне рек Хото, Пир, Мули, Акур, Хадин, а Самаргин – на левом берегу реки Элбинбин и в заливе Кэвур" [12, с. 40–41].

Индивидуальной собственностью каждого члена общества были только орудия труда – ножи, копья, луки, ловушки и т.д., изготовленные самими охотниками, или огнестрельное оружие, которое стало приобретаться в 70-х годах XIX столетия у маньчжуров и русских.

Аналогичное отношение к собственности наблюдалось у всех аборигенов тунгусо-маньчжурской группы и палеоазиатов Приамурья. К индивидуальной собственности относились те вещи, которые считались неотъемлемой частью тела человека – это оружие и украшения. Эти вещи считаются у первобытных народов, как органы своего тела или как продолжение тела: дубина – продолжение руки, украшение – придаток кожи, волос и т.д. [9, с. 192]. "Существование личной собственности на индивидуальные орудия соответствовало производственным нуждам и интересам коллектива, так как их наиболее эффективное использование было возможно лишь в том случае, если они соответствовали индивидуальным особенностям владельца" [16, с. 245–246]. Но и эти орудия производства обычно использовались всегда для удовлетворения нужд коллектива.

Коллективная охота, ловля рыбы запорами, организованное собирательство, сооружение жилищ и т.д. – все это требовало совместных усилий, а общий труд порождал общинную собственность, как на средства производства, так и на его продукты. Например, строительством индивидуального дома у нанайцев занимались все жители села. По этой причине строительство дома осуществлялось очень быстро. Но дом, возведённый общим трудом всего стойбища или однофамильцами, уже принадлежал не отдельному лицу, а всему стойбищу или группе однофамильцев. "Действительно, у гольдов (*нанайцев* – А. С.) довольно часто можно наблюдать, – писал И. А. Лопатин, – что в одной фанзе живут три, четыре или даже пять семей, Если же живет одна семья, то к ней в фанзу в любой момент имеет право приехать на постоянное жильё каждый член рода или какая-либо семья из того же стойбища" [9, с. 190]. Поселившаяся семья нанайцев в доме однофамильца, может жить столько, сколько потребуется ее хозяину. Иногда такие семьи живут у своих сородичей по несколько лет. Все это "делается как-то само собою в силу обычая" [9, с. 190].

Аналогичная картина наблюдается с использованием охотничьего зимовья и запасами продуктов питания. По каким-либо причинам ушедшие домой охотники оставляют в тайге зимовье незапертым, хотя в нем остаются в большом числе различные охотничьи и хозяйственные вещи. "Всякий, попавший в это место, имеет право жить в нем, пользоваться вещами и брать с собою сколько угодно из запасов продовольствия, хранящегося в амбарчике, расположенном недалеко от охотничьего зимовья" [9, с. 191].

Во время массового хода лососевых (летом или осенью) аборигены Приамурья и Приморья занимались массовыми заготовками рыбы. Вот как характеризует коллективный труд И. А. Лопатин у нанайцев: "Работают все с мала до велика и работают удивительно дружно и старательно. Однако каждый работает не для себя одного, а на всю компанию, т.е. на всё стойбище. Работы распределены между отдельными работниками соответственного полу и возрасту, а также в зависимости и от индивидуальных способностей. Молодые парни исполняют в лодках и в воде тяжелую работу по вытаскиванию невода; старики, как опытные и слабосильные, сидят на кормах лодок и командуют; подростки, ещё малоопытные и несильные, выбрасывают пойманную рыбу в кучи дальше от реки; женщины возятся около этих куч за чисткою. Весь добытый запас рыбы распределяется между семьями стойбища не в соответствии с числом участвующих работников, а в зависимости от числа едоков. Кроме того, если к концу зимы у кого-нибудь выйдет запас юколы, то он обращается к соседям, и те дают из своих запасов беспрепятственно и совершенно бесплатно. Вообще, пользование запасами происходит у гольдов вполне в коммунистическом духе. Заготовленные пищевые продукты, как и жилище, считаются общими для всего стойбища, подобно воздуху и воде" [9, с. 191].

После удачной охоты на лося, кабана или другого крупного зверя охотник делил тушу на части и наделял мясом всех жителей стойбища. "Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли домой муку, – писал В. К. Арсеньев об удэгейцах. – Он не отдаст всего этого своей семье, он непременно поделится со всеми соседями" [1, с. 87]. При этом доля мяса, рыбы и т.д. даже самого удачливого охотника и рыболова являлась не большей, чем у сородичей с равным количеством членов семьи.

Мы привели сведения о распределении охотопромысловой добычи у аборигенов Приамурья и Приморья, чтобы показать нравственное единство этого многообразия. Дело в том, что при разных способах распределения охотничьей продукции сам охотник традиционного общества "не является собственником добычи, он не запасает впрок, не обменивает излишки на другие предметы, не ссужает в долг и т.п. Иными словами, тут действует, неписанный, нравственный принцип коллективизма и товарищества" [6, с. 83].

Распределение мяса между жителями небольших аборигенных селений Приамурья и Приморья осуществлялось почти до конца XX столетия. Еще в 1960-е – 1980-е гг., когда удэгеец, нанаец или ороч возвращался с охоты с добычей, в его дом приходили соседи. Когда они уходили, охотник брал лучший кусок мяса и давал его гостю.

Аборигены Приамурья обычно охотятся по одному человеку, но иногда в охоте на крупных животных принимает участие до 5–6 человек. В тайге имеются такие места, где обычно пасутся кабаны, изюбры или олени, но изгнать их отсюда из-за сложного рельефа территории трудно. Тогда собирается несколько человек и устраивается загонная охота: два человека сидят в засаде, а остальные гонят зверя в сторону охотников.

Следует особо сказать, что коллективная охота у аборигенов края преимущественно осуществлялась с целью укрепления родственных и дружественных отношений между сородичами. А добыча зверя в процессе такого общения – это своеобразное вознаграждение со стороны хозяина тайги охотникам, почитающим традиционные нормы обычного права.

В 1970-е – 1990-е гг. лично мне приходилось принимать участие в такой охоте и наблюдать дележку мяса убитого изюбра и кабана у нанайцев, орочей и удэгейцев. При удачной коллективной охоте мясо и сало делится на равные доли, и раскладывается по кучкам. Затем хозяин охотничьего участка отворачивается от приготовленного к раздаче мяса и сала, другой охотник показывает на одну из кучек и спрашивает у хозяина: "Кому эта доля?". Хозяин участка

называет имя. Такая процедура продолжается до тех пор, пока все доли не будут распределены мясо между участниками охоты.

Удэгейцы считают, что распределение охотничьей добычи между участниками охоты по жребию очень справедливым, потому что каждый получает ту долю, какую ему голосом хозяина участка выделяет дух местности – *азани*, на территории которого был убит зверь. Получает свою долю в виде жертвоприношения и сам хозяин – дух местности.

Считается, что хозяин местности или хозяин тайги – божество аборигенов – находилось в священном дереве, растущем в примечательном месте. Это дерево обычно привлекало к себе внимание своей необычной кроной или толщиной. На стволе такого дерева в метре от земли делалось изображение духа – покровителя охотников, известного у тунгусо-маньчжурских этносов под разными названиями: *пиухэ* (нанайцы, орочи), *пиу* (удэгейцы), *дуугду* (негидальцы), *магин*, *мугдэ* (эвенки). У нанайцев, орочей и удэгейцев изображение *пиу*, *пиухэ* имело вид небольшого углублённого треугольника. Когда на выбранном дереве делалось ритуальное изображение хозяина местности, устанавливался жертвенник и был сделан первый поклон, дерево считалось священным [15, с. 96].

Когда охотник возвращался домой, он обязательно оставлял жертвоприношение хозяину местности или хозяину тайги *онку* на жертвенном столике *даго* (удэ), установленном у подножия священного дерева и, став на правое колено, кланялся и благодарил хозяина тайги, что он послал ему навстречу зверя и позволил взять его плоть. При этом охотник наливал в кружку немного водки, опускал указательный палец в спиртное, и со словами благодарности три раза брызгал перед собой, налево и направо (удэгейцы, орочи) или отливал из кружки чуть-чуть на землю (нанайцы, ульчи). После этого охотник выпивал водку, закусывал, не забывая при этом, угостить закуской и хозяина местности. На жертвенный столик клался кусочек хлеба или лепешки, щепотка риса, спички, табак.

Хозяин местности мог жить не только в священном дереве, но и в других примечательных местах. Например, одно из таких мест находится на левом берегу р. Бикин на отвесной скале горы Сивантай. Здесь устроена кумирня в виде небольшого сооружения, внешне напоминающего скворечник с двускатной крышей. К этой кумирне можно подойти только на лодке.

В 2007 г. мне лично приходилось видеть, что на жертвенном столике кумирни, проезжающими охотниками оставлялись бумажные деньги (50 и 100 рублей) и много монет (преимущественно 1, 2, 5-рублевого достоинства). Кроме денег здесь же лежали патроны от карабина, патроны от малокалиберной винтовки и от гладкоствольных ружей, зажигалки, спички, печенье, ломтики хлеба, а на рядом растущем деревце были навязаны разные лоскуты, привязаны пуговицы, женские браслеты и другие вещи.

Исследователи 70-х гг. XX столетия считают, что "коллективизм заключается не в том, чтобы всем владеть сообща и всё делить поровну, а во взаимной поддержке в труде, в осуществлении принципа взаимности при распределении" [4, с. 15]. Таким образом, "коллективизм в потреблении был не просто автоматическим результатом коллективного производства, а необходимым условием выживания при низкой производительности труда и частой нехватке пищи. Род регулировал потребление в интересах всех сородичей и не допускал такого положения, чтобы одни благоденствовали, в то время как другие испытывали лишения" [10, с. 100]. Даже в период интенсивного разложения родового строя аборигены Приамурья и Приморья всегда удовлетворяли нужды не только своей семьи, но заботились и о благополучии соплеменников. Например, если о соседях, живущих на той же реке, сородичи долго не имели известий, то посылали к ним кого-нибудь из своей семьи узнать: "Здоровы ли те, не случилось ли чего-нибудь, и не нуждаются ли они в какой-либо помощи" [2, с. 154], и если последние нуждались в материальной поддержке, то они её немедленно получали. "И всё это берётся без отдачи, – отмечал В. К. Арсеньев, – и никому в голову не приходит мысль отказать или просить обратно" [1, с. 87] долг.

Первобытный коллективизм сохранялся вплоть до 30-х гг. XX столетия не только у народов России – нанайцев, удэгейцев, орочей, ульчей, уилта

(ороков), эвенов, эвенков, негидальцев, нивхов, хантов, манси, селькупов, кетов и др., но и у многих народов мира.

Блестителями родовых обычаев являлись пожилые и наиболее уважаемые представители рода. Исполнение их предложений и советов по обычному праву аборигенов Приамурья и Приморья было обязательным для всех членов коллектива. Случалось, что в отношениях между сородичами нарушались нормы родовых взаимоотношений. Тогда к нарушителям применялись меры коллективного воздействия. Провинившегося били палками и изгоняли из рода, после чего он не имел больше права показываться не только на реке, где жил его род, но и на двух соседних. Если изгнанник селился в непопозженном месте, то при встрече его убивали (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 124)¹.

Среди аборигенов Приамурья и Приморья не было воровства. "Вор, по их понятиям – урод, сумасшедший, – писал В. К. Арсеньев об удэгейцах. – Зачем красть, когда сородич и так даст просимое, если только у него оно имеется. Поэтому их жилища и амбары никогда не запираются. Замков ни у кого нет. Только входная дверь в балаган подпирается колом или палкой, чтобы ветер ее не открыл, и чтобы туда случайно не зашла собака" [2, с. 154].

Но нередко встречались нарушения межродовых отношений, причиной которых являлся недостаток женщин, спор из-за калыма, охотничьих угодий и т.д. Спорные вопросы решались в родовом суде, который действовал, исходя из норм обычного права [5, с. 80–81]. "В состав суда входили старики, как от заинтересованных сторон, так и от нейтральных родов. Все они следили за выполнением старых законов. Для ведения переговоров об улаживании конфликта приглашали *мангга* – посредника, члена нейтрального рода, красно-речивого, уважаемого, честного человека, хорошо знающего нормы обычного права" [13, с. 53].

Старые родовые законы, составляющие нормы обычного права предусматривали мирное урегулирование различных конфликтов, как между членами своего рода, так и межродовых недоразумений. Поэтому преступные дела старались уладить мирным путем, а виновных наказывали штрафом (*байта*) в пользу потерпевших или оскорблённых. Если виновные не могли заплатить, то платили этот штраф сородичи. Величина его зависела от степени преступления. Так за мелкое преступление с виновного взымался один котел и халат. За тяжелое преступление штраф увеличивался. Вот как характеризовал систему удэгейских штрафов В. К. Арсеньев: "За похищение девушки – 10 рубашек и один котел. Девушка остается у похитителя и становится его женой. За похищение замужней женщины штраф стоит выше. Платится 10 рубашек, 2 котла и 3 копыя и при этом женщина возвращается к мужу. За изнасилование платится 2 копыя, 3 рубашки и при этом виновного бьют до полусмерти" (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 56.). За случайное ранение одного охотника другим, например у ульчей, виновный отдавал потерпевшему выращенного медведя, котёл, орнаментированное копыё и китайскую шубу [13, с. 54].

Самым тяжким преступлением считалось убийство, случившееся, как правило, из ревности, в порыве гнева или из-за нелепой случайности во время охоты на зверя. Убийце грозила большая опасность. "Опасность одному человеку – опасность всему роду, всему народу" (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.), – считали удэгейцы, нанайцы, орочи, ульчи, негидальцы и др.

Род виновного предпринимал меры, чтобы защитить сородича, а род погибшего клялся отомстить обидчику. "За смерть насильственную нельзя не мстить, ибо душа убитого никогда не попадёт в царство теней и поэтому будет вечно странствовать по земле, вопить о мщении и, наконец, озлобленная, перейдёт к чёрту. Вот почему месть – святое дело. О бегстве никто не думает. Тут может быть один только выход – вооружённое столкновение" [2, с. 167].

По неписаным законам полагалось убить "лучшего человека из виновного рода от 15 до 30 лет" (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 50). Если потери были с той и с другой стороны, "то у виновных должно быть одним убитым больше" [2, с. 167].

¹ АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края

Мстители надевали наизнанку праздничные халаты, обувь и головные уборы, брали копыя, луки, стрелы, ножи (для осуществления кровной мести огнестрельное оружие применять запрещалось) и шли к поселению враждебного рода, где уже готовились к отражению неприятеля.

Чтобы нападающие не застали врасплох обороняющихся мужчин, женщины, старики и дети несли караул. Они ходили с палками вокруг стойбища, прочесывали кусты, а обнаружив неприятеля, били его палкой по спине, прогоняя прочь от своего стойбища. Обнаруженный человек, покорно переносил удары даже от ребенка, и удалялся, не оказывая никакого сопротивления, потому что женщины, старики и дети во время кровной мести считались неприкосновенными [2, с. 167].

Охрана стойбища длилась до тех пор, пока осаждавшие не съедали свое продовольствие, и не выпивали принесенную с собой воду. "Обычай не позволяет пить воду из реки, где живут обороняющиеся, рубить дрова, ловить рыбу, заниматься охотой. Поэтому атакующие люди несут с собой и воду, и продовольствие. Можно атаковать враждебный род, но нельзя устраивать осаду. Это ограничивает время на месть и заставляет враждующие стороны идти на примирение" [2, с. 167], – отмечал В. К. Арсеньев.

Конфликт разрешался в суде двух родов. Роль судьи (*занге*) выполнял самый уважаемый и почтенный старик из нейтрального рода. Он выяснял причину убийства сородича, советовался с помощниками и выносил приговор: виновному роду уплатить в пользу обиженного рода 8 котлов, 6 копий, 30 праздничных халатов и 30 соболей (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 56). "После этого со стороны виновных для того, чтобы все же кровь была пролита, убивают несколько собак, и инцидент считается исчерпанным" [2, с. 169].

Таким образом, древние "законы" удэгейцев, нанайцев, ульчей и других аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина, регулировавшие взаимоотношения представителей разных родов, можно охарактеризовать такой системой управления, при которой все аборигены региона имели одинаковые права и обязанности друг перед другом и обществом. "Во времена полного господства родового строя, – отмечал С. Н. Браиловский, – личная жизнь каждого удиһэ, равно как и жизнь всех, строго регулировалась множеством обычаев, имевших силу закона" [3, с. 146.].

Со второй половины XIX столетия в общественной жизни аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина стали происходить существенные изменения. В местах обитания амгуньских негидальцев, ульчей, нанайцев, удэгейцев и других этносов стали появляться селения русских переселенцев, среди иманских и бикинских аборигенов возникли поселения китайцев. Русские и китайцы оказали значительное влияние как на общественные отношения самих аборигенов, так и на их отношения с русскими, китайцами и другими народами юга Дальнего Востока России. Между отдельными представителями славянских народов и аборигенами стали завязываться торговые отношения, что существенным образом отразилось на их экономике и быте.

Чем совершеннее становились орудия труда у аборигенов Приамурья и Приморья, чем больше они могли добыть зверя, рыбы, пушнины, тем меньше они нуждались в совместных действиях с сородичами. Экономически крепкие семьи аборигенов края стремились обособиться и отделиться. Таким образом, уже во второй половине XIX в. родовая община у нанайцев, орочей, удэгейцев и других народов почти прекратила свое существование, что привело к переходу от родовых связей к территориальным и превращению родовой общины в соседскую [14, с. 24–25]. Однако, несмотря на эти социальные изменения, некоторые родовые пережитки еще сохранялись. Многие семьи, отделившиеся от родовой общины, не забывали своей принадлежности к тому или иному кровному роду и продолжали жить по родовым законам. Например, в соседской общине, существовавшей у ульчей в конце XIX – начале XX в., сочетался индивидуальный и коллективный труд..., причем в этих объединениях работали члены разных родов. "Потребление добычи в этом случае было коллективным. Добытый одним охотником олень или лось делился между всеми жителями села. Лососёвый заездок строили сообща несколько соседских семей, но рыбу на заездке каждая семья ловила для себя самостоятельно. Пушная

охота была связана с индивидуальным трудом и индивидуальным присвоением добычи даже в артелях охотников" [13, с. 55].

Удэгейцы в разное время создали ряд территориальных общин, каждая из которых имела своё определённое название. Последнее образование такой общины относится к тому времени, когда удэгейцы по социально-экономическим причинам перекочевали из разных мест на р. Хунгари [8, с. 195].

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется имущественным расслоением аборигенов региона. В число зажиточных в первую очередь попали территориальные старшины, в руках которых была сосредоточена вся власть. Основная же масса населения относилась к бедноте и влачила жалкое существование.

Имущественное неравенство среди удэгейцев, нанайцев, орочей и др. выражалось в количестве и качестве орудий производства, одежды, украшений и продовольствия. Зажиточные аборигены покупали дорогие вещи, хорошее оружие, а бедные довольствовались дешевыми товарами и самодельным снаряжением. Имущественное неравенство отражалось и в бытовых условиях народа. Одни имели "возможность тратить такие деньги как 120 руб. на покупку граммофона, 175 руб. на покупку винтовки, 100 руб. – на золотые часы", а другие не могли приобрести самого необходимого и проживали в бедности (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 38).

С разложением родового строя и образованием территориальных общин объективно нарушалось единство рода, так как аборигены одной фамилии утратили свою родовую территорию и стали жить в местах, удаленных на десятки и даже сотни километров друг от друга. Однако образование территориальных общин не означало отчуждения от своих однофамильцев и от аборигенов других родов. И в условиях территориальных общин коренные народы все еще сохраняли принцип коллективизма и взаимовыручки [14, с. 25].

До конца XIX столетия русские власти практически не вмешивались в самоуправление удэгейцев, орочей, нанайцев, ульчей и других малочисленных народов Приамурья, Приморья и Сахалина.

В XIX – начале XX вв. малочисленные народы Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также и большинство народов не русской национальности других регионов России в официальных документах обозначались под единым термином – "инородцы". На территории Дальнего Востока, в частности в Приамурье и Приморье, под этим термином фигурировали удэгейцы, нанайцы, ульчи, орочи, нивхи, тазы и др. аборигены регионов.

К концу XIX в. царское правительство разработало и издало (1892 г.) законодательный акт "Положение об инородцах", который урегулировал статус инородческого населения России. По этому "Положению" всё инородческое население России делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. К разряду оседлого населения относились те аборигены, которые имели постоянное место жительства, жили в деревнях и занимались земледелием. По сравнению с оседлым населением кочевые и бродячие инородцы обладали следующими особенностями: "непостоянством места жительства, степенью гражданского образования, простотою нравов, особыми обычаями, образом пропитания, трудностью взаимного сообщения, недостатком денег в обращении, сложностями со сбытом в местах лова и производства продукции. Кочевыми инородцами считались лица, которые имели место постоянного проживания, но не жили деревнями и в течение года меняли место своего пребывания. Бродячими признавались инородцы, которые не имели постоянного места проживания и переходили родами или семействами с одного места на другое по лесам, рекам или урочищам для охоты и рыболовства" [7, с. 8–11].

По этому Положению удэгейцы одновременно относились как к разряду кочевых, так и к разряду бродячих инородцев. "Положение об инородцах" узаконило традиционное самоуправление удэгейцев, которое имело место в обществе этноса еще в эпоху родового строя. Как и в прошлые времена, после внедрения в жизнь аборигенов Приамурья и Приморья "Положения об инородцах" самоуправление коренного населения края практически не претерпело изменений. Оно учитывало некоторые традиции этносов, их обряды и обычаи.

В каждом крупном стойбище аборигенного населения региона, например у удэгейцев, история и культура которых автору статьи наиболее извест-

на, создавалось родовое управление в составе старейшины и одного или двух помощников. Старейшина избирался общим собранием членов рода. Каждое стойбище (селение) или территория, независимо от его величины, имело название, отражающее территориальные, промысловые, религиозные и иные особенности. [11, с. 53–58]. Выборный старейшина осуществлял учет членов рода и следил за порядком в стойбище. Несколько стойбищ, имевших выборных старейшин, объединялись в территориальную общину. Как правило, территориальная община ограничивалась бассейном той или иной крупной реки. У удэгейцев таких территориальных общин было восемь.

С переходом родовых общин в территориальные система самоуправления удэгейцев несколько изменилась. Если раньше во главе стойбища или рода стоял старейшина, и ему подчинялись удэгейцы того же рода, то старшиной территориальной общины мог быть человек из любого рода и даже народа, и его власть распространялась на всех жителей этой общины.

С появлением правового акта "Положение об инородцах" формирование и деятельность органов самоуправления кочевых и бродячих инородцев находилась под контролем органов управления губерний. Кандидаты на замещение территориальных старейшин и их выборные помощники утверждались волостными или областными начальниками. Эти старейшины приравнивались в правах к деревенским старостам.

С. Н. Браиловский отмечал, что выборные старейшины распределяли землю в охотничьих угодьях, решали возникающие по поводу промыслов распри, разбирали споры из-за калыма, из-за женщин и другие незначительные дела [3, с. 151]. Решение сложных дел возлагалось на исправника или других официальных лиц, которые относительно регулярно посещали районы расселения коренных жителей Приамурья, Приморья и Сахалина.

Вплоть до 1925 г. территориальные старшины осуществляли правосудие по родовым законам и обычаям. Однако многие удэгейцы, нанайцы и др. аборигены, контактируя с русскими, стали понимать, что законы Российского государства менее суровы, чем родовые, поэтому уже в начале XX в. они стали требовать от старшин вершить суд по русским законам [3, с. 151]. И. А. Лопатин по этому поводу писал: "Теперь часто происходят совершенно безнаказанно такие различные правонарушения, которые раньше были совершенно недопустимы, а если и встречались иногда, то сейчас же пресекались и жестоко наказывались родовой властью на основании обычного права. Но теперь во все вмешивается русская... власть и судит не по гольдскому обычаю, а на основе Российских законов..." [9, с. 46].

Утверждение русской власти и развитие торговых отношений среди коренного малочисленного населения регионов в корне изменило их внутренний уклад родоплеменных общественных отношений, выразившихся в разложении первобытнообщинного строя и в социальном расслоении аборигенов на бедных и богатых. Этот социально-экономический процесс в своей основе был неизбежным, но прогрессивным в этнической истории коренного малочисленного населения дальневосточного региона.

Литература

1. Арсеньев В. К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901–1911 гг.) // Арсеньев В. К. Соч. Т. 5. Владивосток: Примиздат, 1948. С. 3–110.
2. Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы // Арсеньев В. К. Соч. Т. 5. Владивосток: Примиздат, 1948. С. 137–188.
3. Браиловский С. Н. Тазы, или уди́хэ: Опыт этнографического исследования. (Отдельный оттиск из журнала "Живая старина"). СПб., 1901. 223 с.
4. Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 11–25.
5. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. 206 с.
6. Зыбковец В. Ф. Происхождение нравственности. М.: Издат-во политической литературы, 1974. 128 с.
7. Исторические правовые акты. Царское законодательство: Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Статус малочисленных народов России: Правовые акты / Сост. В. А. Кряжков. М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 1999. С. 8–39.

8. Ларькин В. Г. Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР им. В. Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т. 1. С. 193–208.
9. Лопатин И. А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. Т. 7. 370 с.
10. Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1974. 2-е издание. 223 с.
11. Подмаскин В. В. Удэгейские топонимы // Филология народов Дальнего Востока (ономастика). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 53–58.
12. Сем Ю. А. Общественный строй и социальная организация // История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург: "Наука", 2003. С. 37–42.
13. Смоляк А. В. Ульчи: хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
14. Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
15. Старцев А. Ф. Культ священного дерева в традиционной промысловой обрядности малочисленных народов Приамурья и Приморья // Религиоведение. 2019. № 1. С. 94–100.
16. Хомутов А. Е. Антропология. Учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 2003. 384 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V. K. Kratkij geograficheskij ocherk Ussurijskogo kraja (1901–1911 gg.) // Arsen'ev V. K. Soch. T. 5. Vladivostok: Primizdat, 1948. S. 3–110.
2. Arsen'ev V. K. Lesnye lyudi udehkhejtsy // Arsen'ev V. K. Soch. T. 5. Vladivostok: Primizdat, 1948. S. 137–188.
3. Brailovskij S. N. Tazy, ili udiheh: Opyt ehntograficheskogo issledovaniya. (Otdel'nyj ottisk iz zhurnala "ZHivaya starina"). SPb., 1901. 223 s.
4. Grigor'ev G. P. Vosstanovlenie obshhestvennogo stroya paleoliticheskikh okhotnikov i sobiratelej // Okhotniki, sobirатели, rybolovy. L.: Nauka, 1972. S. 11–25.
5. Zolotarev A. M. Rodovoj stroj i religiya ul'chej. Khabarovsk, 1939. 206 s.
6. Zybkovets V. F. Proiskhozhdenie нравственности. М.: Izdat-vo politicheskoy literatury, 1974. 128 s.
7. Istoricheskie pravovye akty. TSarskoe zakonodatel'stvo: Ustav ob upravlenii inorodtsev ot 22 iyulya 1822 g. // Status malochislennykh narodov Rossii: Pravovye akty / Sost. V. A. Kryazhkov. М.: Izdanie g-na Tikhomirova M. YU., 1999. S. 8–39.
8. Lar'kin V. G. EHtnograficheskoe izuchenie imanskikh i khungarijskikh udehgejtsev // Trudy DVF SO AN SSSR im. V. L. Komarova. Seriya istoricheskaya. Saransk, 1959. T. 1. S. 193–208.
9. Lopatin I. A. Gol'dy Amurskie, Ussurijskie i Sungarijskie. Opyt ehntograficheskogo issledovaniya. Vladivostok, 1922. Т. 7. 370 s.
10. Pershits A. I., Mongajt A. L., Alekseev V. P. Istoriya pervobytnogo obshhestva. М., 1974. 2-е издание. 223 с.
11. Podmaskin V. V. Udehgejskie toponimy // Filologiya narodov Dal'nego Vostoka (onomastika). Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1977. S. 53–58.
12. Sem YU. A. Obshhestvennyj stroj i sotsial'naya organizatsiya // Istoriya i kul'tura nanajtsev: istoriko-ehntograficheskie ocherki. Sankt-Peterburg: "Наука", 2003. S. 37–42.
13. Smolyak A. V. Ul'chi: khozyajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashhem. М.: Nauka, 1966. 290 с.
14. Startsev A. F. Kul'tura i byt udehgejtsev (vtoraya polovina XIX–XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 444 с.
15. Startsev A. F. Kul't svyashhennogo dereva v traditsionnoj promyslovoj obryadnosti malochislennykh narodov Priamur'ya i Primor'ya // Religiovedenie. 2019. № 1. S. 94–100.
16. KХомутов А. Е. Антропология. Учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 2003. 384 с.

Старцев А. Ф. Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности.

Родовая община коренных жителей Приамурья, Приморья и Сахалина является одной из основных форм социальной организации в эпоху первобытнообщинного строя, в которой люди были связаны коллективным трудом и общим потреблением продуктов охоты и рыболовства. Каждая община аборигенов региона представляла собой большой коллектив, связанный родственными отношениями, общим происхождением и экономической жизнью. Индивидуальные отношения отдельных членов родовой общины регулировались обычным правом, за нарушение которого виновный наказывался обществом. Отдельные пережитки родовой общины у малочисленных этносов Приамурья и Приморья функционировали ещё во второй половине 70-х гг. XX в.

Ключевые слова: *абориген, регион, община, демократия, коллективизм, потребление, обычное право, нарушение, наказание*

Starcev A. F. Tribal community of the natives of the Priamurye, Primorye and Sakhalin and its features.

The tribal community of the indigenous inhabitants of the Priamurye, Primorye and Sakhalin is one of the main forms of social organization in the era of the primitive communal system, in which people were connected by collective labor and the general consumption of hunting and fishing products. Each tribal community of the Aboriginal people of the region was a large collective connected by kinship, common origin and economic life. The individual relations of individual members of the clan community were regulated by customary law, for the violation of which the perpetrator was punished by society. Separate remnants of the clan community in the small ethnic groups of the Priamurye and Primorye regions functioned in the second half of the 70s of the twentieth century.

Key words: *native, region, community, democracy, collectivism, consumption, customary law, violation, punishment*

Для цитирования: Старцев А. Ф. Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 54–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/54-63

For citation: Starcev A. F. Tribal community of the natives of the Priamurye, Primorye and Sakhalin and its features // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 54–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/54-63

УДК 94:32-058.232.6(47+57)

Зверков Е. А.

Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет

Современных историков всё больше интересует социальная история России начала XX в. В некотором роде это знаменует собой переход от привычной парадигмы исключительности роли личности в истории к признанию важности факторов объективного характера. Масштабы русской революции 1917 г. заставляют нас снова и снова искать причины, приведшие к невиданным прежде социальным переломам. Данный интерес подогревается тем, что, несмотря на известные сложности социально-экономического характера, которые пришлось испытать России в предреволюционные годы, революция явилась неожиданно для большей части жителей империи.

Во многом именно этот интерес стал одним из двигателей развития регионоведения в последнее десятилетие. Особенно активно развивается изучение социально-политической ситуации, экономической ситуации в Центральном Черноземье, в Поволжье. Нельзя не отметить успехи, сделанные в изучении русского крестьянства научной школой Поволжья. Так, в частности, в работах О. А. Суховой раскрыты психологические особенности мышления крестьян. Д. И. Люшкин, в свою очередь, доказывает тезис о крестьянском аграрном движении 1917 г. как иррациональной, по своей сути, борьбе против всех видов частного землевладения. Удачный пример монографического изучения революции в провинции представляет собой исследование В. Н. Сапона, уделившего внимание революции 1917 г. в Нижнем Новгороде. Открываются новые страницы в исследовании участия крестьян в Гражданской войне.

В данном контексте хотелось бы представить читателю краткую характеристику Воронежской губернии как типичного региона Центрального Черноземья России в начале XX в.

К началу XX столетия Воронежская губерния представляла собой регион с ярко выраженной аграрной направленностью экономики. Иного, с учётом крайней слабости промышленного производства, и быть не могло, что подчёркивал и Ф. А. Щербина, долгое время возглавлявший Воронежское статистическое бюро [11, Отд. 3. с. 1].

Крестьяне составляли подавляющую часть населения региона. Историки сходятся во мнении, что оно колебалось на отметке в 88–93%, лишь немного превышая общий средний уровень крестьянского населения по европейской части России. В. Ю. Рылов, однако, полагает, что в реальности в деревне проживали около 70% крестьян, в то время как остальные были крестьянами только "по паспорту" [13, с. 66].

Большая часть крестьян губернии – бывшие государственные крестьяне. Бывшие крепостные насчитывали не более 30% крестьянских дворов (ок. 106 тыс.) [3, с. 8]. Отметим, что наибольший процент дворянского землевладения в губернии отмечался в Бобровском, Новохопёрском и Острогском уездах [9, с. 5]. Неудивительно, что именно в этих уездах на протяжении 1917 г. наблюдалась особая острота взаимоотношений между общинниками и частными землевладельцами. Н. Ф. Бунаков, известный педагог дореволюционной России, считал, что крепостническое унижение негативно сказалось на крестьянской психологии, сформировав недоверие ко всему чужому и своеобразное отношение к нормам морали, объясняя отступление от них "благоразумной обороной или справедливым возмездием" [2, с. 96].

© Зверков Е. А., 2020

ЗВЕРКОВ Евгений Андреевич, канд. ист. наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России (г. Воронеж). E-mail: zverkovphd@yandex.ru

Противоречивое влияние на состояние деревни оказывал стабильный демографический рост – за 1862–1914 гг. население губернии увеличилось в 2 раза и достигло отметки в 3,6 млн. чел. [10, с. 40]. В качестве иллюстрации отметим, что в 1914 году прирост населения составил 1,9% [11, Отд. II, с. 37]. Средняя численность составляла порядка 6 чел. [11, с. 10]. Одним из следствий высокой позитивной динамики в демографической сфере стало сокращение среднедушевого надела – с 4,1 десятины в 1860 г. до 2,8 в 1905 и 1,7 в 1917 г. (ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 476. Л. 9)¹.

Увеличение земельного фонда не успевало за демографическим ростом населения – так, объём пашни за 1860–1890 гг. увеличился всего лишь на 10%, в то время как население – более чем на треть [3, с. 131].

М. Д. Карпачёв, анализируя ситуацию надвигавшегося аграрного кризиса, выделяет и иные, внешне неочевидные следствия вышеописанной проблемы, такие как "явное ухудшение земельного баланса" [6, с. 13]. В результате, подчёркивает автор, быстрый рост доли пашни за счёт лугов, выгонов и леса [6, с. 13]. Из-за сокращения выгонов стремительно уменьшалось поголовье крупного рогатого скота.

На сокращение среднедушевого надела не смогла повлиять и постепенно снижающаяся доля частного землевладения – из 6 млн. дес. земельного фонда Воронежской губернии на долю частных владений к началу революции 1917 года оставалось не более 10%, т.е. 600 тысяч дес., а по иным оценкам, и вовсе 7,9% [7, с. 142]. Имеются, впрочем, сведения о том, что помещичьи хозяйства Воронежской губернии охватывали до 800 тыс. дес. [8, с. 146] Кроме того, ещё около четверти частновладельческих земель сдавались в аренду [7, с. 403]. Известны случаи, когда помещики, не имея никакого сельскохозяйственного инвентаря, сдавали в аренду всю имевшуюся у них землю. Обратной стороной этого процесса предстаёт высокий уровень земельной ренты – в иных случаях за аренду пашни приходилось отдавать более половины всего урожая [1, с. 146]. Считать подобное положение изобретением советской историографии не приходится – весной 1917 г. вопрос об изменении цен на аренду земли был одним из самых популярных вопросов, стоявших на обсуждении сельских обществ губернии.

Сокращение среднедушевого надела оказывало прямое воздействие на благосостояние крестьян. "Моральный" характер экономики деревни ставил уровень достатка крестьян в жёсткую зависимость от урожайности земли, погодных условий и размера земельного надела. По оценкам П. Г. Морева, только 11% крестьянских хозяйств губернии можно было отнести к зажиточным. В среднем на каждое такое хозяйство приходилось порядка 24,5 десятин земли [9, с. 11].

Малоземелье вынуждало крестьян уходить на промыслы. Вследствие слабого состояния в губернии фабрично-заводского производства, направлялись чаще всего в другие губернии. В большинстве случаев – на юг России. Промыслы давали до четверти доходов в семьях беднейших крестьян [14, с. 12]. Описанная ситуация заставляет невольно задуматься об угрозе голода. Однако говорить о кризисе продовольствия в губернии не приходится. Как отмечает М. Д. Карпачёв, его и не могло быть: "Очень медленно, но всё же повышалась эффективность сельскохозяйственного труда. Среднегодовые сборы хлебов имели тенденцию к повышению. Возрастали общие размеры пашни", запасы хлеба не подразумевали угрозы голода и в целом убеждали в относительно устойчивом положении сельского хозяйства [5, с. 79].

Часть крестьян отправлялась на заработки в губернский центр. Перед началом революций в губернии насчитывалось порядка 7 тысяч промышленных заведений с общим количеством рабочих 22 тысячи человек [11, с. 28].

Больше всего рабочих ожидаемо насчитывалось в Воронеже. Вместе с тем город с трудом можно было назвать промышленным центром. В 1917 г. на городских предприятиях трудились всего лишь около 12 тысяч человек [11, с. 5]. Однако даже эта цифра была достигнута благодаря Первой мировой войне, в ходе которой в город были эвакуированы некоторые промышленные заведения, например, из Риги эвакуировали в Воронеж завод Рихард-Поле.

¹ ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области

Среди уездных центров выделялся город Павловск. Меньше всего рабочих считывали Богучар и Нижнедевицк. Среди уездных городов наибольшей численностью промышленных заведений отличались Павловск и Новохопёрск. Однако большинство предприятий были малого масштаба, что отражалось на общем облике рабочих, привыкших трудиться на мелких заведениях. Даже на заводе В. Г. Столля, одном из крупнейших предприятий города, в 1916 г. работали не более тысячи человек.

Условия труда, как правило, оставляли желать много лучшего. Ситуацию усугубляло отсутствие социальной обеспеченности и страхования рабочих.

Острота земельного вопроса помогала поддерживать стабильно высокую популярность партии социалистов-революционеров и, кроме того, таила опасность рецидива событий 1905–1907 гг. Атмосфера нервного ожидания была характерна не только для Воронежа. Недаром тульский губернатор А. Н. Тройницкий, к слову, убеждённый монархист, ещё в 1915 г. давал тревожный прогноз, указывая, что "могут настать времена, похуже 1905 г.". Аграрный характер губернии отразился и на облике городских рабочих. Малый масштаб предприятий исключал возможность складывания корпоративной этики рабочих, характерной для рабочих столичных городов. Именно поэтому большевик Н. Н. Рабичев (1898–1938 г.), отвечавший в 1917 г. за работу партии среди воронежской молодёжи, досадливо охарактеризовал местных рабочих как людей с "мелкобуржуазной психологией".

В начале XX в. Воронеж представлял собой среднестатистический губернский город. Численность населения, в силу отсутствия крупной промышленности и сравнительно невысокого уровня деловой активности, по переписи 1897 г. составляла 80,5 тыс. чел. [12, с. 5] и к началу Первой мировой войны, по сведениям губернского статистического комитета, увеличилась всего на 2 тысячи. Вместе с тем Воронеж входил в число тридцати самых крупных городов империи.

Начало XX в. застало город в стадии постепенной "крестьянизации": необходимость бороться за выживание заставляла беднейшую часть крестьян отрываться от привычного быта и уходить на промыслы, в том числе и в Воронеж, где часть из них и оседала. В годы Первой русской революции крестьянское население Воронежа составляло порядка 32% [12, с. 5]. Основными районами расселения стали малоустроенные окраины города.

Взятый Россией в пореформенную эпоху курс на модернизацию экономики требовал пополнения экономики высококвалифицированными кадрами, для чего требовалось развитие образования и ликвидация безграмотности. Воронеж испытывал большие сложности в этом направлении. Несмотря на усилия правительства и земства по ликвидации народной безграмотности, неграмотными перед Первой мировой войной оставались до 47% жителей города [12, с. 252]. Низкий процент грамотности и острая нехватка средств стали причиной неудачи в попытке в 1907 г. открыть в городе университет. Только в 1912 г., благодаря стараниям земства, удалось добиться решения о создании сельскохозяйственного института (ныне – Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I). Собственный университет город получил уже при Советах, когда в 1918 г. был эвакуирован Юрьевский университет. В итоге в дореволюционном Воронеже так и не успели сложиться традиции вузовской интеллигенции. Не сложилось, если не считать отдельных кружков гимназистов, и оппозиционно настроенного студенчества. Тем не менее именно городская интеллигенция придала главный импульс развитию Февральской революции в городе, оформив структуру государственных и революционных органов.

Начало XX в. застало Воронежскую губернию в процессе нарастания социальных диспропорций. Несмотря на настойчивые требования времени, городу, в силу финансовых проблем, не удавалось побороть проблему народной безграмотности, без чего была совершенно невозможна интенсификация промышленного развития. Развитие промышленности было крайне важно и как фактор снижения социального раздражения в деревне путём предоставления рабочих мест тем, кому не находилось места в переполненном селе. Сокращение среднедушевого надела и малая доходность крестьянских хозяйств ставили под угрозу благополучие крестьянской общины. Предметом отдель-

ного внимания являлась оторванность основной массы населения от власти. Малочисленная полиция, считавшаяся крестьянами чужой, могла спастись от беспорядков только в мирное время. Как показала революция, ни власть, ни полиция так и не смогли выстроить контактов с крестьянами, что сделало их первыми жертвами революции. Сумма этих обстоятельств создавала благоприятную почву для будущих социальных потрясений.

Литература

1. Алексеев В. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях. Воронеж: Коммуна, 1935. 222 с.
2. Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. Санкт-Петербург: типография общества "Общественная польза", 1906. 229 с.
3. Карпачёв М. Д. Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // Русская провинция. / Сост. Р. В. Андреева. Вып. 2. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1995. С. 5–24.
4. Карпачёв М. Д. Воронежская деревня накануне революции 1917 года: к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики // Известия ВГПУ. 2017. № 2 (275). С. 129–135.
5. Карпачёв М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. 2011. № 3. С. 66–81.
6. Карпачёв М. Д. Причины и социальные последствия аграрного перенаселения в Воронежской губернии в начале XX века // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2018. № 2. С. 13–19.
7. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 504 с.
8. Кудинова Ю. В. Положение крестьянства Воронежской губернии в период между двумя русскими революциями // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 146–149.
9. Морев П. Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции. (Март – окт. 1917 г.) Воронеж : Издательство ВГУ, 1961. 103 с.
10. Обзор Воронежской губернии за 1913 год. Воронеж: Типолиитография Губернского Правления, 1914.
11. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж: Типолиитография Губернского Правления, 1916. 660 с.
12. Попов П. А., Фирсов Б. А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – начала XX века. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. 328 с.
13. Рылов В. Ю. Консерватизм в российской провинции: правое движение в губерниях Центрально-Земледельческого района. 1913–1917 /В. Ю. Рылов. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 621 с.
14. Табацкая И. Г. Некоторые аспекты культурного развития Воронежской губернии в 60-90-е годы XIX века. Воронеж: ИПЦ "Планета", 1999. 154 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseev V. Ocherki istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Voronezhskoj i Kurskoj oblastiakh. Voronezh: Kommuna, 1935. 222 s.
2. Bunakov N. Sel'skaya shkola i narodnaya zhizn'. Nablyudeniya i zametki sel'skogo uchitelya. Sankt-Peterburg: tipografija obshhestva "Obshhestvennaya pol'za", 1906. 229 s.
3. Karpachyov M. D. Voronezhskaya derevnya v gody stolypinskoj zemel'noj reformy // Russkaya provintsiya. / Sost. R. V. Andreeva. Vyp. 2. Voronezh: TSentral'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. S. 5–24.
4. Karpachyov M. D. Voronezhskaya derevnya nakanune revolyutsii 1917 goda: k otsenke predvaritel'nykh itogov stolypinskoj agrarnoj politiki // Izvestiya VGPU. 2017. № 2 (275). S. 129–135.
5. Karpachyov M. D. Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam Voronezhskoj gubernii) // Rossijskaya istoriya. 2011. № 3. S. 66–81.
6. Karpachyov M. D. Prichiny i sotsial'nye posledstviya agrarnogo perenaseleniya v Voronezhskoj gubernii v nachale XX veka // Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2018. № 2. S. 13–19.
7. Koval'chenko I. D. Agrarnyj stroj Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2004. 504 s.

8. Kudinova YU. V. Polozhenie krest'yanstva Voronezhskoj gubernii v period mezhdu dvumya russkimi revolyutsiyami // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: EHkonomika. Informatika. 2011. № 13 (108). S. 146–149.
9. Morev P. G. Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii nakanune Oktyabr'skoj revolyutsii. (Mart – okt. 1917 g.) Voronezh : Izdatel'stvo VGU, 1961. 103 s.
10. Obzor Voronezhskoj gubernii za 1913 god. Voronezh: Tipolitografiya Gubernskogo Pravleniya, 1914.
11. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1916 god. Voronezh: Tipolitografiya Gubernskogo Pravleniya, 1916. 660 s.
12. Popov P. A., Firsov B. A. Staryj Voronezh. Iz istorii gorodskogo byta XVIII – nachala XX veka. Voronezh: TSentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraja, 2009. 328 s.
13. Rylov V. YU. Konservativizm v rossijskoj provintsii: pravoe dvizhenie v guberniyakh TSentral'no-Zemledel'cheskogo rajona. 1913–1917 /V. YU. Rylov. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2016. 621 s.
14. Tabatskaya I. G. Nekotorye aspekty kul'turnogo razvitiya Voronezhskoj gubernii v 60-90-e gody XIX veka. Voronezh: IPTS "Planeta", 1999. 154 s.

Зверков Е. А. Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет.

Статья посвящена рассмотрению социально-экономического облика Воронежской губернии в начале XX в. как характерного региона России того времени. Слабое развитие промышленного производства и преобладание крестьянства в социальной структуре сделали Воронежскую губернию аграрным регионом с высокой степенью чувствительности к демографическим процессам. Рабочий класс Воронежа, как и во многих других городах, пополнялся за счёт крестьян, уходивших на заработки из перенаселённых деревень. Крестьянское пополнение, однако, не было массовым, что отразилось и в сравнительно невысокой численности населения города вплоть до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Воронежская губерния, крестьянство, рабочие, регионоведение, аграрная экономика*

Zverkov E. A. Voronezh province in the early twentieth century: the socio-economic portrait.

The article is devoted to consideration of social and economic situation in Voronezh at the beginning of 20th century, because it is a typical region of Russia at that time. Voronezh province was made an agrarian region, which had a high sensibility to demographic processes by poor development of industrial production and a preponderance of peasant class in social structure. Working class in Voronezh increased with the help of peasants, who left countries in search of a job. However, replenishment of peasants was not mass and it had an impact on the urban population, which was not high enough until the World War I.

Key words: *Voronezh province, peasantry, workers, regional studies, agrarian economy*

Для цитирования: Зверков Е. А. Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 64–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/64-68

For citation: Zverkov E. A. Voronezh province in the early twentieth century: the socio-economic portrait // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 64–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/64-68

УДК 34.01; 93/94

Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А.

**"Юридическое обозрение":
"считаем своим долгом сделать все возможное в этой области"**

Любой юрист скажет, что невозможно заниматься юриспруденцией без профессиональной периодической печати. До 1917 г. в России существовала обширная юридическая пресса: "Юридически вестник", "Право", "Журнал Министерства юстиции", "Вестник права", "Вестник гражданского права", "Архив судебной практики и законодательства" и другие издания. В редакциях работали российские юристы с большим опытом и обширными научными и практическими знаниями, основанными на материале общегосударственного масштаба. На российском Дальнем Востоке специальной периодической печати не существовало вплоть до последних лет Гражданской войны, когда появился журнал "Юридическое обозрение" (1921–1922 г.).

Несмотря в целом на большое число публикаций и по истории юриспруденции, и по истории периодической печати на Дальнем Востоке, сведений об издании журнала "Юридическое обозрение" долгое время имелось крайне мало. Это связано с тем, что архив журнала был утерян и только недавно удалось выявить в США первые восемь номеров этого интересного периодического издания. Авторы приносят искреннюю благодарность русскому библиографу Гавайского университета Патриции Полански за разрешение использовать материалы этих номеров в данной публикации.

Первый номер "Юридического обозрения" вышел в свет в ноябре 1921 г. по инициативе профессора В. А. Рязановского, который был также первым и единственным редактором журнала. Соратником Рязановского в деле издания журнала выступил владивостокский юрист Валентин Павлович Фомин. Редакция размещалась в квартире, где жила семья Рязановских (Владивосток, ул. Светланская, № 53, кв. 4).

Валентин Александрович Рязановский родился 1 января 1884 г. в Костромской губернии. Окончив гимназию, он учился на юридическом факультете Московского университета. Ещё студентом юноша проявил себя не только способным юристом-практиком, но и хорошим аналитиком юриспруденции, благодаря чему получил направление от университета на двухгодичную учёбу в Германии, но он смог поехать только на шесть месяцев. Из заграничной командировки он вернулся с большим багажом знаний и желанием заниматься исследовательской работой, но надо было зарабатывать на жизнь. Вначале Рязановский жил в небольшом губернском городке, где трудно было заниматься наукой, и он открыл судебную практику. Но впоследствии тяга к преподавательской и научной работе взяла верх, и Рязановский решил целиком посвятить себя академической карьере. Начало Первой мировой войны он встретил в Ярославле в должности приват-доцента Демидовского юридического лицея по кафедре гражданского права и проработал там до 1917 г. Тогда же Рязановский защитил в Донском (бывш. Варшавский) университете диссертацию на степень магистра гражданского права. Вернувшись домой, он стал исполняющим дела профессора по кафедре гражданского права. Тогда же он подготовил и докторскую диссертацию, рукопись которой была утеряна

© Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А., 2020

ХИСАМУТДИНОВА Наталья Владимировна, д-р ист. наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** natalya.khusamutdinova@vvsu.ru

ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович, д-р ист. наук, профессор департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** khisamut@yahoo.com

В. А. Рязановский в г. Харбине (1929 г.). Источник: из собрания семьи Н. В. Рязановского (Калифорния).

1920 г. уехали во Владивосток, где Валентин Александрович стал председателем департамента гражданского права Владивостокской судебной палаты [15, с. 150]. На далёкой российской окраине он сразу же заметил отсутствие юридической литературы, необходимой для работы. Тогда-то и пришло решение выпускать юридический журнал. Рязановский писал: "Здесь, на Дальнем Востоке, на небольшой территории, хранящей остатки веками создававшейся культуры, нет ни достаточных научных сил, ни средств для работы, ни большого материала. Но подобно тому, как солнце отражается и в капле воды, так и правовая жизнь проявляется и в самом маленьком социальном организме, и в последнем так же встают требующие своего разрешения теоретические и практические вопросы, и вместе с ними чувствуется громадная потребность в органе юридической мысли. Сознывая всю скромность наших сил и средств, мы и предпринимая попытку хотя бы в небольшой степени удовлетворить эту никогда не прекращающуюся и превратившуюся в голод потребность. Быть может, у нас не хватит идейных сил для этого, быть может, не найдется материальных средств, это – возможно, но мы считаем своим долгом сделать всё возможное в этой области" [8, с. 1].

"Наше издание не преследует никаких политических целей, – подчеркивал Рязановский-редактор в первом номере журнала, – и будет ограничиваться юридической трактовкой вопросов, отдавая значительное внимание местному законодательству и судебной практике. Но в одном отношении мы всё же считаем себя прямыми продолжателями прежней юридической мысли. Мы стоим на одной платформе с нею в нашей привычке, в нашем стремлении к праву, как необходимому для жизни всякого социального организма элементу. Мы так же, как и она, в наших скромных размерах, являемся убеж-

в 1918 г. (Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А. С. Лукашкина).

Гражданская война перевернула жизнь большей части русской интеллигенции. Одни, воодушевлённые новыми идеями, приняли советскую власть, другие же предпочли влиться в ряды отступающей белой армии. Среди последних было немало юристов, которые понимали, что отрицание старых законов ведет к ещё большему беззаконию. Осенью 1918 г. Рязановский вместе с женой перебрался в Томск, где стал профессором юриспруденции Томского университета. Через полтора года он уехал в Иркутск и стал преподавать в Иркутском университете. Уже тогда на его счету было несколько интересных работ по юриспруденции. В этот период в Иркутске находилось правительство адмирала А. В. Колчака, вынужденное отступать под натиском Красной армии, и Рязановский принимал участие в оформлении законов Белого правительства.

После падения власти Верховного правителя Рязановские недолго оставались в Иркутске и поздней осенью

дёнными сторонниками идеи правового государства и будем по мере сил и возможности служить этой идее" [8, с. 1].

Сразу же за обращением редакции следовал раздел "Памяти отошедших". Испытав немало тревог и проблем на долгом пути из Ярославля во Владивосток, Рязановский посчитал необходимым отдать долг памяти коллегам, не пережившим Гражданскую войну. Он писал: "Да позволено будет мне начать новый юридический орган строками, посвященными памяти отошедших, памяти тех, у кого мы русские юристы, черпали наши познания непосредственно на их лекциях или из печатных трудов, – памяти наших учителей. ... Некоторые ушли по принуждению. Так, по дошедшим сведениям профессора Малиновский, Лазаревский, Б. Никольский, Цытович, Иванов были расстреляны. Кокошкин убит в больнице. А. Э. Нольдэ расстрелян при переходе границы. Другие сами поспешили ускорить смерть. Так, В. М. Хвостов покончил с собой. А смерть остальных несомненно была ускорена переживаемой эпохой: Гессен, Трубецкой, Симонен умерли от тифа; Каблуков, Никольский – от истощения; И. А. Покровский надорвал большое сердце, таская дрова в квартиру; И. В. Михайловский умер после долговременного заключения в тюрьме, где его хватил удар и т.п." [19, с. 1 – 2].

"Юридическое обозрение" выполняло роль официального публикатора документов юридических организаций Владивостока. В нём, в частности, регулярно печатались постановления и указы Временного Приамурского правительства, резолюции, решения и определения Владивостокской судебной палаты. Издание публиковало извлечения из приказов о важнейших назначениях по ведомству юстиции, статьи по теории права и судопроизводства, сообщения о деятельности судов и прокуратуры, рецензии о новых книгах по юриспруденции и библиографические заметки. Часто на его страницах в разделе "Судебная хроника" появлялась информация о громких судебных процессах. Сквозь призму юридической жизни, освещаемой в журнале, можно было составить полную хронику политических событий в регионе.

Редактор обращал внимание и на деятельность адвокатуры. Ещё в июне 1921 г. состоялось общее собрание присяжных поверенных Владивостока, на котором председателем был избран Н. А. Преображенский. В то время Владивостокская судебная палата насчитывала 50 присяжных поверенных, десять помощников, а также 30 частных поверенных при окружном суде и судебной палате. Имелся и суд присяжных заседателей: впервые он открыл свою сессию 20 сентября 1921 г.

В первом номере вышла статья Рязановского об административном праве, в которой он сделал комплексный анализ административного права ряда иностранных государств. И сегодня актуально звучат его слова: "Граждане современного государства имеют не только субъективные гражданские права, например, право собственности, семейные права, наследственные и т.п., но и субъективные публичные права. К числу последних относятся: политические права – право избирать в законодательные собрания, быть присяжным заседателем и т.д., так называемые права гражданских свобод – право печати, союзов, собраний и т.д., права публичных служб – в частности, должностные права. Эти права так же могут быть нарушаемы, как и гражданские, и так же нуждаются в защите" [11, с. 6].

Авторами публикаций "Юридического обозрения" помимо самого Рязановского были его коллеги, друзья и старые знакомые. Так, статью "Торговые товарищества по японскому законодательству" написал для первого номера председатель Владивостокской торговой палаты Порфирий Осипович (Иосифович) Куркутов, которого Рязановский знал по Иркутску. Куркутов был уроженцем этого города, родившись там в 1868 г. После окончания Московского университета он работал консультантом в филиале известной владивостокской фирмы Бриннера, был членом Иркутской судебной палаты, занимал ответственный пост в правительстве А. В. Колчака (1918 г.). Во Владивостоке Куркутов оказался в числе других беженцев. В своей статье он предсказывал экономическое сотрудничество России с соседними странами и подчеркивал важность знания иностранного законодательства: "Какие бы политические перемены ни произошли в нашей стране, можно с уверенностью предсказать, что последствиями пережитых событий и, главным образом, последствием полного нарушения нашей отечественной промышленности явится более тес-

ная связь нашей страны с промышленными и финансовыми кругами и деятелями других стран" [5, с. 9]. Ещё одна статья Куркутова, "Организация суда в Японии", была опубликована в шестом номере "Юридического обозрения" (май 1922 г.).

Валентин Александрович всё свободное время посвящал журналу. Он хотел создать во Владивостоке не просто юридическое издание, а объединение единомышленников, которые могли бы встречаться, обсуждать материалы свежего номера, думать о планах и готовить новые публикации. Регулярно публиковались в журнале и материалы о юридическом образовании. К моменту появления Рязановского во Владивостоке там уже был открыт Государственный Дальневосточный университет (ГДУ) (17 апреля 1920 г.), где Рязановский встретил немало коллег, с которыми работал в Сибири. 17 декабря 1920 г. декан факультета общественных наук Сергей Павлович Никонов представил его кандидатуру правлению ГДУ для занятия должности исполняющего дела ординарного профессора по кафедре гражданского права. Рязановского избрали единогласно закрытой баллотировкой (ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 3. Л. 42–43).

Уже в первом номере Рязановский поместил информацию о ГДУ, обращая особое внимание на преподавание юридических наук. Журнал отмечал: "ГДУ с тремя факультетами: восточным, историко-филологическим и общественных наук, которые делятся в свою очередь на отделения, действует на основании университетского устава 1884 г, с изменениями, внесёнными Врем[енным] Правит[ельством] в 1917 г., и с некоторыми изменениями местного характера. Из последних главными являются: наименование третьего факультета факультетом общественных наук и деление его на юридическое и экономическое отделения (с учреждением для последнего 8 дополнительных кафедр) и льготные условия для занятия профессорских и доцентских должностей для первоначальной состава ун-та" (3, с. 25 – 26).

Название факультета общественных наук, на котором получали высшее образование и юристы, породило недоразумения, на которые журнал счёл нужным откликнуться. В четвёртом номере (март 1922 г.) обсуждались проблемы, связанные с получением дипломов ГДУ. У юристов первого выпуска возникли сомнения в том, что дипломы факультета общественных наук в полной мере подтверждают юридическую квалификацию. "Они подали в совет Дальневосточного университета и на факультет общественных наук заявление с просьбой выдать им временные свидетельства и дипломы от имени Государственного Дальневосточного университета и юридической испытательной комиссии при последнем без указания на факультет общественных наук университета. Основой такой просьбы служит то обстоятельство, что в советской России взамен уничтоженных юридических факультетов были созданы факультеты общественных наук, которые ничего общего с юридическими факультетами не имеют. В славянских странах, где русских юристов допускают к практической деятельности, совершенно не признают дипломов, выданных общественными факультетами России. Поэтому один из окончивших, г. Сикорский, уезжая в Польшу, должен был взять удостоверение от местного польского консула, что Дальневосточный университет действует на основании устава 1884 г., а юридическое отделение факультета общественных наук ведёт преподавание по программе юридических факультетов российских университетов. В заявлении отмечается, что не только за границей не признают дипломов окончивших общественные факультеты в России, но и сами большевики в советской России предпочитают лиц, окончивших юридические факультеты, окончившим общественные. В заключение подавшие заявление указывают, что в особенно тяжёлом положении из-за названия факультета окажутся их младшие коллеги, состоящие студентами факультета общественных наук Дальневосточного университета, по окончании этого факультета не только за границей, но может быть в будущем и в России" (4, с. 157–158).

В том же четвёртом номере появилась информация о работе в Харбине Высших экономико-юридических курсов [1, с. 155]. Открытые по инициативе русских эмигрантов 1 марта 1920 г. (первый декан Н. В. Устрялов), в 1922 г. они получили аккредитацию ГДУ, утверждённую министром образования Приамурского правительства, и стали называться Юридическим факульте-

том. К тому времени почти все преподаватели этого факультета были из Владивостока.

В разделе "Хроника" четвертого номера было напечатано сообщение о создании при ГДУ Юридического общества. Его устав руководство ГДУ утвердило 14 февраля 1922 г. В число учредителей Общества вошли 28 членов. В первый Совет общества выбрали В. А. Рязановского (председатель), П. О. Куркутова и В. А. Виноградова (товарищи председателя), Н. И. Гауффе (казначей), Н. И. Кохановского (секретарь) и В. П. Фомина (товарищ секретаря) [16, с. 157].

Появление во Владивостоке Юридического общества изменило статус "Юридического обозрения". 2 апреля 1922 г. на заседании общества редактор В. А. Рязановский и издатель В. П. Фомин подняли вопрос о передаче журнала этой общественной организации. В протоколе отмечалось: "Профессор Рязановский дает подробный доклад о возникновении журнала "Юридическое обозрение", о материальной стороне издательства (продажей номеров и объявлениями окупаются типографские расходы, гонорар авторов оплачен лишь частично, труд редактора бесплатный, равно как и техническая часть), в заключении поддерживает предложение о передаче журнала О-ву. После обмена мнениями единогласно постановлено: а) благодарить Рязановского и Фомина за их работу по созданию журнала "Юридическое обозрение"; б) принять от В. П. Фомина журнал "Юридическое обозрение" со всем имуществом издания и всеми долгами, за исключением выпускаемых от имени "Юридического обозрения" отдельным изданием "Лекций по гражданскому праву" проф. Рязановского, и продолжать издание "Юридического обозрения" от имени Общества; в) создать фонд на издание журнала; г) поручить Совету Общества издание журнала" [7, с. 270]. Помимо издания своих лекций по гражданскому праву [12], Рязановский напечатал через журнал и "Решения Владивостокской судебной палаты" [10].

Занятия на кафедре гражданского права ГДУ Рязановский совмещал с юридической практикой. Парадоксально, но время Гражданской войны не было таким уж незаконным полем в правовом отношении, как представлялось еще совсем недавно. "Закон плох, но это закон", – любили говорить в те годы владивостокские юристы, стараясь по мере сил оформлять надлежащим образом все решения белой власти. Не их беда, что правители не всегда прислушивались к их доводам. Во втором номере журнала, вышедшем в феврале 1922 г., Рязановский под псевдонимом "Юрист" тщательно проанализировал судебные законы Временного Приамурского правительства. Заканчивая статью, он писал: "Мы можем отметить, что за семь месяцев деятельности новой власти наряду с восстановлением цензуры, с изданием карательных законов с обратной силой применением чрезвычайной охраны без ее прямого объявления и некоторыми другими несомненно отрицательными явлениями местного законодательства и управления – последнее насчитывает и ряд положительных достижений: введение суда с участием присяжных заседателей, расширение компетенции административной юстиции, учреждение Кассационного присутствия по военным и морским делам и некоторые другие – тем приятнее констатировать наличие последних" [18, с. 95].

Рязановский и его коллеги обращали большое внимание на советское судопроизводство. Свидетельство тому – большая статья Рязановского "Новый суд", которую он опубликовал в пекинском журнале "Русское обозрение" (1921. № 6–7). Исчерпывающий анализ советского судопроизводства он дал в третьем номере "Юридического обозрения", отмечая его особый репрессивный характер в виде Всероссийской чрезвычайной комиссии и революционных трибуналов [13, с. 113–114]. Освещать эту тему он продолжил в восьмом номере (июль 1922 г.), напечатав статью "Народный суд советской России".

"Юридическое обозрение" подняло и другой важный вопрос – о китайском судопроизводстве, имевшем особое значение для русских граждан, включая беженцев, на северо-востоке Китая. Во время строительства и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги русские пользовались особой экстра-территориальностью и подчинялись только российским законам. После падения Российской империи территория КВЖД подпала под китайское судопроизводство, к которому местные власти оказались не готовы. "Юридическое обозрение" писало: "Нет законов. Так, в Китае нет гражданского кодек-

са, нет вексельного устава, железнодорожного устава, что так необходимо в полосе отчуждения. Суд производится на языке, чуждом населению. Поэтому необходимы хорошие переводчики. В этом отношении дело обстоит особенно плохо. Не только переводчики не всегда понимают тяжущихся, но, говорят, некоторые судьи-южане не вполне понимают переводчиков-северян. До чего доходит это взаимное непонимание, можно судить по следующему случаю. Один гражданин в пьяном виде напумел и разбил окно. Был привлечен к суду. И суд приговорил его к 12 годам каторжной тюрьмы. Обвинённый после приговора упал в обморок, все были поражены. Выяснили дело и оказалось, что его осудили за "убийство" окна!" [14, с. 121]. Статья о китайском суде "Судебная организация Китая" была напечатана и в восьмом номере (июль 1922 г.).

24 мая 1922 г., на собрании Юридического общества состоялось обсуждение статьи и доклада Н. И. Гауффе о деятельности дальневосточных нотариусов [2, с. 263–264]. Юрист Николай-Август Иванович Гауффе начал службу на Дальнем Востоке 1897 г. мировым судьей Благовещенского окружного суда, в 1898 г. перевёлся во Владивосток. С 1902 г. Гауффе находился на службе в Приморском областном по крестьянским делам присутствии. Доклад вызвал оживлённый обмен мнениями, в котором принимали участие Фихман, Вальден, Виноградов, Кохановский, Рязановский и др. Протокол дискуссий напечатан в седьмом номере журнала (июль 1922 г.): "Выводы докладчика сводятся к следующему: А) Нотариусы г. Харбина и функционировавшие в Китае помощники Комиссаров по русским делам не могут считаться агентами Российской правительственной власти, не могут исполнять обязанности, указанные в уставе консульском и в положении о нотариальной части (Св. Росс. законов, т. XI, ч. 2 и т. XVI, ч. 1), а совершённые ими акты, как совершённые в иностранном государстве по существующим там законам, могут быть представлены к делам, производящимся в русском суде, не иначе, как по исполнению особой формальности, заменяющей требуемое ст. 465 устава гражданского судопроизводства удостоверение русского посольства, миссии или консульства. Формальности эти могли бы, по мнению докладчика, состоять в удостоверении со стороны китайских консульских учреждений, действующих на территории Приамурского Временного Правительства – подлинности подписи и печати нотариуса или помощника Комиссара и установления правильного совершения акта по законам Китайской Республики и затем, в удостоверения подписи консула в управлении Иностранными делами Приамурского Временного Правительства. Б) Акты и засвидетельствования, совершённые в Японии и в других государствах лицами, продолжающими именовать себя российскими консулами, подлежат обязательному принятию к производству правительственных учреждений и должностных лиц на территории Приамурского временного правительства только после того, как подписи и печать этих лиц будут заверены в Министерстве Иностранных Дел данного государства и после того, как последует распоряжение Приамурского Временного Правительства о признании полномочий этих лиц.

После доклада Гауффе оглашает определение Общего собрания Судебной палаты по настоящему вопросу, результативная часть которой гласит: 1) Признать, что акты русских дипломатических и консульских представителей за границей в тех государствах, где последние не лишены официальной возможности отправления своих функций, имеют силу и значение в пределах округа Владивостокской Судебной Палаты как акты полномочных русских представителей, 2) признать, что акты, совершённые русскими и иностранными подданными за границей по местным законам и представленные в судебные учреждения округа Владивостокской Судебной Палаты без указанного в ст. 465 Уст. Гражданского судопроизводства удостоверения, могут быть признаваемы судебными учреждениями в их силе и значении на основании других собранных судебным учреждением доказательств, 3) признать, что акты, совершаемые нотариусами Харбина М. С. Уманским, И. Т. Дмитриевым и А. Ф. Саковичем по русским законам, имеют для судебных учреждений силу и значение актов, совершённых русскими нотариусами, о чем циркулярно сообщить" [17, с. 227].

Рязановский, который вел собрание, отметил в заключение "наличность единодушия по общему вопросу о признании за представителями бывшего

правительства России их функций за границей, пока нет в России признанного правительства и расхождений по частному вопросу – о признании актов Харбинских нотариусов. По поводу последнего отметил, что Судебная Палата руководствовалась с одной стороны соображениями целесообразности, а с другой, непризнанием насильственного закрытия Пограничного Суда в Харбине, рассматривая состояние нотариусов в Харбине без надзора Окружного Суда как временное и заменяя общий контроль контролем отдельных актов сих нотариусов" [17, с. 228].

Последний выявленный номер "Юридического обозрения", восьмой, вышел в июле 1922 г. Владивостокские юристы видели, что Гражданская война подходит к концу. Понимая, что вряд ли они найдут место в советской системе, большинство уже собирали чемоданы и искали новое место работы в Харбине. Поэтому для них была очень важна информация о деятельности харбинского Юридического факультета, которую предоставил журналу декан Никандр Иванович Миролюбов. "Есть высшее учебное заведение, – писал он, – имеющее цель предоставить слушателям законченное юридическое образование в пределах юридических факультетов Российских государственных университетов с некоторым усилением преподавания наук экономических. Прослушавшие 8 семестров и получившие выпускное свидетельство, согласно заключению Дальневосточного университета приравнены к окончившим университет и допущены к сдаче государственных испытаний в юридической испытательной комиссии. Для обслуживания указанных кафедр на Курсах установлено 12 профессоров, кроме того, имеется необходимое число доцентов и преподавателей (на правах приват-доцентов). Науки, обязательные для слушателей: 1) Общая теория права (энциклопедия) – ординарный профессор Г. Г. Тельберг. 2–4 часа в неделю. 2) История русского права – экстраординарный профессор Н. И. Никифоров. 4–6 час. в неделю. 3) Политическая экономика и статистика – доцент М. В. Абросимов и преподаватель В. И. Сурин 4–6 час. 4) римское право (история и система) – экстраординарный профессор Г. К. Гинс и преподаватель М. Э. Гильчер. 4–6 часов. 5) Государственное право – экстраординарный профессор Н. В. Устрялов – 4 часа, 6) статистика – 4. 7) история философии права – доцент Л. А. Зандер – 3. 8) административное право – экстраординарный профессор В. В. Энгельфельд – 4. 9) гражданское право и судопроизводство экстраординарный профессор В. А. Рязановский – 6. 10) уголовное право и судопроизводство – экстраординарный профессор Н. И. Миролюбов – 6 часов. 11) церковное право – Н. И. Миролюбов – 2. 12) финансовое право – ординарный профессор Н. И. Кохановский – 4. 13) торговое право – Г. К. Гинс – 4. 14) международное право – Г. Г. Тельберг (4 часа). 15) гражданский процесс – 4. 16) уголовный процесс – 3–4. Итого – 60–71 час. в неделю. В качестве наук дополнительных (факультативно-обязательных) могут преподаваться а) по 4 часа в неделю – латинский (профессор М. Д. Миронов) и новые языки (английский – Уйттик) и по 2 часа в неделю – богословие (протоиерей Н. Вознесенский), история экономических учений, экономическая политика, кооперация, бухгалтерия, введение в изучение этики и нрава, история политических учений, судебная медицина, социология, государственное устройство стран Дальнего Востока, коммерческие вычисления, железнодорожное хозяйство, Сибиреведение, уголовная политика, международное частное право, административная юстиция, история международных отношений. Занятия ведутся в здании мужского коммерческого училища, от 5 до 10 часов вечера. Плата за слушание лекций – 150 руб. в год" [6, с. 320 – 321].

Вероятно, восьмой номер журнала оказался последним. Как видно из вышеприведенной цитаты, Рязановский, как и ряд других профессоров ГДУ, уже числился профессором Юридического факультета в Харбине. В своем ходатайстве администрации ГДУ он просил предоставить ему отпуск для поездки в Китай с 1 июня по 1 октября 1922 г. (ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 6. Д. 52. Л. 2). Во Владивосток он больше не вернулся, и издание "Юридического обозрения" прекратилось.

Вместе с семьей Рязановский уехал из Харбина в Тяньцзинь, где занимался преподаванием. Он продолжал издавать свои труды, публиковал критические статьи. Понимая, что японская оккупация не позволит ему плодотворно заниматься академической деятельностью, он решает навсегда пере-

ехать в США. В Америке Рязановский работал над теорией русской культуры. Наброски к будущей книге под названием "Обзор русской культуры" он начал делать еще в Маньчжурии, стремясь успеть передать свои идеи подрастающему поколению русских эмигрантов (Научная библиотека Калифорнийского университета в Беркли).

Несмотря на тяжелую болезнь, Рязановский прожил долгую жизнь. Насыщенная преподавательская деятельность сменялась лекционной работой, подготовкой к изданию новых рукописей и воспитанием детей. Сейчас трудно судить, сумел бы он, работая до конца своего творческого пути в России, воплотить в жизнь всё задуманное и написать столько, сколько он написал. К сожалению, многое из начатого так и осталось в рукописях¹. Валентин Александрович Рязановский скончался 19 февраля 1968 г. в Окленде (Калифорния).

О судьбе других авторов "Юридического обозрения" известно мало. Издатель В. П. Фомин остался во Владивостоке, работая адвокатом. Н. И. Гауффе эмигрировал в Китай, где его следы затерялись. Постоянного автора "Юридического обозрения" П. О. Куркутова арестовали 24 января 1923 г., обвинив в причастности к монархической организации, но 16 августа того же года суд прекратил дело [9, с. 360]. Автор нескольких статей адвокат Степан Степанович Носарь (1887, Николаевка Херсонской губ. – лагерь ГУЛАГ, 2 октября 1955 г.), эмигрировав в Китай, жил в Харбине. Его арестовали 29 сентября 1948 г. и приговорили к 25 годам лишения свободы.

В настоящее время издание юридических журналов на Дальнем Востоке продолжается: выходит орган Арбитражного суда Дальневосточного федерального округа "Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России", "Евразийский юридический журнал", "Вестник Дальневосточного юридического института МВД России" и другие издания, в которых освещаются юридические проблемы. При этом сохраняют информативное значение и многие материалы "Юридического обозрения", позволяющие современным юристам узнать о деятельности коллег и юридической науке прошлых лет.

Литература

1. Высшие юридические курсы в г. Харбине // Юридическое обозрение. 1922. № 4. С. 155–156.
2. Гауффе Н. И. О силе юридических актов, совершаемых за границей бывшими агентами российской власти // Юридическое обозрение. 1922. № 7. С. 263–264.
3. Государственный Дальневосточный университет // Юридическое обозрение. 1922. № 1. С. 25–26.
4. Заявление окончивших университет // Юридическое обозрение. 1922. № 4. С. 157–158.
5. Куркутов П. О. Торговые товарищества по японскому законодательству // Юридическое обозрение. 1921. № 1. С. 9–10.
6. Миролюбов Н. И. Высшие юридические курсы в г. Харбине // Юридическое обозрение. 1922. № 8. С. 320–321.
7. Протокол 2 апреля 1922 г. // Юридическое обозрение. 1922. № 7. С. 270.
8. Редакция // Юридическое обозрение. 1921. № 1. С. 1.
9. Рекунова В. История Иркутской адвокатуры в документах и сюжетах из жизни поверенных. Иркутск: ПринтЛайн, 2015. 370 с.
10. Решения Владивостокской судебной палаты за 1921 г. Владивосток: Изд. журнала "Юридическое обозрение", 1922. 31 с.
11. Рязановский В. А. Административная юстиция (К вопросу о расширении компетенции административного суда в Приморье) // Юридическое обозрение. 1921. № 1. С. 6–8.
12. Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву: В 5 вып. Владивосток: 1921–22. 1-е изд. Переизд: Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву: В 5 вып. Харбин, 1924. Вып. 1. 85, II с.; Вып. 2. 116 с.; Вып. 3. 104 с.; Вып. 4. 108 с.; Вып. 5. II, 82 с.
13. Рязановский В. А. Организация суда в Советской России // Юридическое обозрение. 1922. № 3. С. 103–114.

¹ Автор использовал материалы из личного собрания профессора Калифорнийского университета в Беркли Николая Валентиновича Рязановского (1923, Харбин – 2011, Окленд, США), переданные им во время встречи 25 сентября 2011 г.

14. Судебные учреждения в полосе отчуждения Восточно-Китайской ж.д. // Юридическое обозрение. 1922. № 3. С. 121.
15. Хисамутдинов А. А. Профессор В. А. Рязановский // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 148–155.
16. Юридическое общество // Юридическое обозрение. 1922. № 4. С. 157.
17. Юридическое общество // Юридическое обозрение. 1922. № 6. 227–228.
18. Юрист. Местное законодательство за 1921 г. Юридическое обозрение. 1922. № 3. С. 95.
19. Юрист. Памяти отошедших // Юридическое обозрение. 1921. № 1. С. 1–2.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vysshie yuridicheskie kursy v g. Khabarovsk // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 4. S. 155–156.
2. Gauffe N. I. O sile yuridicheskikh aktov, sovershaemykh za granitsey byvshimi agentami rossijskoj vlasti // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 7. S. 263–264.
3. Gosudarstvennyj Dal'nevostochnyj universitet // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 1. S. 25–26.
4. Zayavlenie okonchivshikh universitet // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 4. S. 157–158.
5. Kurkutov P. O. Torgovye tovarishhestva po yaponskomu zakonodatel'stvu // Yuridicheskoe obozrenie. 1921. № 1. S. 9–10.
6. Miroljubov N. I. Vysshie yuridicheskie kursy v g. Khabarovsk // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 8. S. 320–321.
7. Protokol 2 aprelya 1922 g. // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 7. S. 270.
8. Redaktsiya // Yuridicheskoe obozrenie. 1921. № 1. S. 1.
9. Rekunova V. Istoriya Irkutskoj advokatury v dokumentakh i syuzhetakh iz zhizni poverennykh. Irkutsk: PrintLajn, 2015. 370 s.
10. Resheniya Vladivostokskoj sudebnoj palaty za 1921 g. Vladivostok: Izd. zhurnala "Yuridicheskoe obozrenie", 1922. 31 s.
11. Ryzanovskij V. A. Administrativnaya yustitsiya (K voprosu o rasshirenii kompetentsii administrativnogo suda v Primor'e) // Yuridicheskoe obozrenie. 1921. № 1. С. 6–8.
12. Ryzanovskij V. A. Lektsii po grazhdanskomu pravu: V 5 vyp. Vladivostok: 1921–22. 1-e izd. Pereizd: Ryzanovskij V. A. Lektsii po grazhdanskomu pravu: V 5 vyp. Khabarovsk, 1924. Vyp. 1. 85, II c.; Vyp. 2. 116 s.; Vyp. 3. 104 s.; Vyp. 4. 108 s.; Vyp. 5. II, 82 s.
13. Ryzanovskij V. A. Organizatsiya suda v Sovetskoj Rossii // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 3. S. 103–114.
14. Sudebnye uchrezhdeniya v polose otchuzhdeniya Vostochno-Kitajskoj zh.d. // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 3. S. 121.
15. Khisamutdinov A. A. Professor V. A. Ryzanovskij // Rossiya i ATR. 2001. № 1. S. 148–155.
16. Yuridicheskoe obshchestvo // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 4. S. 157.
17. Yuridicheskoe obshchestvo // Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 6. 227–228.
18. Yurist. Mestnoe zakonodatel'stvo za 1921 g. Yuridicheskoe obozrenie. 1922. № 3. S. 95.
19. Yurist. Pamyati otoshedshikh // Yuridicheskoe obozrenie. 1921. № 1. S. 1–2.

Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А. "Юридическое обозрение": "считаем своим долгом сделать все возможное в этой области".

Статья рассказывает о первом дальневосточном профессиональном журнале для юристов "Юридическое обозрение", выходявшем во Владивостоке в 1921–1922 гг. под редакцией известного профессора юриспруденции Валентина Александровича Рязановского (1884–1968, Окленд, США). Сообщается о тематике издания, его авторах и наиболее интересных публикациях. Статья написана с использованием недавно выявленных номеров журнала "Юридическое обозрение" в библиотеке Гавайского университета (Гонолулу, США), а также других материалов из архивов и библиотек США и Китая.

Ключевые слова: *"Юридическое обозрение", В. А. Рязановский, история юриспруденции во Владивостоке, факультет общественных наук ГДУ, Юридический факультет в Харбине, Гражданская война на Дальнем Востоке, юридическая печать, история Дальневосточного федерального университета*

Khisamutdinova N. V., Khisamutdinov A. A. "Legal Review": "We consider it our duty to do everything possible in this area".

This article describes "The Legal Review", the first professional journal for jurists in the Russian Far East. It was published in Vladivostok in 1921–1922 under the editorship of the famous law professor Valentin Aleksandrovich Ryazanovsky (1884–1968, Oakland, USA). The article reveals topics covered by the journal, its authors and the most interesting publications. It is based on the recently discovered issues of "The Legal Review" from the University of Hawaii Hamilton library (Honolulu, USA), as well as other materials from the US and China archives and libraries.

Key words: *"The Legal Review", V. A. Ryazanovsky, history of jurisprudence in Vladivostok, Faculty of Social Sciences of the State Far Eastern University, Law Faculty in Harbin, Civil War in the Russian Far East, legal press, history of the Far Eastern Federal University*

Для цитирования: Khisamutdinova N. V., Khisamutdinov A. A. "Legal Review": "We consider it our duty to do everything possible in this area" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 69–78. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/69-78

For citation: Khisamutdinova N. V., Khisamutdinov A. A. "Legal Review": "We consider it our duty to do everything possible in this area" // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 69–78. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/69-78

Систематизация теоретических представлений о социально-экономической сущности семейных предприятий

Введение. Семья имеет особое значение для предпринимательства и ее роль в этом заслуживает внимания. Это одна из фундаментальных причин вовлечения людей в предпринимательскую деятельность, обладающая способностью сохранять предпринимательский дух на протяжении многих поколений. Вовлечение семьи в предпринимательскую деятельность формирует специфическую область для исследований, объединяя экономические и социально-психологические отношения [4].

Традиционно в самом сердце области исследований семейного предпринимательства семейное предприятие характеризуется как организация, принадлежащая семье на праве собственности. В научном сообществе данное условие обозначило дискуссионный характер понятия "семейное предприятие", поставило определенные задачи и возможности для исследователей. В частности, утверждается, что семейная собственность – это только минимальный порог для отнесения предприятий к семейным.

За последние два десятилетия тема семейного предпринимательства получила достаточное развитие в мировой среде, в то время как в России наблюдается недостаток подобных исследований. Исследования в сфере российского семейного предпринимательства в настоящее время находятся на стадии становления, большинство теоретических положений основываются на зарубежных концепциях и нуждаются в адаптации к существующим национальным и региональным условиям.

В то же время наблюдается активизация деятельности Торгово-промышленной палаты Российской Федерации в сфере продвижения подготовленного Минэкономразвития России проекта Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятия "семейное предприятие", получившего поддержку Президента России, формирование опыта выделения субъекта семейного предпринимательства как одной из приоритетных областей развития и поддержки в некоторых регионах страны. Все это свидетельствует о намерениях развития российского законодательства о семейном предпринимательстве, включении субъекта семейного предпринимательства в государственные программы развития малого и среднего бизнеса на национальном и региональных уровнях.

Вызывает опасение несоответствие динамики развития законодательства, государственных программ в отношении семейного предпринимательства и отечественных научных исследований в данной сфере. Следствием пренебрежения к сущности семейного предпринимательства может стать неэффективное использование потенциала семейных предприятий как ответственного и стабильного способа ведения предпринимательской деятельности в регионах. Так же как семья осознают и оберегают свое наследие, исследователи семейного предпринимательства должны анализировать предшествующие исследования для достижения новых [31, с. 19–20]. Необходимо изучить и систематизировать накопленные знания о сущности семейных предприятий

© Бычкова В. А., Латкин А. П., 2020

БЫЧКОВА Валентина Александровна, аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: valentina.bychkova@vvsu.ru

ЛАТКИН Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru

в целях их дальнейшего применения в политике развития российских регионов, в том числе – Дальнего Востока.

Формирование подходов к определению социально-экономической сущности семейных предприятий сосредоточено в основном на адаптации в контексте влияния семьи уже устоявшихся теорий в традиционных сферах исследования, а также на сопоставлении различных аспектов семейных и не-семейных предприятий. Анализируя основные тенденции развития научных представлений о сущности семейных предприятий, авторы считают правомочным представить их в виде пяти основных блоков.

Первый блок, связанный с сущностью семейного предпринимательства, базируется на теории систем. Значение данной теории в становлении и развитии знания о семейном предпринимательстве велико, так как именно системный взгляд лежит в основе современного понимания семейного предприятия. Уникальной особенностью сферы семейного предпринимательства является то, что ее исследование сосредоточено в основном на изучении и понимании причин, смысла, роли и влияния взаимодействия как минимум между двумя системами: "Семья" и "Бизнес". Как отмечает Макколум [35], когда кто-то смотрит на семейное предприятие, он в действительности смотрит на взаимодействие двух сложных социальных систем.

Разработка принципов системного подхода в методологическом плане началась сравнительно недавно – с 1930-х гг. Основоположителем общей теории систем считается Л. Берталанди, определивший систему как множество элементов, между которыми существуют взаимные связи. С 1980-х гг. принципы системной теории также были применены в социологии. Новый подход к теории систем, осуществленный Н. Луманом, уточнил понятие социальной системы как системы коммуникации, основанной на согласовании взаимных ожиданий участников процесса. Проводя различие между психическими (субъективными) и социальными (коммуникативными) системами Луман вводит термин "структурной сопряженности", показывая их взаимосвязь. Взаимодействуя на протяжении своих жизненных циклов, системы используют друг друга для построения собственных структур на основе соответствующих ожиданий, совместно эволюционируя. Актуальность положений Лумана в исследовании семейного предпринимательства отмечают такие исследователи, как Франк [26], Вимер [45], Саймон [40]. Козволюционный характер развития систем, с одной стороны, обеспечивает особое содержание бизнеса, как семейного предприятия и, с другой, особое содержание семьи, как владельца бизнеса.

Характерно, что семья считается системой, противопоставляемой бизнесу. Тенденции к стереотипизации систем семейного предприятия отмечают, например, Уайтсайд и Браун [44]. Семья может рассматриваться исследователями как помеха рациональному бизнесу, где эмоциональные аспекты семьи препятствуют получению прибыли. Так, основываясь на изначальном конфликте "эмоциональной семьи" и "рационального бизнеса", Бенсон, Кrego и Друкер [19] высказывают мнение, что благоприятной для семейного предприятия является ситуация, когда перекрытие этих систем находится в разумных пределах и, следовательно, управляемо. Чрезмерное перекрытие, например, усиленное насаждение семейных ценностей на предприятие способно повлечь за собой разрушительные конфликты. Данная особенность прослеживается во многих исследованных нами работах, посвященных семейному предпринимательству, однако, по-нашему мнению, сложность каждой из систем заслуживает более глубокого и многостороннего анализа их взаимосвязей, свободных от общих характеристик.

Двойственный системный подход "Семья-Бизнес" дал развитие многим мультисистемным моделям, среди которых ведущей стала трехкруговая модель "Бизнес – Семья – Собственность" Тагиури и Девиса [43]. Важным для понимания сущности семейных предприятий стало разделение собственности и управления (бизнеса), предполагая, что некоторые участники задействованы только в качестве собственников предприятия, либо только как его сотрудники. Придерживаясь такого подхода, исследователи сформулировали одно из определений семейного предприятия как организации, принадлежащей семье на праве собственности и где два или более ее членов, оказывают суще-

ственное влияние на направления и политику деятельности предприятия через свои управленческие позиции, право собственности или роли в семье [23].

Сфера исследований, основанных на теории систем, весьма разнообразна и получила освещение в ряде отдельных научных направлений. Большинство исследований в сфере семейного предпринимательства основаны именно на переосмыслении существующих теорий с учетом феномена перекрывающихся систем.

Второй блок включает научные представления, основанные на ресурсно-ориентированном подходе. Основоположителем ресурсно-ориентированного подхода считается Э. Пенроуз, охарактеризовавшая в своей работе 1959 г. организацию как неделимый фонд производственных ресурсов, трудновоспроизводимый конкурентами. Вследствие совокупности таких ресурсов организация обладает уникальными конкурентными преимуществами, усиливаемыми за счет эффективной системы управления ресурсами [10]. Несмотря на вклад Э. Пенроуз, современный взгляд на ресурсно-ориентированный подход базируется на работе Барни 1991 г. [15] о стратегически особых ресурсах, систематизировавшей ранее существовавшие фрагментарные работы в данной области.

Применительно к семейным предприятиям в 1999 г. Хабершом и Уильямсом [29] введен термин "семейственность" (familiness) для описания уникальной совокупности ресурсов, возникающей в результате воздействия системы "Семья" на "Бизнес". Развив данную идею, в 2003 г. Хабершом [30] предложил, что ресурсы и возможности семьи, ее отдельных членов и организации взаимодействуют между собой, тем самым обеспечивая дополнительные преимущества семейного предприятия. Предполагается, что конечной целью такого предприятия должно стать формирование межпоколенческого богатства семьи. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что, создав таким образом положительный образ "семейственности", Хабершом и Уильямс оставили нераскрытым вопрос негативного (сдерживающего) потенциала данного явления, который в настоящее время все еще остается недостаточно изученным.

Среди подходов к измерению семейственности особо следует отметить шкалу F-РЕС, предложенную в 2002 г. Астраханом, Кляйн и Смирниос [14]. Отказываясь от дихотомического фокуса различий семейных и несемейных предприятий, ими делается попытка формирования многомерного подхода к измерению влияния семьи через власть, опыт и культуру. Он позволяет сравнить различные виды предприятий касательно уровня вовлеченности семьи и ее влияния на поведение и производительность. В тоже время Резерфорд [39] отмечает, что, измеряя влияние семьи, данный подход не определяет должным образом сути предприятия. Им делается предположение о возможном развитии многомерной модели с учетом понятия сущности предприятия как посредника между вовлеченностью и результативностью семейных предприятий.

Исследователи признают, что в целом семейные предприятия используют схожие ресурсы, различия наблюдаются в управлении ими, масштабах и целях их использования [22]. Предполагаем, что дальнейшее развитие направления исследований, основанного на ресурсно-ориентированном подходе, должно осуществляться также и в контексте применения знаний к конкретному региону, что способно показать направления формирования ресурсов "семейственности", их влияния на конкретные территории.

Третий блок теоретических представлений основан на агентской теории, указывающей на возможность конфликта интересов, связанного с собственностью и управлением предприятием. Основы теории агентских отношений как отдельного направления развития экономической мысли сформулированы Дженсенем и Меклингом в 1976 г. В соответствии с ними, агентские отношения – это контракт, согласно которому одна из сторон (принципал) передает другой стороне (агенту) некоторые функции, выполнение которых должно осуществляться от имени принципала [2]. Предполагается, что, во-первых, интересы собственников (принципалов) и менеджеров (агентов) различны и преследуют максимизацию личного благосостояния. Во-вторых, агент лучше информирован о положении дел на предприятии, чем принципал, что влечет за собой информационную асимметрию. Немаловажным яв-

ляется факт возникновения агентских издержек, сопровождающих агентские проблемы.

Развитие агентской теории в контексте семейного предпринимательства отражает многоаспектность исследований в данной сфере. Так, Шукла [42] выделяет: традиционное направление исследований агентской теории ("Принципал-Агент"), исследования, сфокусированные на вопросах собственности ("Принципал-Принципал"), а также исследования, совмещающие в себе элементы агентской теории и теории перспектив.

Следует отметить, что традиционное направление исследований акцентирует внимание на особых агентских проблемах, вызванных "семейственностью". Так, Дайер [25] говорит о конфликте интересов и целей членов семьи как источнике агентских издержек, связанных с конкуренцией за влияние. Другим потенциальным источником агентских издержек исследователи признают альтруизм, под которым в соответствии со сложившейся в экономике концепцией понимается положительная зависимость между функциями полезности разных людей. В частности, увеличение агентских издержек в связи с особыми предпочтениями для членов семьи отмечает Гомес-Мехия [28]. В тоже время симметричный (взаимный) альтруизм способен уменьшить агентские проблемы и стать конкурентным преимуществом для семейных предприятий. Особый интерес вызывает направление исследований, посвященных проблеме преемственности и разрастания семьи. Исследователями подчеркивается низкая стоимость агентских издержек в первом поколении собственников предприятия в отличие от последующих изменений во временном контексте.

Следующее направление исследований отражает вопросы согласованности интересов мажоритарных и миноритарных собственников (акционеров). В этой связи немаловажным является аспект влияния "контролирующей семьи" через участие в собственности и управлении предприятием, вопреки меньшинству миноритарных собственников. Али и Маури [13; 34] отмечают, что приоритет целей семьи может оказаться невыгодным для неконтролирующих собственников. Однако неправомерно отождествлять только два типа собственников: "контролирующую семью" и миноритарных собственников – не членов семьи. Например, данную проблему затрагивает Ле Бертон-Миллер, [32] отмечая, что в межпоколенческих предприятиях собственность между членами семьи становится более рассосредоточенной, следствием чего может стать принятие некоторыми членами семьи статуса миноритарного собственника, тем самым расширяя на них зону потенциального конфликта между принципалами. Полагаем, что дальнейшее развитие данного направления может предусматривать исследования, посвященные и основанные на детализации ролей принципалов в семейном предприятии.

Обращение к теории перспектив, предложенной в 1979 г. Канеманом и Тверски, позволило исследователям сосредоточить свое внимание на различиях в поведении семейных и несемейных предприятий в отношении принятия решений, связанных с рисками. Сфера таких исследований весьма разнообразна и характеризуется множеством направлений. Так, Битти [18] отмечается, что одной из причин избегания риска семейными предприятиями является угроза потери не только личных средств, но и семейного богатства, так как в некоторых случаях семейное предприятие – это единственный источник дохода семьи. В дополнение к этому Миллер [36] говорит о стремлении семейных предприятий к постоянству и долгосрочности, что также является фактором, влияющим на отношение семейных предприятий к риску. Следует отметить ориентацию на конкретные виды деятельности семейных предприятий в некоторых исследованиях. Особый интерес вызывает работа Чен [21] о различиях поведения семейных и несемейных предприятий в отношении вопросов налогового планирования. Семейные предприятия готовы отказаться от преимуществ радикального снижения налоговой нагрузки, чтобы гарантировать защиту от потенциальных штрафов и сохранить репутацию предприятия. В тоже время вопрос стремления семейных предприятий к минимизации риска остается дискуссионным.

Четвертый блок исследований базируется на теории "стюардства" (stewardship theory). Данная теоретическая позиция предложена Дэвисом в 1997 г. с целью уравновесить рациональную сторону агентской теории

для построения более гуманной (ответственной) модели управленческого поведения. Теория "стюардства", подобно агентской теории, описывает отношения между двумя сторонами – "Принципалом" и менеджером ("Стюардом"), оценивая их с точки зрения поведенческих и управленческих перспектив. В то же время данная теория представляет менеджеров ("Стюардов") нацеленными на интересы предприятия, тем самым соблюдая согласованность интересов "Принципала" и "Стюарда" [33].

Семейные предприятия характеризуются внутрисемейным альтруизмом, долгим сроком существования и преемственностью поколений – то есть демонстрируют потребности и цели более высокого порядка, нежели чисто экономического характера [20]. Переосмысляя теорию "стюардства" в контексте семейного предприятия, исследователями подчеркивается особая приверженность к нему членов семьи, которая воплощается в их управленческих решениях. Так, развивая данное направление мысли, Миллер [36] говорит о трех формах ответственного управления ("стюардства"): преемственность, организационная культура и тесная связь с местным сообществом. Полагаем, что выделение отдельных уровней и форм ответственного управления ("стюардства") способно обогатить данное поле исследований, поставить задачи перед самой системой управления.

Характерно, что исследователи отмечают у семейных предприятий более выраженное ответственное управление, в отличие от несемейных. Так, Додд и Дейк [29] приходят к выводу, что семейные предприятия склонны делать акцент на ответственном управлении через свои межличностные отношения, семейные ценности, приверженность и идентичность, а также долгосрочное намерение, тем самым благоприятно влияя на собственную репутацию через ответственное поведение. Придерживаясь данной позиции, Нойбаум в 2017 г. [38] вводит понятие "климата ответственного управления" (the stewardship climate perspective), подразумевающего под собой то, насколько индивиды понимают, как политика, практика и организационные процедуры их предприятия способствуют ответственному управлению и ценностям ответственного управления, широко разделяемым предприятием. Согласно Нойбаума, именно семейные предприятия обладают более сильным климатом ответственного управления, чем остальные предприятия. Наряду с этим необходимо отметить, что вопрос наличия особого характера ответственного управления у семейных предприятий требует дискуссионного характера благодаря исследовательским задачам, которые ставит перед собой сдерживающий потенциал "семейственности", способный негативно сказаться на соблюдении интересов в процессе управления. Так, без общей цели, объединяющей работу всей организации, увеличивается риск возникновения отдельных групп, преследующих собственные интересы, что может отрицательно сказаться на самом процессе принятия управленческих решений.

Несмотря на приобретенную популярность, такое направление исследовательской мысли остается достаточно узконаправленным, в основном сфокусированным на вопросах пересечения только двух систем: "Семьи" и "Бизнеса" – вопросах управления и контроля. Вместе с тем заслуживает особого внимания применение теории "стюардства" к третьей системе – "Собственность", в том числе через его развитие с применением иных теоретических подходов.

Пятый блок – перспективное и набирающее силу направление, основанное на феномене региональной близости. Существенный вклад в изучение данного вопроса в контексте семейного предпринимательства внес Баско, предложив в 2015 г. теоретическую модель, делающую попытку охарактеризовать роль семейных предприятий в региональном развитии [16]. Он отмечает, что пространственная семейственность включает в себя взаимосвязь предприятия и экономических пространств, рассматриваемую с двух точек зрения: влияния семейного предприятия на экономические пространства и роль экономических пространств на поведение семейного предприятия. Концепция региональной семейственности (the regional familiness concept) в большей степени основывается именно на концепции близости

Семейные предприятия локально интегрированы – семьи исторически, эмоционально, социально и экономически связаны с территориями и местным окружением [16]. Особый вклад в изучение феномена близости был сделан

исследовательской группой французских ученых под руководством А. Торра. Ими отмечается, что развитие в начале 1990-х гг. исследований по данной теме дает повод всё множество определений форм и близости свести к двум измерениям: пространственному (географической близости) и непространственному (организационной близости). В дальнейшем Бошманом уточнены пять измерений близости: географическая, когнитивная, организационная, социальная и институциональная близость [7]. Применительно к семейным предприятиям исследователями подчеркивается высокий уровень близости по данным измерениям. Например, Стэффорд [41] отмечает, что идентификация семей и семейных предприятий с регионом формирует сильную географическую близость, вопреки отдаленности регионов. Кроме этого, общая история отношений семьи с местным сообществом – жителями региона – характеризуется формированием единых представлений, когнитивной близостью.

Гетлер [27] подчеркивает, что высокая степень близости по различным измерениям может быть недостаточно эффективной в случае функционирования субъектов в разных институциональных условиях. Между семейными предприятиями и акторами политики развития региона может существовать институциональный разрыв (низкий уровень институциональной близости), который будет затруднять преобразования, способные удовлетворить интересы целой территории. Причиной такого разрыва служит отсутствие необходимых институтов (нормативной правовой базы регулирования), компетенций участников. Баско [16] отмечает, что семейные предприятия могут влиять на силу институциональной близости через развитие ценностей, культурных норм и этических принципов, из которых в дальнейшем возникают формальные правила. Поскольку члены семьи участвуют в социальных и экономических отношениях, семейные предприятия прямо или косвенно ответственны за создание и поддержание нормативно-правовой базы, служащей основой для институциональных аспектов близости на региональном уровне.

Важно отметить, что, не смотря на сложившее мнение о позитивном влиянии близости, исследователи также обращают внимание на негативную сторону данного явления. В частности, Басельт [17] подчеркивает положительный эффект близости на каналы расширения сотрудничества внутри региона, в то же время недостатком становится замкнутость системы, отсутствие развития межрегиональных связей. Другим немаловажным аспектом является нарушение баланса близости. Морк [37] отмечает, что сосредоточение ресурсов в руках одной семейной группы, препятствующее к доступу ресурсов остальных, может негативно сказаться на региональном экономическом развитии.

Изучение внешней среды семейного предпринимательства является перспективным направлением исследований, дополняющим многообразие уже существующих. В то же время сфере семейного предпринимательства, возможно, пока не хватает того, что можно было бы отнести к всеобъемлющей концептуальной основе. Простого признания различий семейных и несемейных предприятий недостаточно для признания теоретического вклада, если нет теоретического обоснования различий. Тем не менее учет многообразия семейных предприятий по размерам, возрасту и другим параметрам всё ещё способен обогатить данное поле исследований.

Отражение теоретических представлений о социально-экономической сущности семейных предприятий в механизмах поддержки. Реализация теоретических представлений о сущностных особенностях семейных предприятий на практике позволяет рассматривать такие субъекты предпринимательской деятельности в качестве отдельной составляющей государственной экономической политики как на национальном, так и на региональном уровнях. Необходимо, чтобы институциональная основа была способна отражать уникальность семейного предпринимательства и обеспечивать соответствующие правовые, экономические и социальные условия, в которых они действуют.

С точки зрения теории систем, для эффективной работы семейных предприятий необходимо условие баланса взаимодействия систем "Бизнес – Семья – Собственность". Это позволит бизнесу отразить видение и ценности семьи, соблюдая их интересы, управляя предприятием в целях максимизации стоимости капитала. Применение теории систем к семейным предприятиям

подразумевает, что каждая из подсистем одинаково важна и должна иметь взаимную выгоду для всех трех подсистем в работе предприятия. Предполагается, что семейные предприятия в Приморском крае могут находиться как в состоянии баланса этих систем, так и отличаться доминированием одной из них: быть ориентированными на семью или основанными на принципах владения, либо представлять их комбинацию. По мнению авторов, обращение внимания ко всем трем подсистемам семейного предприятия позволит повысить эффективность предлагаемых механизмов поддержки семейных предприятий.

В настоящее время, по данным Федеральной налоговой службы [3], в Приморском крае зарегистрировано 89 506 субъектов малого и среднего предпринимательства. Различие в размерах и, соответственно, системах управления, обуславливает применимость агентской теории к семейным предприятиям Приморского края. Работая в развитой институциональной среде, правовые и регулирующие системы создают сильные ограничения для управленческого оппортунизма, уменьшая стоимость агентских издержек. Спектр инструментов государственной поддержки в данной сфере, существующий в мировой практике, достаточно широк. Они варьируются, например, от предоставления субсидий компаниям для покрытия расходов на специализированные консультационные услуги по подготовке документов, разделяющих ответственность членов семьи и бизнеса, до доступных руководящих принципов, содержащих стандартизированные тексты документов и решений для семей. В Приморском крае подобная практика отсутствует.

В целом Приморский край относят к регионам с нормальным уровнем развития предпринимательства, существующая институциональная среда малого и среднего предпринимательства обеспечивает доступ к информационным, финансовым и имущественным ресурсам для ведения нормальной предпринимательской деятельности в регионе. В 2019 г., по данным Приморскстата [11], впервые с 2011 г. в Приморском крае наблюдался миграционный приток населения – людских ресурсов. В то же время исследователи [6] отмечают ряд проблем, существенно снижающих развитие трудового потенциала Приморского края – доступность жилья и обеспечение достойной оплаты труда, что не представляется возможным без поддержки правительства и государственных инициатив. Применение ресурсно-ориентированной теории к семейному предпринимательству региона, возможно, и затрагивает вопросы формирования институциональных основ семейного предпринимательства в целях снижения уровня неопределенности в ведении предпринимательской деятельности.

Сегодня в России оказание помощи семейным предприятиям базируется на восприятии их органами власти, как составной части субъектов малого и среднего предпринимательства. Популяризация семейного предпринимательства обозначена в стратегии развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 г., утвержденной распоряжением правительства Российской Федерации от 02.06.16 № 1083-р [9]. На уровне субъектов Российской Федерации ряд регионов выделяют семейное предпринимательство в рамках региональных и местных нормативно-правовых актов по семейной политике [8] (республика Башкортостан, Республика Коми, Республика Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ), молодежной политике (Ивановская область, Республика Бурятия). С 2020 г. Кемеровская область [1] реализует грантовую поддержку семейного предпринимательства на открытие семейного дела. Отдельного внимания заслуживает пример г. Санкт-Петербурга, где в рамках закона о малом и среднем предпринимательстве [5] введено понятие "семейное предпринимательство".

В этой связи важно отметить отсутствие в Приморском крае нормативно-правового закрепления понятия семейного предпринимательства, программ его развития, целевых мер поддержки. Как известно авторам, в регионе не проводятся конкурсы проектов, направленных на развитие семейного предпринимательства. В то же время с 2019 г. в регионе ведется обсуждение проблем семейного предпринимательства на общественных мероприятиях в диалоге бизнеса и государства, без создания экспертных групп. С апреля 2020 г. Правительством Приморского края совместно с Приморской торгово-промышленной палатой формируется реестр семейных предприятий для разработки дополнительных мер поддержки [12].

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что с наибольшей вероятностью существенные особенности семейного предпринимательства могут быть использованы для развития российских регионов. Вопросы сохранения населения на Дальнем Востоке и повышения уровня благосостояния территории находятся в зоне повышенного внимания, в том числе со стороны органов государственного управления. По мнению авторов, акцент должен быть сделан в первую очередь на определении вклада семейных предприятий в социальное развитие региона. Более детальное изучение данного вопроса в культурном, социальном, экономическом и иных аспектах позволило бы проработать цели и интересы акторов политики развития Дальнего Востока, обосновать выделение семейных предприятий как отдельных элементов поддержки. Признание вклада, а также обращение к самой сущности семейного предпринимательства способно повысить эффективность реализации заложенного в семейных предприятиях потенциала в рамках государственной политики на данном направлении.

Литература

1. Администрация Правительства Кузбасса // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://ako.ru/news/detail/dlya-malogo-i-srednego-biznesa-v-kuzbasse-uchrezhdena-sistema-semeynykh-gubernatorskikh-grantov-> (дата обращения: 17.05.2020).
2. Дженсен М. С., Меклинг В. Х. Теория фирмы: поведение менеджеров, агентские издержки и структура собственности // Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия Менеджмент. 2004. № 4. С. 118–191.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения 17.05.2020).
4. Жук А. А., Потий К. М. Феномен семейного предпринимательства в современной экономической теории // Российское предпринимательство. 2017. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-semeynogo-predprinimatelstva-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-teorii> (дата обращения: 15.03.2020).
5. Закон Санкт-Петербурга от 17.04.2008 г. № 194-32 "О развитии малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге" (ред. от 19.03.2020) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=79400#07088459651596404> (дата обращения: 17.05.2020).
6. Латкин А. П., Кравец А. В. Основные проблемы сохранения и развития трудового потенциала Приморского Приморья // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017 № 1 (28). С. 23–30.
7. Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А. Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 76–79.
8. Пояснительная записка к проекту Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятия "семейное предприятие" // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=185826#08682882641009828> (дата обращения: 17.05.2020).
9. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) "Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года" (вместе с "Планом мероприятий ("дорожной картой") по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года") // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/ (дата обращения: 17.05.2020).
10. Соколова Е. Э., Платонов В. В., Воробьев В. П. Исследование интеллектуального потенциала инновационно-активных предприятий в рамках ресурсно-ориентированного подхода // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=10998> (дата обращения: 11.03.2020).
11. Социально-экономическое положение Приморского края: Доклад /Приморскстат, 2020. 82 с.
12. Союз "Приморская торгово-промышленная палата" // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://prim.tpprf.ru/ru/news/355537/> (дата обращения: 17.05.2020).
13. Ali A., Chen T. Y., Radhakrishnan S. Corporate disclosures by family firms // Journal of Accounting and Economics. 2007. Vol. 44 (1-2). Pp. 238–286

14. Astrachan J. H., Klein S. B., Smyrniotis K. X. The F-PEC Scale of Family Influence: A Proposal for Solving the Family Business Definition Problem // *Family Business Review*. 2002. Vol. 15 (1). Pp. 45–58.
15. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. 1991. Vol. 17. Pp. 99–120.
16. Basco R. Family business and regional development – A theoretical model of regional familiness // *Journal of Family Business Strategy*. 2015. Vol. 6 (4). Pp. 259–271.
17. Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28 (1). Pp. 31–56.
18. Beatty R. P., Zajac E. J. Top Management Incentives, Monitoring, and Risk-Bearing: A Study of Executive Compensation, Ownership, and Board Structure in Initial Public Offerings // *Administrative Science Quarterly*. 1994. Vol. 39. Pp. 313–336.
19. Benson B., Crego E., Drucker R.H. Your family business – a success guide for growth and survival: Dow Jones-Irwin. 1990.
20. Carney M. Corporate Governance and Competitive Advantage in Family-Controlled Firms // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2005. Vol. 29 (3). Pp. 249–265.
21. Chen S., Chen X., Cheng Q., Shevlin T. Are family firms more tax aggressive than non-family firms? // *Journal of Financial Economics*. 2010. Vol. 95 (1). Pp. 41–61.
22. Chrisman J. J., Chua J. H., Kellermanns F. W. Priorities, resource stocks, and performance in family and nonfamily firms // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2009. Vol. 33 (3). Pp. 739–760
23. Davis J. How Three Circles Changed the Way We Understand Family Business // Cambridge Family Enterprise Press. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://cfeg.com/insights_research/how-three-circles-changed-the-way-we-understand-family-business/ (дата обращения: 01.03.2020).
24. Dodd S.D., Dyck B. Agency, stewardship, and the universal-family firm: A qualitative historical analysis // *Family Business Review*. 2015. Vol. 28 (4). Pp. 312–331.
25. Dyer W. G. Examining the "family effect" on firm performance // *Family Business Review*. 2006. Vol. 19 (4). Pp. 253–273.
26. Frank H., Lueger M., Nose L., Suchy D. The concept of "familiness": Literature review and systems theory-based reflections // *Journal of Family Business Strategy*. 2010. Vol. 1. Pp. 119–130.
27. Gertler M. S. Tacit knowledge and the economic geography of context, or the undefinable tacitness of being (there) // *Journal of Economic Geography*. 2003. Vol. 3 (1). Pp. 75–99.
28. Gomez-Mejia L. R., Nunez-Nickel M., Gutierrez I. The role of family ties in agency contracts // *Academy of Management Journal*. 2001. Vol. 44 (1). Pp. 81–95.
29. Habbershon T.G., Williams M.L. A Resource-Based Framework for Assessing the Strategic Advantages of Family Firms // *Family Business Review*. 1999. Vol. 12 (1). Pp. 1–25.
30. Habbershon T., Williams M., MacMillan I. A Unified Systems Perspective of Family Firm Performance // *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18 (4). Pp. 451–465.
31. Jimenez-Castillo L., Hoy F. Origins of Family Business Research // *The Palgrave Handbook of Heterogeneity among Family Firms*: Palgrave Macmillan, Cham. 2018.
32. Le Breton-Miller I., Miller D. Why do some family businesses outcompete? Governance, long-term orientations, and sustainable capability // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2006. Vol. 30(6). Pp. 731–746.
33. Madison K. Viewing Family Firm Behavior and Governance Through the Lens of Agency and Stewardship Theories // *Family Business Review: Journal of the Family Firm Institute*. 2016. Vol. 29 (1). Pp. 65–93.
34. Maury B. Family ownership and firm performance: Empirical evidence from Western European corporations // *Journal of Corporate Finance*. 2006. Vol. 12 (2). Pp. 321–341.
35. McCollom M.E. Problems and Prospects in Clinical Research on Family Firms // *Family Business Review*. 1990. Vol. 3 (3). Pp. 245–262.
36. Miller D., Le Breton-Miller I., Scholnick. Stewardship Vs. Stagnation: An Empirical Comparison of Small Family and Non-Family Businesses // *Journal of Management Studies*. 2008. Vol. 45 (1). Pp. 51–78.
37. Morck R. K., Wolfenzon D., Yeung B. Corporate governance, economic entrenchment, and growth // *Journal of Economic Literature*. Vol. 43 (3). 2005. Pp. 655–720.
38. Neubaum D. O., Thomas C. H., Dibrell C., Craig J. B. Stewardship climate scale: An assessment of reliability and validity // *Family Business Review*. 2017. Vol. 30 (1). Pp. 37–60.
39. Rutherford M., Kuratko D., Holt D. Examining the link between "familiness" and performance: Can the F-PEC untangle the family business theory jungle? // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2008. Vol. 32 (6). Pp. 1089–1109.

40. Simon F. B. Analysing forms of organization and management: Stock companies vs. family businesses. Copenhagen: Copenhagen Business School Press. 2005.
41. Stafford K., Danes S. M., Haynes G. W. Long-term family firm survival and growth considering owning family adaptive capacity and federal disaster assistance receipt // *Journal of Family Business Strategy*. 2013. Vol. 4. Pp. 188–200.
42. Shukla P. P., Carney M., Gedajlovic E. Economic theories of family firms // *Sage Handbook of Family Business Studies* Thousand Oaks: Sage Publications Ltd, 2014. Pp. 100–118.
43. Tagiuri R., Davis J. Bivalent Attributes of the Family Firm // *Family Business Review*. Vol. 9 (2). Pp. 199–208.
44. Whiteside M. F., Brown F. H. "Drawbacks of a Dual Systems Approach to Family Firms: Can We Expand Our Thinking?" // *Family Business Review*. 1991. Vol. 4 (4). Pp. 383–395.
45. Wimmer R., Domayer E., Oswald M., Vater G. Familienunternehmen: Auslaufmodell oder Erfolgstyp? Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 2018.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Administratsiya Pravitel'stva Kuzbassa // Ofitsial'nyj sajt. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ako.ru/news/detail/dlya-malogo-i-srednego-biznesa-v-kuzbasse-uchrezhdena-sistema-semeynykh-gubernatorskikh-grantov-> (data obrashheniya: 17.05.2020).
2. Dzhensen M. S., Mekling V. Kh. Teoriya firmy: povedenie menedzherov, agentskie izderzhki i struktura sobstvennosti // *Vestnik S.-Peterburgskogo un-ta. Seriya Menedzhment*. 2004. № 4. S. 118–191.
3. Edinyj reestr sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva. Statistika [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (data obrashheniya 17.05.2020).
4. Zhuk A. A., Potij K. M. Fenomen semejnogo predprinimatel'stva v sovremennoj ehkonomicheskoy teorii // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. 2017. № 19. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-semejnogo-predprinimatelstva-v-sovremennoj-ehkonomicheskoy-teorii> (data obrashheniya: 15.03.2020).
5. Zakon Sankt-Peterburga ot 17.04.2008 g. № 194-32 "O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Sankt-Peterburge" (red. ot 19.03.2020) // SPS Konsul'tantPlyus [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=SP-B&n=79400#07088459651596404> (data obrashheniya: 17.05.2020).
6. Latkin A. P., Kravets A. V. Osnovnye problemy sokhraneniya i razvitiya trudovogo potentsiala Rossijskogo Primor'ya // *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie*. 2017 № 1 (28). S. 23–30.
7. Platonov V. V., Statovskaya E. Yu., Statovskij D. A. Lokalizatsiya innovatsionnykh protsessov: za predelami kontseptsii geograficheskoy blizosti // *Innovatsii*. 2015. № 7 (201). С. 76–79.
8. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federatsii" v chasti zakrepleniya ponyatiya "semejnoe predpriyatiya" // SPS Konsul'tantPlyus [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PR-J;n=185826#08682882641009828> (data obrashheniya: 17.05.2020).
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02.06.2016 № 1083-r (red. ot 30.03.2018) "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda" (vmeste s "Planom meropriyatij ("dorozhnoj kartoj") po realizatsii Strategii razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda") // SPS Konsul'tantPlyus [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/ (data obrashheniya: 17.05.2020).
10. Sokolova E. Eh., Platonov V. V., Vorob'ev V. P. Issledovanie intellektual'nogo potentsiala innovatsionno-aktivnykh predpriyatij v ramkakh resursno-orientirovannogo podkhoda // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. № 6. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=10998> (data obrashheniya: 11.03.2020).
11. Sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie Primorskogo kraja: Doklad /Primorskstat, 2020. 82 s.
12. Soyuz "Primorskaya torgovo-promyshlennaya palata" // Ofitsial'nyj sajt. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://prim.tpprf.ru/ru/news/355537/> (data obrashheniya: 17.05.2020).
13. Ali A., Chen T. Y., Radhakrishnan S. Corporate disclosures by family firms // *Journal of Accounting and Economics*. 2007. Vol. 44 (1-2). Pp. 238–286
14. Astrachan J. H., Klein S. B., Smyrniotou K. X. The F-PEC Scale of Family Influence: A Proposal for Solving the Family Business Definition Problem // *Family Business Review*. 2002. Vol. 15 (1). Pp. 45–58.
15. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. 1991. Vol. 17. Pp. 99–120.

16. Basco R. Family business and regional development – A theoretical model of regional familiness // *Journal of Family Business Strategy*. 2015. Vol. 6 (4). Pp. 259–271.
17. Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28 (1). Pp. 31–56.
18. Beatty R. P., Zajac E. J. Top Management Incentives, Monitoring, and Risk-Bearing: A Study of Executive Compensation, Ownership, and Board Structure in Initial Public Offerings // *Administrative Science Quarterly*. 1994. Vol. 39. Pp. 313–336.
19. Benson B., Crego E., Drucker R.H. Your family business – a success guide for growth and survival: Dow Jones-Irwin. 1990.
20. Carney M. Corporate Governance and Competitive Advantage in Family-Controlled Firms // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2005. Vol. 29 (3). Pp. 249–265.
21. Chen S., Chen X., Cheng Q., Shevlin T. Are family firms more tax aggressive than non-family firms? // *Journal of Financial Economics*. 2010. Vol. 95 (1). Pp. 41–61.
22. Chrisman J. J., Chua J. H., Kellermans F. W. Priorities, resource stocks, and performance in family and nonfamily firms // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2009. Vol. 33 (3). Pp. 739–760
23. Davis J. How Three Circles Changed the Way We Understand Family Business // Cambridge Family Enterprise Press. 2018. [Elektronnyj resurs]. URL: https://cfeg.com/insights_research/how-three-circles-changed-the-way-we-understand-family-business/ (data obrashheniya: 01.03.2020).
24. Dodd S.D., Dyck B. Agency, stewardship, and the universal-family firm: A qualitative historical analysis // *Family Business Review*. 2015. Vol. 28 (4). Pp. 312–331.
25. Dyer W. G. Examining the "family effect" on firm performance // *Family Business Review*. 2006. Vol. 19 (4). Pp. 253–273.
26. Frank H., Lueger M., Nose L., Suchy D. The concept of "familiness": Literature review and systems theory-based reflections // *Journal of Family Business Strategy*. 2010. Vol. 1. Pp. 119–130.
27. Gertler M. S. Tacit knowledge and the economic geography of context, or the undefinable tacitness of being (there) // *Journal of Economic Geography*. 2003. Vol. 3 (1). Pp. 75-99.
28. Gomez-Mejia L. R., Nunez-Nickel M., Gutierrez I. The role of family ties in agency contracts // *Academy of Management Journal*. 2001. Vol. 44 (1). Pp. 81–95.
29. Habbershon T.G., Williams M.L. A Resource-Based Framework for Assessing the Strategic Advantages of Family Firms // *Family Business Review*. 1999. Vol. 12 (1). Pp. 1–25.
30. Habbershon T., Williams M., MacMillan I. A Unified Systems Perspective of Family Firm Performance // *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18 (4). Pp. 451–465.
31. Jimenez-Castillo L., Hoy F. Origins of Family Business Research // *The Palgrave Handbook of Heterogeneity among Family Firms*: Palgrave Macmillan, Cham. 2018.
32. Le Breton-Miller I., Miller D. Why do some family businesses outcompete? Governance, long-term orientations, and sustainable capability // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2006. Vol. 30(6). Pp. 731–746.
33. Madison K. Viewing Family Firm Behavior and Governance Through the Lens of Agency and Stewardship Theories // *Family Business Review: Journal of the Family Firm Institute*. 2016. Vol. 29 (1). Pp. 65-93.
34. Maury B. Family ownership and firm performance: Empirical evidence from Western European corporations // *Journal of Corporate Finance*. 2006. Vol. 12 (2). Pp. 321-341.
35. McCollom M.E. Problems and Prospects in Clinical Research on Family Firms // *Family Business Review*. 1990. Vol. 3 (3). Pp 245-262.
36. Miller D., Le Breton-Miller I., Scholnick. Stewardship Vs. Stagnation: An Empirical Comparison of Small Family and Non-Family Businesses // *Journal of Management Studies*. 2008. Vol. 45 (1). Pp. 51–78.
37. Morck R. K., Wolfenzon D., Yeung B. Corporate governance, economic entrenchment, and growth // *Journal of Economic Literature*. Vol. 43 (3). 2005. Pp. 655–720.
38. Neubaum D. O., Thomas C. H., Dibrell C., Craig J. B. Stewardship climate scale: An assessment of reliability and validity // *Family Business Review*. 2017. Vol. 30 (1). Pp. 37–60.
39. Rutherford M., Kuratko D., Holt D. Examining the link between "familiness" and performance: Can the F-PEC untangle the family business theory jungle? // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2008. Vol. 32 (6). Pp. 1089–1109.
40. Simon F. B. Analysing forms of organization and management: Stock companies vs. family businesses. Copenhagen: Copenhagen Business School Press. 2005.
41. Stafford K., Danes S. M., Haynes G. W. Long-term family firm survival and growth considering owning family adaptive capacity and federal disaster assistance receipt // *Journal of Family Business Strategy*. 2013. Vol. 4. Pp. 188–200.
42. Shukla P. P., Carney M., Gedajlovic E. Economic theories of family firms // *Sage Handbook of Family Business Studies* Thousand Oaks: Sage Publications Ltd, 2014. Pp. 100–118.

43. Tagiuri R., Davis J. Bivalent Attributes of the Family Firm // *Family Business Review*. Vol. 9 (2). Pp. 199–208.
44. Whiteside M. F., Brown F. H. "Drawbacks of a Dual Systems Approach to Family Firms: Can We Expand Our Thinking?" // *Family Business Review*. 1991. Vol. 4 (4). Pp. 383–395.
45. Wimmer R., Domayer E., Oswald M., Vater G. Familienunternehmen: Auslaufmodell oder Erfolgstyp? Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 2018.

Бычкова В. А., Латкин А. П. Систематизация теоретических представлений о социально-экономической сущности семейных предприятий.

За последние два десятилетия тема семейного предпринимательства получила достаточное развитие в мировой среде. По оценке экспертов, около 2/3 предприятий в мире относятся к семейным. В этой связи увеличивается значение семейного предпринимательства как объекта государственной поддержки. Недостаток в понимании сущностных особенностей семейных предприятий может стать одним из ограничивающих факторов долгосрочного развития семейного предпринимательства на уровне отдельных стран, в частности России. Необходимо изучить накопленные знания о сущности семейных предприятий в целях их дальнейшего применения в политике развития российских регионов. В статье производится систематизация теоретических представлений о социально-экономической сущности семейных предприятий. Методической основой работы является анализ исследований зарубежных авторов, посвященных изучаемому вопросу.

Ключевые слова: *семейное предприятие, семейное предпринимательство, теория систем, ресурсно-ориентированный подход, семейственность, агентская теория, теория стюардства, региональное развитие, региональная семейственность, концепция региональной близости*

Bychkova V. A., Latkin A. P. Systematization of theoretical ideas to the socio-economic essence of family business.

Over the past twenty years, the theme of family entrepreneurship has received sufficient development in the world community. According to experts, about 2/3 of the world's firms are family-owned. In this regard, the interest of family businesses for government support is increasing. In the context of increasing interest for the family business' role in the country's economy, the lack of understanding the essential features of family business may become one of the limiting factors for the long-term development of family entrepreneurship in Russia. It is necessary to study the accumulated knowledge about the essence of family business in order to create a qualitative basis for their further adaptation to the regional aspects of the domestic territories development. This paper presents a systematization of theoretical ideas about the socio-economic essence of family business. The paper is based on the analysis of the Russian and foreign researchers on focused problem.

Key words: *family business, family entrepreneurship, systems theory, resource-based theory, firm familiness, agency theory, stewardship theory, regional development, regional familiness, regional proximity*

Для цитирования: Бычкова В. А., Латкин А. П. Систематизация теоретических представлений о социально-экономической сущности семейных предприятий // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 79–90. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/79-90

For citation: Bychkova V. A., Latkin A. P. Systematization of theoretical ideas to the socio-economic essence of family business // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 79–90. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/79-90

Историко-социальный анализ трансформации детских площадок: от борьбы с безнадзорностью к свободной игре

Детские площадки – это пространства, важные для детского общения, развития, формирования социальных навыков. Современные детские площадки трансформируются под воздействием запросов общества, города, детей. Они перестают быть только территориями, созданными взрослыми для детей, дети включаются в процесс проектирования детских площадок и даже в процесс их сооружения. Детские площадки имеют длительную историю развития. Ее изучение поможет переосмыслить современное значение и функции детских пространств, использовать скрытые ресурсы, реанимировать некоторые забытые функции площадок. В истории развития детских площадок в нашей стране условно можно выделить следующие этапы: 1890-е гг. – 1917 г., 1917 – до конца 1920-х гг., с конца 1920-х гг. до середины 1940-х гг., с середины 1940-х гг. до начала 1960-х гг., 1960-е – 1970-е гг., 1970-е – до середины 1980-х гг., со второй половины 1980-х до конца 1990-х гг., и с 2000-х по настоящее время. В дореволюционный и советский периоды площадки менялись под воздействием запросов общества, потребностей детского населения и взрослых.

Как было отмечено в статье Котляр И. А. и Соколова М. В., необходимость в детском пространстве в начале XX в. была обусловлена высокими темпами развития крупных промышленных городов и транспортной системы. Увеличение скорости движения транспорта, которому способствовало покрытие городских улиц асфальтом, сделало их небезопасными, и потребовало появления безопасных мест для детских игр в городской среде [10, с. 6]. Другой причиной появления площадок была необходимость снизить риск беспризорности и детской преступности. То есть, в обоих случаях целью создания детских площадок, начиная с их появления в 90-е гг. XIX в. и вплоть до 30-х гг. XX в., была защита детей от уличных рисков. Улица в тот период, как и сейчас, воспринималась как небезопасное для детей пространство стихийной социализации.

Характерная черта первого периода существования детских площадок (дореволюционный, с 90-х гг. XIX в. до 1917 г.) заключалась в том, что их создание стало проявлением основ гражданского общества России. Площадки создавались на деньги благотворителей, чтобы занять детей из малообеспеченных семей, родители которых не могли заниматься своими детьми или нанять им воспитателя. Также создание таких детских площадок в России в этот период было связано с профилактикой детских заболеваний, а инициаторами выступали различные общественные организации, деятельность которых была связана со здравоохранением. К последним относились Общество по охране здоровья еврейского населения или Московское гигиеническое общество, по инициативе которого в начале XX в. в городских парках стали создаваться детские площадки. Таким образом, стимулировалось пребывание детей на свежем воздухе, и создавались условия для их активного отдыха [9, с. 5–6].

© Филипова А. Г., Кузьмин В. Л., 2020

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, доцент, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, (г. Санкт-Петербург). E-mail: alexgen77@list.ru

КУЗЬМИН Василий Леонидович, канд. ист. наук, доцент, специалист по музейным исследованиям Государственного музея-заповедника "Петергоф", (г. Санкт-Петербург). E-mail: kvl-14@yandex.ru

В 1894 г. в России открывается первая площадка в Санкт-Петербурге, в 1895–1896 гг. несколько площадок появились в Москве, а потом – в Томске, Иркутске, Самаре, Киеве, Саратове, Екатеринославле, Твери, Ярославле и др. Первые детские площадки открывались на общественных началах. Городские власти лишь предоставляли место для них, в качестве организаторов выступали различные инициативные группы, а спонсоров – отдельные меценаты.

Вот как описано создание детской площадки в г. Бердичеве:

"Место для площадки было арендовано еще в мае, и за пару дней до открытия ее утрамбовали. Площадка – бывший пруд, засыпанный песком и огороженный небольшим забором. Кругом скамейки, чтобы можно было отдохнуть после игры, но ни дерева, ни травки, где можно было бы расположиться с детьми для беседы" [4, с. 33].

В 1909 г. по инициативе и под ближайшим руководством учрежденной при Обществе обывателей и избирателей Петербургской части Культурно-просветительной комиссии была организована первая обывательская детская площадка. Как отмечает К. К. Неллис, "Культурно-просветительная комиссия не могла, с самого начала своей деятельности, не обратить серьезного внимания на безотрадную судьбу детей, в особенности менее обеспеченных классов населения, вынужденных летом проводить свободное свое время на грязных душных дворах или же, что еще хуже, прямо на улице" [12, с. 9].

Обществу был выделен участок для устройства площадки, после чего "Комиссия дружно взялась за работу, огородила площадку, устроила ворота, заказала соответствующие вывески, и, получив от разных частных жертвователей богатую коллекцию необходимых игрушек, открыла деятельность площадки" [12, с. 2].

Безвозмездную помощь площадке оказывали члены спортивных обществ, обучая детей спортивным играм, гимнастическим упражнениям; врачи, периодически осматривая детей, посещавших площадку.

Однако проблемами функционирования площадки стали отсутствие медицинского кабинета и крытого помещения для детей, требовались также дополнительные средства для организации питания детей.

"Так как большинство детей, посещавших площадку, принадлежало к беднейшим классам населения, то оказалось настоятельно необходимым, в особенности ввиду наступившего холерного времени, снабжать детей хотя бы кружкою горячего чая и куском хлеба" [12, с. 21].

Постепенно работа на площадке упорядочивалась, находились новые благотворители, оказывающие ей помощь как материально, так и организацией разного рода работ с детьми. Одной из новых форм работы с детьми стала организация экскурсий в Ботанический сад, Зоологический сад, Удельный парк и пр.

Площадка стала не только способом организации детского досуга, но и средством воспитания детей. Родные детей, посещавших площадку, отмечали ее благотворное влияние:

"Раньше с моим Сережей сладу не было, учиться не хотел, только с уличными хулиганами возжался, а как дома оставался, то младших братьев и сестер обижал и такой озорник был. А теперь стал охотнее дома сидеть и младшим книжки читает и не обижает их. Вот только все на работу просится, а где ему ее взять, когда и взрослым, и то не найти работы" [12, с. 39].

Первоначально детские площадки функционировали в летний период и были открыты 3–4 часа в день. Площадки делились на утренние и вечерние. В отчете возникшего в 1910 г. Общества "Детский городок Петербургской части" (внесено в реестр 11.05.1910 г. № 535) описывается опыт организации утренней детской площадки, которая функционировала с 10 часов утра до 4 часов дня. Возрастные группы детей, посещающие ее: до 6 лет, 6–7 лет, 8–9 лет, 10–14 лет. Среднее посещение в день составляли 180 человек. Дети были заняты групповыми играми, гимнастикой, ручным трудом. Кроме того, воспитатели детской площадки старались развивать экскурсионное дело. Однако, из-за ограниченности финансовых ресурсов, организовывались экскурсии по коротким маршрутам – в близлежащие парки, фермы, фабрики и пр.

Вечерняя площадка работала с 6 до 9 часов вечера. В отчете перечислены виды деятельности, последовательно сменяющие друг друга: свободные игры, гимнастика, групповые занятия. Подвижные игры с пением, хоровода-

ми, упражнения на снарядах прерываются раздачей чая с ломтиком ржаного хлеба.

То есть в работе площадок прослеживались две части – свободная и организованная. В рамках первой дети были вольны сами выбирать игры, во второй под руководством взрослого проводился "урок игры" [1, с. 991].

Детские площадки становятся местом организации досуга, вспомоществования и воспитания детей городской бедноты.

Хотя учет детей, посещающих площадки, как правило, не велся, иногда проводились "микрореписи", как, например, в г. Угличе, когда на последней встрече детей переписали, чтобы узнать их семейное положение, установить факт посещения ими школы и пр. Картина получилась следующая: "на 100 детей приходилось 42 мальчика и 58 девочек; детей дошкольного возраста (до 8 лет) оказалось 40 из 100, остальные 60 старше 8 лет. Характерно, что из этих последних 12 человек, т.е. пятая часть нигде не учились...12 детей из 100 не имели родителей или имели только одну мать...семьи, посылавшие детей на площадку чрезвычайно многочисленны – 70 % детей принадлежали к семьям, где детей более 4-х человек" [11, с. 8].

Как отмечает И. Мозжухин, в 1914 г. в России существовало уже свыше 75 детских площадок [11]. В дореволюционный период детские площадки становятся институтом коллективной игры. Воспитатели учат детей играть в разные игры, ручному труду и физическим упражнениям, развивают познавательную активность через экскурсии. Кроме того, детские площадки становятся важным инструментом борьбы с беспризорностью. Н. С. Боляхин констатирует: "В ряде факторов, противодействующих развитию беспризорности, видное место занимает детская площадка для игр" [1, с. 990]. Детская площадка обеспечивает физическое развитие детей, а также, что не менее важно, по мысли автора, "отнимает их от улицы на те часы, что они проводят на площадке, давая им педагогический присмотр и создавая в них путем игр и других занятий, нравственный оплот против улицы" [1, с. 995–996].

Так, на первой обывательской детской площадке Петербургской стороны одной из причин отказа от регистрации детей стало желание привлечь разных детей: "некоторые дети, бездомные, беспризорные, которых было крайне желательно "уловить" площадкой, могли уклониться из одной только боязни быть внесенными в какой-то список" [12, с. 46].

С. И. Созонов, председатель Культурно-просветительной комиссии при Обществе обывателей и избирателей Петербургской части, констатировал выделение трех категорий детей, посещающих детскую площадку: детей школьного возраста, посещающих школу, а летом остающихся в Петербурге; детей дошкольного возраста и "всех тех детей, которые хотя и являются посетителями площадки, но, по разным причинам, не могут получить от площадки всего того, что она им может дать" [12, с. 56]. Организация работы с детьми третьей категории нуждалась в дополнительных финансовых средствах. Так, детям школьного возраста, нянчившимся со своими младшими братьями и сестрами, для включения в работу площадки нужно было организовать при площадке отделение для малолетних детей с функциями детских яслей. Детям, нуждающимся в серьезной и длительной медицинской помощи, площадка не могла дать ничего, кроме относительно свежего воздуха и подвижных игр. Была также еще одна группа детей, нуждающихся в особой организации работы, – беспризорные дети школьного возраста, не посещающие школу.

Площадка, таким образом, стала способом высвечивания социальных проблем детства и привлечения к ним внимания общественности. По словам С. И. Созонова: "На площадке степень нужды и детей и их родителей обнаруживается с полной очевидностью. В таких условиях помощь может быть направлена на действительную нужду, без особого риска ошибиться, что нередко останавливает желающих работать на поприще общественной благотворительности" [12, с. 66].

Однако опыт ведения таких площадок привел их устроителей к выводам: "...для достижения сколько-нибудь заметных результатов, дело не может ограничиться устройством площадки на 4 месяца в году, что одновременно необходимо вести также и занятия (ручным трудом, пением и др.) и при том круглый год, а не только летом, и вообще необходимо организовать целый ряд согласованных между собой учреждений для детей: амбулатории, столовые,

ясли и пр. <...> создание подобных учреждений – дело настолько важное и сложное, что под силу только большой общественной организации" [10, с. 3].

При содействии Общества "Детский городок" действие летней обывательской площадки было распространено сначала на вечернее время, а потом и на зимнее время [6, с. 997].

Г. С. Кира-Донжан высказался в пользу распространения действия детских площадок и на вечернее время, апеллируя к неустроенности быта и безнадзорности детей:

"Говорят, нужно запретить детям появляться позже 6–7 часов вечера на улицах, но, господа, загляните в их трущобы и посмотрите на ту обстановку, в которой они живут, и тогда скажите, что вреднее, быть им на улице или оставаться у себя "дома" [6, с. 997].

Параллельно в разных уголках страны появляются платные площадки. Иногда платные и бесплатные площадки действовали в одном и том же пространстве, но в разное время дня. Как говорится в одном из отчетов о детских площадках, народные (бесплатные) площадки действовали в утренние часы, что мешало детям из бедных семей посещать их, поскольку они были заняты домашними делами.

Подобное деление на платные и бесплатные часы работы площадки становилось маркером социального неравенства детей. Кроме того площадки обрстали другими коммерческими атрибутами. "Большим злом" для бесплатной площадки называет один из ее организаторов коммерческий ларек, разместившийся рядом: "Дети состоятельных родителей покупали там сласти и ели их на глазах наших более обездоленных детей, вызывая в них чувство зависти и побуждая к заискиваниям и выпрашиванию подачек" [4, с. 38].

Таким образом, в дореволюционный период детские площадки решали преимущественно педагогические задачи: они становятся местом воспитания безнадзорных детей, местом, где их учат играть, иногда подкармливают, обучают разным формам ручного труда и развивают физически. Дети делились на группы согласно возрасту и для каждой возрастной группы были свои игры, свои занятия ручным трудом, иногда свои прогулки-экскурсии. Сами площадки отличались минимальным набором оборудования и наличием взрослого, ответственного за организацию детского досуга на площадке. Обычно такая площадка состояла из деревянного сарайчика для хранения игрушек и инвентаря, нескольких лавочек и стола.

С Октябрьской революции 1917 г. и началом строительства новой государственности в истории детских площадок начинается новый период. Их деятельность становится более регламентированной, поскольку претерпевают изменения ее функции – она становится институтом высвобождения матерей для занятия общественно полезным трудом.

Организация детских дворовых площадок, комнат и красных уголков была вменена в обязанности жактов¹. Финансирование этих расходов производилось за счет средств из культсборов.

А. Гельмонт описывает типичную картинку в детском уголке жакта:

"Низкая комната 4 x 5 метров в полуподвале, освещенная одной 100-свечевой лампочкой. На подоконниках двух маленьких окон, почти под самым потолком несколько горшков с завядшими цветами ("живой уголок"). В глубине комнаты, ближе к окнам, – небольшой стол, покрытый грязным, смывым, испачканным чернильными пятнами кумачом. Несколько длинных неокрашенных скамей. В углу коряво сделанный из фанеры бесформенный шкаф, в него ввернуты массивные кольца и висит "надежный" замок, охраняющий "пединвентарь" детского красного уголка" [3, с. 84].

То есть происходит постепенная институционализация детских пространств, вызванная необходимостью идеологической работы с детьми по месту жительства, профилактикой детской безнадзорности и правонарушений. Детские пространства делятся на закрытые (детские комнаты, детские уголки), полузакрытые (колхозные детские площадки) и открытые (дворовые площадки).

Далее А. Гельмонт описывает стесненность условий, ограниченность педагогического инвентаря, формализм в организации взаимодействия ру-

¹ ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество

ководителя "уголка" и детей, нехватка педагогических навыков организации досуговой деятельности и др. Заканчивается статья представлением опыта начала сотрудничества Московского государственного педагогического института им. Бубнова со школой Фрунзенского района г. Москвы в одном из больших жактов.

К концу 20-х гг. детские площадки окончательно стали круглогодичными. Сарайчики сменили качели, песочницы и карусели, а зимой на них заливали горки, возводили снежные крепости и скульптуры. Также площадки использовались в идеологических целях – для пропаганды нового строя. Как и в дореволюционный период, на них раздавали детям еду, что было особенно актуально в голодные годы гражданской войны.

В конце 20-х гг. начинается новый период в развитии детских площадок, для которого характерен более централизованный подход к вопросам детского досуга. В стране начался первый этап урбанизации, толчком к которому послужила индустриализация страны. Пятилетние планы предполагали не только промышленное строительство, но и социально-культурное. Ещё в 1926 г. ЦК ВКП(б) поручил Госплану, наркомпросам и наркомздравам республик включить в пятилетний план строительства культурных учреждений план развертывания сети детских клубов, площадок, библиотек. Совнаркомом СССР предлагалось издать закон, обязывающий при строительстве новых домов, предприятий планировать помещения для работы с детьми. На VII съезде ВЛКСМ был обозначен вопрос о строительстве единых детских клубов с площадками.

В первом пятилетнем плане народно-хозяйственного строительства СССР детские площадки отнесены к типу учреждений дошкольного воспитания. Было запланировано увеличение их количества с 203 в 1927/28 г. до 506 в 1932/33 г. [15].

Детским площадкам всё также придается большое значение как средству идеологического воспитания: "На детских площадках детей воспитывают физически здоровыми, бодрыми, жизнерадостными, в духе любви к нашей Родине, основателю Советского государства В. И. Ленину" [2, с. 1].

Характерной чертой нового периода стало большее внимание к развитию физических качеств детей, в особенности после принятия в 1931 г. норм ГТО. На площадках появились турники, брусья, различные конструкции для балансирования. Иногда на площадках строили даже плескательные бассейны небольшой глубины, однако от этой практики быстро отказались, из-за трудностей с необходимостью постоянной поддержки в них чистоты. Стали появляться игровые зоны возле школ и в парках культуры, на которых присутствие воспитателей было необязательным.

Колхозные детские площадки становятся чем-то приближенным по своим функциям к яслям и детским садам, поскольку являются "важнейшим условием для вовлечения в сельскохозяйственные работы женщин-колхозниц и поднятия производительности их труда" [2, с. 1].

Сельские детские площадки преимущественно были ориентированы на детей 3–7 лет, существовала возможность оставления детей на ночь.

Ц. М. Раппо и О. З. Николаенко описывают опыт работы детской площадки колхоза "Красный огородник-садовод", открытой практически одновременно с созданием колхоза в 1930-м г. Площадка работает с ранней весны до поздней осени. Ее график сопряжен с ритмом колхозных работ, в некоторых случаях она открыта с 6 утра и до 9 вечера.

Первоначально авторы повествуют о трудностях организации площадки – финансовых, психолого-педагогических, которые постепенно разрешаются и в итоге формируется пространство для детей:

"Небольшой участок чисто подметен, посыпан песком. **Клумбы** с цветами, скамеечки, выкрашенные в светлую краску, придают ему уютный вид. На участке имеются приборы для развития движений детей – трибунка с лесенкой, заборчик для лазания; песочный ящик, наполненный чистым желтым песком. На участке построен шалаш, дети очень любят играть в нем. На участок выносятся из помещения столы, стульчики, вешалки, на которых развешаны прыгалки, обручи, вожжи... Кроме того, на участок выносятся две этажерки, на которых аккуратно разложены настольные игры, книжки, карандаши и бумага, цветные пирамидки, куклы и другие игрушки" [16, с. 8].

Изучение распорядка дня демонстрирует ориентацию организаторов площадки на физическое развитие детей, развитие чувства коллективизма и взаимопомощи, включения в дальнейшее детей в трудовую деятельность колхоза. Большую часть дня дети проводят на свежем воздухе – на участке площадки проводятся игры и занятия, в теплую погоду проводится обливание детей. Для ознакомления с формами сельскохозяйственного труда детям организуют прогулки на скотный двор, в птичник, на колхозное поле.

Стали издаваться сборники с чертежами и описаниями качелей, каруселей, горок, а также читален, создавались проекты типовых лавочек и оград. В различного рода письменных рекомендациях, описаниях детских площадок можно наблюдать обращение к мнению детей:

"При планировании нужно предусмотреть такое размещение площадок, чтобы они были окружены деревьями и находились в стороне от строений. План надо обсудить на совместном заседании общественной комиссии и родителей, а главное – на активе детворы. Дети могут дать много ценных предложений, да и интерес их к строительству площадки для самих себя намного повысится" [5, с. 6].

Рассматривается возможность привлечения детей к поддержанию порядка на площадках: "...весьма желательно создать из актива детей советы площадок. Ребята сами будут следить за порядком на площадках, сохранностью спортивного инвентаря и принадлежностей различных игр" [17].

Взрослый и детский взгляды на детскую площадку вполне естественно разнятся. Е. Попов раскрывает суть взрослого понимания функций детской площадки: "для развития быстроты, ловкости, силы, координации движений и для воспитания чувства прекрасного, коллективизма, воображения, для расширения знаний детей об окружающем мире вещей" [13, с. 5].

Новый период в развитии детских игровых площадок наступает в послевоенное время – с середины 1940-х гг. На эти годы приходится начало второго этапа урбанизации, связанного с интенсивным индустриальным строительством в послевоенные годы. Ускорение темпов роста городского населения и рост больших городов неизбежно вели к развитию транспортной системы, а это, в свою очередь, требовало создания безопасных мест для детских игр. Чертой, характерной для 1940-х – 1960-х гг. стало увеличение количества хорошо оборудованных площадок с качелями, горками и песочницами. Возможно, на это повлияло увиденное в Европе или опыт союзников по социалистическому лагерю, с которыми было активное сотрудничество в области педагогики. В оформлении площадок этого периода, как отмечает историк Анна Броницкая, ещё с военных лет появляются мотивы русских народных сказок и "национальная романтика", к которым обратились для воспитания патриотизма [7].

Далеко не весь западный опыт находил применение в СССР. Так, не нашла в тот период в СССР отклика идея площадки приключений (англ. Adventure Playground), быстро получившая популярность в Европе. Начало ей положил ландшафтный архитектор Карл Теодор Соренсен, заметивший в 1943 г., что дети в Дании с удовольствием играют не на детских площадках, а на территориях строек, свалок и развалин, преобразуя попадающийся им под руки материал – доски, строительный мусор. Он предложил первую концепцию детской игровой площадки как строительной площадки. Так появилась первая такая площадка "Skrammellegeplads" в Копенгагене, затем площадки Робинзона ("Robinsonspielplätze") в Швеции. На них дети могли сооружать хижины из досок и кирпичей, играть с песком и водой, экспериментировать с огнем. Подобные площадки появились и в Англии, и вскоре стали популярны и в других странах Европы [8, с. 83].

В СССР опыт "площадки приключений" оказался невостребованным, возможно, потому, что это был опыт стран, находящихся в лагере политических противников Советского Союза. Подобия таких площадок возникали стихийно, исходя из внутренних потребностей детей. Они появлялись на дачах, в старых дворах, "за гаражами", в деревнях, в летних пионерских лагерях, в лесу и т.п. [9, с. 6].

В 1960-е гг. возникает новый виток интереса к детским площадкам. Это заметно по числу работ, опубликованных на тему их создания. Работы имеют формат брошюр, в которых лозунги-обоснования необходимости развития дет-

ских площадок соседствуют с инструкциями по их созданию [2; 5]. При этом инструкции, как правило, с минимальными изменениями перекочевывают из одной брошюры в другую. Большое количество работ касается колхозных/сельских детских площадок. Детские площадки на селе становятся не только средством высвобождения женщин, но также средством организованной воспитательной работы, социального контроля над детьми. В брошюре "Каждому селу – детскую площадку" обращается внимание на опасность оставления детей одних, без присмотра взрослых; описываются игры детей со спичками, пожары. Сельские детские площадки, с одной стороны, имеют разнообразные природные ресурсы, возможности привлечения столяров, плотников к изготовлению игрового инвентаря. Однако, с другой, многие исследователи обращают внимание на слабую организацию воспитательной работы из-за неподготовленности персонала. Так, К. С. Тюрина, К. Егамбердиева отмечают:

"Сельские детские сады и особенно – колхозные детские площадки нашей республики испытывают большие трудности организационного и воспитательного характера... Нередки случаи, когда детям дошкольного возраста преподносится слишком сложный для их восприятия материал... Воспитатели на колхозных площадках не всегда планируют свою работу" [18, с. 2].

Необходимо отметить налаженную к 1960-м–1970-м гг. работу детских площадок в сельской местности. Однако в городах летнее время характеризуется многими исследователями как период отсутствия благоприятного педагогического воздействия:

"В летнее время дети самостоятельно организовывались в своеобразные корпорации, которым придумывались романтические названия: "Африка", "Малина", "Франция". Всегда находился вожак такого плана, организовывались лихие забеги на кладовые подвалов, на огороды и сады, взламывались торговые киоски. Такое положение тревожило школы: все труды и усилия по воспитанию детей в стенах школы за летнее время стирались, растворялись, и в сентябре приходилось начинать все сначала" (РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 2. Д. 164. Л. 1)².

В отчете о работе площадки им. Ю. А. Гагарина летом 1967 г. в г. Чайковском Пермской области описан опыт общественной работы на детской площадке пенсионерки – Волковой Веры Александровны, по инициативе которой в 1960 г. в городе появились первые оборудованные детские площадки. Параллельно распространяется опыт шефства предприятий, школ и других организаций над площадками:

"Предприятия дают оборудование, спортивный инвентарь, выделяют начальников площадок, тренеров. Центральная районная больница закрепляет за каждой площадкой медицинских работников. Школы выделяют воспитателей, активистов – пионеров и комсомольцев, массовиков-затейников, горнистов и барабанщиков" (РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 2. Д. 164. Л. 2).

Повлияла на развитие детских площадок и застройка в формате микрорайонов. Если раньше площадки занимали уголок двора, то теперь для них заранее отводилось место за счёт пространств между домами. Как пишет А. Бродовицкая, во дворах стали появляться скульптуры абстрактной формы, по которым можно было лазить, горкам стали придавать сходство со слонами, брёвнам для балансирования – с крокодилами и поездами; архитекторами задействован рельеф, чтобы проложить дорожки, где дети могли бы бегать и кататься на велосипедах в безопасности [7].

В 1970-е–1980-е гг. продолжается процесс специализации детских площадок. Основаниями деления выступает не только возраст детей, но также место расположения. Так, в работе Е. Попова "Детские площадки" выделены детские площадки в жилом районе, детские игровые городки, детские площадки в местах массового отдыха населения, детские площадки в сельской местности и детские площадки для детских дошкольных учреждений [13].

В массово издаваемых брошюрах-инструкциях по созданию детских площадок можно найти не только планы-макеты площадок (летних и зимних, спортивных, дошкольных и школьных), но также чертежи с комментариями по созданию детского игрового и спортивного инвентаря.

² РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Массовая застройка и создание однотипных микрорайонов зачастую приводили к упрощению детских площадок, возведением которых занимались преимущественно ЖЭКи. Тем не менее находилось место и для уникальных, образцово-показательных площадок. Возможно, в 80-е годы последовал бы новый виток их развития: в 1986 г. по инициативе журнала "Декоративное искусство в СССР" была проведена дискуссия с участием специалистов и проектных институтов, посвящённая игровым зонам [7]. Были подготовлены новые рекомендации и эскизные проекты, но последовавший за перестройкой кризис и распад СССР не дали возможность реализовать эти идеи.

В 1991 г. произошел распад СССР, командно-административную экономику сменила экономика рыночных отношений. В 1990-е гг. советские детские площадки, детские городки, детские парки приходят в запустение, начинают постепенно разрушаться без соответствующей финансовой поддержки и работы общественности по поддержанию их в порядке.

В статье "Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск" описаны две похожих истории обветшания парков с детскими площадками в двух дальневосточных городах [19]. Однако наряду с запустением городских парков в 2000-е годы запускается процесс благоустройства придомовых территорий. Управляющие компании, товарищества собственников жилья, иногда муниципальные власти выделяют средства на благоустройство дворов, а значит, ремонт или возведение новых детских площадок.

Детские игровые зоны в общественных пространствах чаще всего развиваются за счет коммерческих организаций и, соответственно, должны окупаться. Многочисленные батуты, детские парки развлечений, детские аттракционы помещаются в многолюдные пространства – на набережные, в городские парки, вблизи торговых центров. Стоимость детских развлечений варьируется по регионам и городам в пределах регионов.

Следует заметить, что современные родители, следуя логике советских организаторов детского досуга, стремятся максимально занять свободное время детей, не оставив им возможностей для бездумного шатания, вовлечения в асоциальные компании и пр.

Современный этап развития детских площадок можно охарактеризовать как поиск новых решений, возврат к природным принципам организации. Тем не менее, как отметила Мария Помелова, архитектор, соучредитель Бюро "ЧЕХАРДА", в своем докладе "Новые стандарты игровых пространств в России и Мире" (коворкинг "Аякс", ДВФУ, 14 апреля 2017 г.), принципами работы современных российских площадок остаются "стандартность мышления, предсказуемость и повторяемость окружения, неизменяемость игрового материала, отсутствие возможности продвигаться в обучении, отделение ребенка от природы, массовый допинг адреналином".

Действительно, в разных городах нашей страны можно обнаружить совершенно типовый набор "снарядов", типовую организацию пространства детской площадки, использование типового набора цветов. Поэтому дети не могут долго играть на площадке, им становится скучно; возникают перемещения с одной площадки на другую и т.д.

Также необходимо отметить, что в больших городах, особенно в городах-миллионниках, из-за отсутствия свободных больших участков детские площадки вынуждены ютиться на пятачках между высотными домами, между домами и проезжей частью и т.д. Как правило, на детских площадках в новых микрорайонах отсутствуют деревья. Таким образом, нарушается важный принцип детского развития – включения в природу.

Новые урбанисты, архитекторы предлагают новый взгляд на детские игровые пространства. В Америке и Европе давно практикуются природные детские площадки, которые М. Помелова охарактеризовала как "своеобразные оазисы живой природы среди городских джунглей". Ребенок получает возможность работать с природными материалами (песок, вода, камни, дерево, земля), самостоятельно выстраивать сценарии игры, ощущать единение с природой, нестандартное окружение стимулирует исследовательский интерес ребенка. Природные площадки вписываются в природный ландшафт, учитывают особенности рельефа, дают большие пространства для игр. Такие площадки подходят для регионов с богатыми природными ресурсами, небольшой плотностью населения.

Еще одним вектором развития детских игровых пространств являются приключенческие площадки, площадки, спроектированные и построенные с участием детей. Идея природных площадок с трудом приживается на российской почве: взрослые не понимают, что дети могут делать со всеми этими камнями, бревнами, ручейками и пр. Непонимание родителей иногда разрушает фантазии ребенка, заставляет его отказаться от придуманной игры. После слов мамы "ну и зачем тут бревна?", ребенок перестает играть. А идеи с колонками (чтобы дети могли играть с водой) не находят поддержки у заказчиков и инвесторов, восклищающих "зачем вкладывать средства в то, что будет работать всего 3 месяца в году". К тому же разработка нестандартной площадки обходится дороже нежели, чем установка типового оборудования (домик, горка, качели, песочница).

В общем природные, приключенческие площадки можно считать новым этапом развития детских городских пространств, когда последние перестают быть просто средством организации досуга ребенка, но становятся пространством его развития, взаимодействия с другими детьми, свободного творчества и свободной игры (не по заданным взрослыми сценариям).

Как отмечает Е. Ю. Протасова, в некоторых странах (Германия, Финляндия) детские площадки выступают местом разного рода организованных активностей для детей и взрослых: "на детских площадках организованы в утренние часы занятия для мам с детьми, не посещающими дошкольные учреждения, во вторую половину дня – группы продленного дня для школьников, в вечернее время – кружки для молодежи, летом – детские дневные лагеря для оставшихся в городе" [14, с. 252].

Детские площадки за свою уже немногим более чем вековую историю прошли длительный путь от средства воспитания и борьбы с безнадзорностью в дореволюционный период до современной игровой территории с богатым развивающим потенциалом. Являясь своеобразным компромиссом между запросами взрослых и детскими интересами, в каждый период своего развития площадки отвечали в первую очередь задачам текущего времени – преодолению безнадзорности, высвобождению женщин, идеологическому воспитанию, физическому развитию, свободной игре.

Ситуация пандемии, захватившая весь мир, по-новому заставила нас взглянуть на детские площадки как пространства, таящие в себе риск распространения вируса и потому запрещенные для посещений под угрозой привлечения к административной ответственности. К примеру, в Санкт-Петербурге за посещение гражданами парков, садов, скверов, детских и спортивных площадок предусмотрен штраф в размере до 30 тысяч рублей. Дети, лишенные собственного пространства для игр и общения, оказались запертыми в четырех стенах собственных квартир. Больше повезло тем детям, чьи родители имеют дачи, загородные дома, где можно соблюдать режим самоизоляции в более комфортных условиях прогулок на приусадебном участке, в лесу и т.п. Но и в этих условиях дети лишены важного условия свободной игры – других детей.

Литература

1. Боляхин Н. С. Детские площадки как важный фактор борьбы с беспризорностью // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 10. С. 990–996.
2. В помощь работникам колхозных детских площадок. Пермь: Б.и., 1962. 33 с.
3. Гельмонт А. Дети во дворе // Народный учитель. 1935. № 2. С. 84–86.
4. Из отчетов о детских площадках. СПб., 1914. (Труды Общества охранения здоровья еврейского населения; Вып. 1). 114 с.
5. Каждому селу – детскую площадку. Смоленск: Кн. изд-во, 1961. 12 с.
6. Кира-Донжан Г. С. Детские клубы и их роль в борьбе с детской беспризорностью и преступностью // Призрение и благотворительность. 1916. № 10. С. 995–1010.
7. Кондратьева С. От сараев к замкам: история детских площадок в России // Институт "Стрелка", [Электронный ресурс]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/history-of-russian-playgrounds> (дата обращения: 08.04.2020).
8. Котляр И. А., Соколова М. В. Площадка приключений как пример реализации права ребенка на игру // Электронный журнал "Психолого-педагогические исследования", [Электронный ресурс]. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_2_Kotlyar_Sokolova.pdf (дата обращения: 08.04.2020).

9. Котляр И.А., Соколова М. В. Подходы к психолого-педагогической экспертизе игровых детских площадок // Портал психологических изданий, [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/files/81121/jmfp_2016_1_n_1_Kotliar.pdf (дата обращения: 08.04.2020).
10. Краткий отчет о ведении детских площадок летом 1910 года. СПб., 1911. 24 с.
11. Мозжухин И. Детская площадка в г. Углич. Углич: тип. М.Н. Меховой, 1915. 11 с.
12. Первая обывательская детская площадка Петербургской стороны: Лето 1909 года: Отчёты К. К. Неллиса, Г. С. , Кира-Донжана, С. И. , Созонова. СПб, 1910. 80 с.
13. Попов Е. А. Детские площадки. Калининград: Кн. изд-во, 1981. 72 с.
14. Протасова Е. Ю. Детская площадка // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / Отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Изд-во РОС, 2018. С. 250–254.
15. Пятилетний план народно-хозяйственного развития СССР / Госплан СССР. 3-е изд. М.: Плановое хозяйство, 1930. Т. 2, ч. 2: Социальные проблемы, проблемы распределения, труд и культура. 1930. 418 с.
16. Раппо Ц. М., Николаенко О. З. Детская площадка колхоза "Красный огородник-садовод". М.: Учпедгиз, 1941. 43 с.
17. Розанцев С. Н. Придомовые детские площадки. 2-е изд., доп. М.: Изд-во М-ва коммуна. хозяйства РСФСР, 1961. 28 с.
18. Тюрина К. С., Егамбердиева К. Воспитательная работа на колхозных детских площадках. Фрунзе: Б.и., 1964. 74 с.
19. Филипова А. Г. Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 27 – 42.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bolyakhin N. S. Detskie ploshhadki kak vazhnyj faktor bor'by s besprizornost'yu // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1916. № 10. S. 990–996.
2. V pomoshh' rabotnikam kolkhoznykh detskikh ploshhadok. Perm': B.i., 1962. 33 s.
3. Gell'mont A. Deti vo dvore // Narodnyj uchitel'. 1935. № 2. S. 84–86.
4. Iz otchetov o detskikh ploshhadkakh. SPb., 1914. (Trudy Obshhestva okhraneniya zdorov'ya evrejskogo naseleniya; Vyp. 1). 114 s.
5. Kazhdomu selu – detskuyu ploshhadku. Smolensk: Kn. izd-vo, 1961. 12 s.
6. Kira-Donzhan G. S. Detskie kluby i ikh rol' v bor'be s detskoj besprizornost'yu i prestupnost'yu // Prizrenie i blagotvoritel'nost'. 1916. № 10. S. 995–1010.
7. Kondrat'eva S. Ot saraev k zamkam: istoriya detskikh ploshhadok v Rossii // Institut "Strelka", [Elektronnyj resurs]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/history-of-russian-playgrounds> (data obrashheniya: 08.04.2020).
8. Kotlyar I. A., Sokolova M. V. Ploshhadka prikl'yucheni' kak primer realizatsii prava rebenka na igru // Elektronnyj zhurnal "Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya", [Elektronnyj resurs]. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_2_Kotlyar_Sokolova.pdf (data obrashheniya: 08.04.2020).
9. Kotlyar I.A., Sokolova M. V. Podkhody k psikhologo-pedagogicheskoy ehkspertize igrovykh detskikh ploshhadok // Portal psikhologicheskikh izdanij, [Elektronnyj resurs]. URL: https://psyjournals.ru/files/81121/jmfp_2016_1_n_1_Kotliar.pdf (data obrashheniya: 08.04.2020).
10. Kраткий отчет о ведении детских площадок летом 1910 года. СПб., 1911. 24 с.
11. Mozzhukhin I. Detskaya ploshhadka v g. Uglich. Uglich: tip. M.N. Mekhovoij, 1915. 11 s.
12. Pervaya obyvatel'skaya detskaya ploshhadka Peterburgskoj storony: Leto 1909 goda: Otchyoty K. K. Nellisa, G. S. , Kira-Donzhana, S. I. , Sozonova. SPb, 1910. 80 s.
13. Popov E. A. Detskie ploshhadki. Kaliningrad: Kn. izd-vo, 1981. 72 s.
14. Protasova E. Yu. Detskaya ploshhadka // Detstvo XXI veka: sotsiogumanitarnyj tezaurus / Otv. red. S. N. Majorova-ShHeglova. M.: Izd-vo ROS, 2018. S. 250–254.
15. Pyatiletnij plan narodno-khozyajstvennogo razvitiya SSSR / Gosplan SSSR. 3-e izd. M.: Planovoe khozyajstvo, 1930. T. 2, ch. 2: Sotsial'nye problemy, problemy raspredeleniya, trud i kul'tura. 1930. 418 s.
16. Rappo Ts. M., Nikolaenko O. Z. Detskaya ploshhadka kolkhoza "Krasnyj ogorodnik-sadovod". M.: Uchpedgiz, 1941. 43 s.
17. Rozantsev S. N. Pridomovye detskie ploshhadki. 2-e izd., dop. M.: Izd-vo M-va kommun. khozyajstva RSFSR, 1961. 28 s.
18. Tyurina K. S., Egamberdieva K. Vospitatel'naya rabota na kolkhoznykh detskikh ploshhadkakh. Frunze: B.i., 1964. 74 s.
19. Filipova A. G. Obshhestvennye prostranstva i deti: Vladivostok vs Khabarovsk // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 1 (16). S. 27 – 42.

Филипова А. Г., Кузьмин В. Л. Историко-социальный анализ трансформации детских площадок: от борьбы с безнадзорностью к свободной игре.

В статье представлена история детских площадок в России. Авторы изучают историю возникновения детских площадок в России на рубеже XIX–XX вв., их генезис на протяжении всей истории советского государства, а также затрагивают их современное состояние. Проводятся сравнения с западным опытом в этой области, а также изучается постепенное превращение детской площадки из места воспитания в территорию, предназначенную преимущественно для детских игр, общения и развития детей. Авторы выделяют периоды развития детских площадок в России и освещают особенности каждого периода через функции детских площадок, их структуру и дизайн.

Ключевые слова: *активный отдых, детская площадка, досуг, общественное пространство, свободная игра, воспитание*

Filipova A. G., Kuz'min V. L. The history of playgrounds: from combating against children neglect to free play.

The article presents the history of playgrounds in Russia. The authors study the history of the emergence of playgrounds in Russia at the turn of the 19th–20th centuries, their genesis throughout the history of the Soviet state, and also affect their current state. Comparisons are made with Western experience in this area, and the gradual transformation of a playground from a place of education into a territory intended primarily for children's games, communication and development of children is also being studied. The authors identify periods of development of playgrounds in Russia and highlight the features of each period through the functions of playgrounds, their structure and design.

Key words: *outdoor activities, playground, leisure, public space, free play, education*

Для цитирования: Филипова А. Г., Кузьмин В. Л. Историко-социальный анализ трансформации детских площадок: от борьбы с безнадзорностью к свободной игре // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 91–101. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/91-101

For citation: Filipova A. G., Kuz'min V. L. The history of playgrounds: from combating against children neglect to free play // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 91–101. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/91-101

УДК 316.347 + 316.334.52

Говорухина Г. В., Благовская Е. В.

Институты этнической идентификации в Республике Алтай

Актуализация этнического фактора в современном обществе способствовала появлению нового проблемного поля исследования – этнической идентичности, понятие которой является до сих пор одним из наиболее дискуссионных, что обусловило появление разнообразных теоретических и методологических подходов к его описанию [8; 11; 16; 18; 25; 29; 31; 33], включенных, в свою очередь, в исследовательское поле различных наук (социологии, психологии, политологии и др.) [2; 4; 5; 17; 19; 22; 23; 26; 27; 28; 32]. Интегрирование результатов этих подходов позволяет расширить диапазон исследования этнической идентичности, выделить ее сущность и основные компоненты.

Методологической основой нашего исследования являлся социологический подход, который позволяет исследовать формирование этнической идентичности личности в ходе реализации ее жизненных циклов под воздействием различных социальных факторов, которые включены в жизненное пространство населения в отдельно взятые исторические периоды в различных территориальных образованиях.

В соответствии с этим этническая идентичность рассматривается как результат протекания двух процессов, имеющих разнонаправленный характер – индивидуализации и глобализации. Этническая идентичность в этом случае выступает как результат процесса этнической идентификации личности, происходящей под влиянием различных социальных институтов в конкретных социально-культурных условиях. В частности, С. Холл считает, что идентичность является результатом конкретных практик, к которым можно отнести конкретные исторические и институциональные условия [30], обуславливающие формирование и реализацию различных социальных институтов, влияющих на процесс этнической идентификации, и в этом случае их называют институтами этнической идентификации.

В соответствии с этим под "институтами этнической идентификации" понимаются постоянно повторяющиеся и воспроизводящиеся отношения людей, направленные на формирование этнической идентичности посредством этнических ценностей, норм и правил. Среди традиционных институтов этнической идентификации выделяют прежде всего семью, культуру, образование [3]. Причем, на разных этапах этногенеза их социально-историческая значимость влияния на процесс этнической идентификации различна. Некоторые авторы, в частности У. Бек, считают, что в современном обществе происходит "растворение" традиционных институтов, что является результатом влияния глобализации [24].

Наряду с традиционными институтами этнической идентификации, на разных этапах развития общества возникают и функционируют инновационные институты этнической идентификации, что, несомненно, связано с трансформацией коммуникационных практик (корпоративные сети, цифровые технологии и др.). В соответствии с этим под инновационными институтами этнической идентификации понимаются социальные институты, имеющие определенное влияние на процесс этнической идентификации в силу временных и социальных условий современного этапа развития общества. К этим ин-

© Говорухина Г. В., Благовская Е. В., 2020

ГОВОРУХИНА Галина Владимировна, канд. социол. наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Алтайского государственного университета (г. Барнаул). **E-mail:** govorgv@gmail.com

БЛАГОВСКАЯ Евгения Васильевна, канд. филос. наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск). **E-mail:** e9236646707@yandex.ru

ститутам относятся СМИ, Интернет, общественные организации, землячество и др. [3].

В связи с расширением территориальных границ обитания представителей этнических общностей увеличивается количество межэтнических контактов, что актуализировало проблему сохранения этнической идентичности в иноэтнических условиях. В какой-то степени решение этой проблемы взяли на себя землячества. Так, в России в настоящее время земляческие объединения способствуют гражданам, проживающим в различных иноэтнических условиях, поддерживать этнокультурные связи с малой родиной. Примером могут служить такие земляческие объединения, как Ассоциация Тверских Землячеств, Брянское землячество, Сибирское казачье землячество, Омское землячество, Иркутское землячество "Байкал" и многие другие.

В настоящее время внимание ученых-представителей различных областей научного знания привлекает, во-первых, появление новых, инновационных институтов этнической идентификации, во-вторых, модернизация традиционных институтов этнической идентификации, в-третьих, особенности взаимовлияния и взаимодействия традиционных и инновационных институтов этнической идентификации. Рассмотрим этот процесс на примере Республики Алтай.

В 2013–2019 гг. на базе Горно-Алтайского государственного университета проводились исследования условий жизнедеятельности коренных народов Республики Алтай, в процессе которых были выделены основные составляющие жизненного пространства, а также описаны традиционные и инновационные институты этнической идентификации, существующие в Республике Алтай, деятельность которых осуществляется в рамках государственной национальной политики РФ, в которой обозначены основные направления ее реализации. Среди них "Обеспечение социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики Российской Федерации", "Содействие этнокультурному и духовному развитию народов Российской Федерации", "Совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации", "Совершенствование взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации" и др. [14].

На первом этапе исследования среди основных составляющих жизненного пространства коренных народов Республики Алтай были выделены:

Во-первых, *социально-экономическая составляющая жизнедеятельности коренных народов*, которая формируется на основе государственной национальной политики в области повышения качества и сохранения самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [20].

Сравнительный анализ данных Всероссийской переписи населения за 2010 год с данными переписи от 2002 года показывает, что численность коренных этносов, проживающих на территории Республики Алтай, в целом увеличилась на 34,4%, из них: теленгитов – на 54,1%, тубаларов – на 23,4%, кумандинцев – на 14,1%, челканцев – на 34,1%, а численность шорцев, напротив, сократилась на 38,3% [10].

В Республике Алтай с 2006 года увеличилось количество территорий традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Наиболее "пестрыми" в этническом отношении являются город Горно-Алтайск, где проживают представители 69 народов, Майминский и Чемальский районы Республики Алтай (57 и 50 национальностей соответственно).

Наиболее многочисленные диаспоры в Республике Алтай – украинцы, немцы, армяне и татары. Районами, где больше всего проживает тех, кто назвал себя русским, являются Чойский (87,64%), Майминский (85,32%) и Усть-Коксинский (74,34%). К районам Республики Алтай, где наибольшая доля людей титульной нации, относятся Улаганский (77,14%), Онгудайский (75,88%) и Усть-Канский (69,66%).

В рамках реализации республиканской целевой программы "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Республики Алтай до 2015 года" [7] были введены 3 школы, построен мемориальный ком-

плекс имени Н. У. Улагашева в Чойском районе, приобретены 7 единиц санитарного автотранспорта повышенной проходимости для населенных пунктов в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов; приобретено оборудование для Центральной районной больницы Улаганского района, Центра тубаларской культуры Чойского района; построен локальный энергоцентр в Турочакском районе, обеспечивающий круглосуточное электроснабжение в 9 труднодоступных селах.

Начиная с 2016 г., государственная поддержка коренных малочисленных народов в Республике Алтай осуществляется через подпрограмму "Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов" государственной программы "Развитие экономического потенциала и предпринимательства" [13]. В частности, в рамках этой подпрограммы был приобретен санитарный автотранспорт повышенной проходимости для труднодоступных и отдаленных сел Турочакского, Чойского, Улаганского и Кош-Агачского районов; было приобретено медицинское оборудование для бюджетных учреждений здравоохранения в Кош-Агачском и Улаганском районах; было обеспечено проведение праздника "Международный день коренных народов мира" в Чойском районе; организовано участие представителей коренных малочисленных народов Республики Алтай в работе международной выставки-ярмарки "Сокровища Севера 2016", поддержаны мероприятия этнокультурного характера (конференции, фестивали, симпозиумы, съезды, международные форумы); поддержано издание историко-этнографической литературы, словарей, пособий и учебников для изучения родных языков коренных малочисленных народов Республики Алтай и др.

Во-вторых, *коммуникационная составляющая жизнедеятельности коренных народов в Республике Алтай*, которая реализуется через: а) периодические издания (2 республиканские газеты, 11 районных газет, 1 негосударственную газету); б) телевидение и радио (Планета Сервис, телекомпания г. Горно-Алтайск, ФГУП ВГТРК ГТРК "Горный Алтай" (Радио России, Радио "Маяк"), Радио Европа плюс, FM 106.4, г. Горно-Алтайск, Радио ПиФМ, FM 105,5, Медиагруппа FM-Продакшн).

В-третьих, *институциональная составляющая жизнедеятельности коренных народов в Республике Алтай*, которая включает: общественные объединения (307), религиозные объединения (57), общины коренных малочисленных народов Сибири (37), благотворительные фонды (17) и др. По состоянию на 1 января 2019 г. в Республике Алтай зарегистрировано 559 некоммерческих организаций [12]. Все они выполняют функции, важные как для их членов и поддерживающих структур, так и для государственных институтов, бизнес-структур и других субъектов общественных отношений. В процессе взаимодействия с государственными институтами и бизнес-структурами общественные организации подключаются к процессам управления, участвуя в решении социально значимых проблем.

На втором этапе исследования были выявлены традиционные и инновационные институты этнической идентификации в Республике Алтай.

В основе описания институтов этнической идентификации лежало то положение, что институт этнической идентификации – это институт государства, занимающийся разработкой и внедрением нормативно-правовых актов в сфере сохранения этнической идентичности коренных малочисленных народов. Так, одним из факторов этнического возрождения алтайцев в XXI в. явилось вступление в силу Постановления Правительства Российской Федерации "О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации" и Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" [15], предусматривающего отдельные льготы на федеральном уровне в сфере социальной защиты, природопользования и др. Это, в свою очередь, способствовало разделению коренных народов Республики Алтай на теленгитов, тубаларов, кумандинцев и челканцев.

К традиционным институтам этнической идентификации в Республике Алтай относится, прежде всего, семья, что обусловлено признанием примордиального характера этнической идентичности, выражающегося изначально с момента рождения человека. В связи с чем семья, являясь первичным институтом этнической социализации, оказывает большое влияние

на формирование этнической идентичности личности, что происходит через семейные традиции, в основе которых, в свою очередь, лежат религиозные и исторические традиции и обряды. И в этом смысле семья выступает транслятором социальных норм взаимодействия, что способствует преемственности поколений.

Как показывают социологические исследования, в алтайском этносе именно семья детерминирует выбор этнической принадлежности человека, конструируя ее практически с момента рождения ребенка, предполагая полное его погружение в культуру этноса [9, с. 73–78]. Причем, дети становятся носителями этнических ценностей разных культур, что обусловлено влиянием не только семейных ценностей, но и ценностей других общественных институтов.

Наряду с семьей, к традиционным институтам этнической идентификации относится культура, которая представляет собой комплекс духовного освоения действительности, уровень её восприятия – с одной стороны, а с другой – хранение, распределение и потребление духовных ценностей носителями данной культуры как внутри самого этноса, так и вне его.

"Этническая культура при этом выступает сложной системой, объединяющей практически все этнодифференцирующие признаки этносоциальной общности (за исключением природно-биологических детерминант – территории проживания и расово-антропологических признаков), а люди – представители этой общности и носители культуры – в процессе своей жизнедеятельности воспроизводят свои этнические признаки, благодаря активному созданию производственной, социально-бытовой, соционормативной и духовной сфер" [21, с. 57].

Для коренных народов Республики Алтай большое значение имеет такой феномен культуры, как фольклор, важность которого обусловлена, во-первых, тем, что в нем отражены типичные ситуации отношений: "человек-человек", "человек-общество", "человек-природа", что позволяет формировать социально одобряемые модели поведения человека путем формирования норм, правил взаимодействия в конкретной социокультурной среде. Фольклор обеспечивает преемственность в пространстве и во времени, сохраняя в общедоступной форме мудрость многих поколений этноса по различным вопросам и сферам человеческой деятельности.

Алтайский фольклор богат и разнообразен – это мифы сказки, легенды и предания, героический эпос и различные по сюжету песни. В нем нашли свое отражение самые разные стороны народной жизни: далекое прошлое и близкое настоящее, героическое и бытовое, трагическое и смешное.

Основным жанром алтайского фольклора является героический эпос, который возник в период первобытнообщинного строя и в ходе длительного развития, вплоть до XVIII–XIX вв., пополнялся новыми произведениями. Известны более 200 записей героических сказаний общим объемом более 500 тысяч стихотворных строк [3].

Алтайский эпос широко известен в научном мире, поскольку его изучением занимались крупнейшие тюркологи – В. В. Радлов, Н. А. Аристов, С. В. Киселев, Г. Н. Потанин, В. И. Вербицкий, Н. А. Баскаков, Л. П. Потапов, С. С. Суразаков и другие. Под редакцией доктора филологических наук С. С. Суразакова было издано девять томов героического эпоса – "Алтайские богатыри". Стоит отметить, что по художественным достоинствам, эмоциональности и монументальности алтайский героический эпос стоит в одном ряду с всемирно известными творениями устного народного творчества других народов.

Важным компонентом культуры является праздничная культура. Так, происходивший в 1990-е годы процесс возрождения этнической культуры титульного этноса Республики Алтай – алтайцев вылился в формирование стилизованной алтайской культуры. В основе данного явления лежит не возрождение собственно традиционной этнической культуры алтайцев, а внедрение ее отдельных элементов, и в первую очередь, одежды, музыки, праздников, в массовую общероссийскую культуру [1].

К инновационным институтам этнической идентификации в Республике Алтай относятся, прежде всего, общественные организации, Интернет (социальные сети), землячества и др.

Среди общественных организаций особо выделяется региональная общественная организация "Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай "Звенящий кедр"", которая является членом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и объединяет теленгитов, шорцев, кумандинцев, телеутов, тубаларов, челканцев. В настоящее время она претворяет в жизнь проект "Сокровища коренных народов Алтая", который получил президентский грант. Этот проект направлен на укрепление межнационального согласия и сохранение народных культурных традиций, а также на возрождение и популяризацию культурных традиций коренных народов и развитие их народных промыслов в Республике Алтай. Реализация проекта предполагает мероприятия по сбору материалов о духовно-культурном наследии коренных народов в Республике Алтай, выпуск печатных и электронных изданий, проведение тематических "круглых столов", конференций. В рамках работы по развитию народных промыслов планируется создание аилов мастеров в каждом районе проживания коренных народов республики, проведение мастер-классов, выставок, ярмарок. Представители этой организации планируют активное привлечение детей, молодежи и пожилых людей с целью передачи знаний и навыков от старшего поколения к молодому.

В социальной сети "vkontakte" в 2011 г. в Республике Алтай была создана официальная группа коренных народов Республики Алтай, целью которой явился поиск и объединение людей по интересам, информирование об актуальных новостях в сфере их взаимодействия. Особенно активизировалась эта деятельность с созданием в октябре 2012 года в социальной сети "vkontakte" представителями рода кыпчаков Республики Алтай Интернет-курултай. Перечень вопросов для обсуждения на курултае: история, священное животное, гора и дерево рода кыпчаков, вопросы взаимопомощи молодых представителей рода кыпчаков, и др.

Процесс формирования и функционирования инновационных институтов этнической идентификации находится на этапе становления. Для них характерна общность программных задач – возврат к ценностям и нормам традиционной культуры, сохранение родного языка, отстаивание интересов коренного населения в решении экономических и экологических проблем, что особенно актуально в условиях роста информатизации современного общества.

Традиционные и инновационные институты этнической идентификации, независимо от степени их влияния, имеют общую цель – формирование этнической идентичности личности. При этом степень их влияния зависит как от интересов и приоритетов самой личности, так и от приоритетных направлений государственной политики, условий проживания и исторических изменений этносов в современном российском обществе.

Процессы этнической идентификации в дальнейшем будут развиваться еще более интенсивно, с одной стороны, в связи с изменением социально-политической ситуации в обществе, и они в конечном счете могут войти в ранг глобальных проблем современности, с другой, – ростом самосознания личности, поиском смысла жизни и своих родовых корней. Все это обуславливает необходимость дальнейших исследований проблем, связанных с этносом, этнической идентичностью, этнической идентификацией.

Таким образом, в настоящее время идет процесс, с одной стороны, модернизации традиционных институтов этнической идентификации в Республике Алтай. С другой стороны, идет становление инновационных институтов этнической идентификации. С учетом того, что социально-экономические и природно-географические характеристики районов Республики Алтай неоднородны, этот процесс протекает по-разному. В соответствии с этим необходимы специальные исследования влияния конкретных институтов (традиционных и инновационных) этнической идентификации на становление самосознания и этнической идентификации коренных народов Республики Алтай. Важность таких исследований подчеркивается в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [20].

Все это актуализирует необходимость фундаментальных исследований воспроизводства и сохранения традиционного образа жизни, культуры коренных народов Республики Алтай, а также формирования и развития ин-

новационных институтов этнической идентификации, так как до сих пор нет исследований, специально посвященных трансформации традиционных институтов этнической идентификации и их модернизации, а также факторов и условий, способствующих возникновению и дальнейшему развитию инновационных институтов этнической идентификации в разных регионах России, в том числе и в Республике Алтай.

Литература

1. Александренков Э. Г. "Этническое самосознание" или "этническая идентичность"? // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 3. С. 13–22.
2. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // *Психологические исследования*. 2011. № 6 (20). [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.01.2020).
3. Благовская Е. В. Этническая идентичность как основа формирования институтов этнической идентификации в Республике Алтай : социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Благовская Евгения Васильевна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. Горно-Алтайск, 2013. 149 с.
4. Джантеева Д. С. Этническая идентичность в политических коммуникациях // *Коммуникология*. 2018. Том 6. № 2. С. 133–141.
5. Дробничева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
6. Задворная Е. С. Репрезентации национальной идентичности в культурной политике стран Северо-Восточной Азии // *Коммуникология*. 2019. Том 7. № 3. С. 121–135.
7. Закон Республики Алтай от 5.05.2008 № 42-ПЗ "О республиканской целевой программе "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Республики Алтай до 2015 года" [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/32252343/>.
8. Крылов А. Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самопознание индивида. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2010. 272 с.
9. Кузнецова Е. В. Этническая идентичность личности как объект исследования современного гуманитарного знания // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2008. № 4 (12). С. 121–127.
10. Малочисленные народы на Алтае добиваются "социальных пенсий" [Электронный ресурс]. Загл. с экрана. URL: <https://regnum.ru/news/society/2279398.html> (дата обращения: 20.01.2020).
11. Мамедов А. К., Якушина О. И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // *Вестник Московского университета*. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 43–59.
12. Общественные организации [Электронный ресурс]. Загл. с экрана. URL: <https://altai-republic.ru/society/public-organizations/> (дата обращения: 21.01.2020).
13. Постановление Правительства Республики Алтай от 29.06.2018 № 201 "Об утверждении государственной программы Республики Алтай "Развитие экономического потенциала и предпринимательства" (с изменениями на 16 октября 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550138489> (дата обращения: 20.01.2020).
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2018 № 2985-р "План мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" [Электронный ресурс]. URL: https://sovetsnational.ru/netcat_files/documents/Plan_real_nats.Strategii_2019_21_g.g...pdf (дата обращения: 21.01.2020).
15. Российская Федерация. Законы. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. М.: Маркетинг, 2001. 39 с.
16. Софронова Л. А. О проблемах идентичности // *Культура сквозь призму идентичности*. М.: Индрик, 2006. С. 8–24.
17. Тишков В. А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // *Вестник Российской нации*. 2018. № 6 (64). С. 9–30.
18. Тория (Агрба) Ж. Н. Гражданская идентичность как объект социолого-коммуникативного исследования: эволюция научных подходов. *Коммуникология*. 2017. Том 5. № 4. С. 103–110.
19. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // *Психологические исследования*. 2012. № 5 (26) [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.01.2020).

20. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 21.01.2020).
21. Ушаков Д. В. Воспроизводство этничности в системе этнокультурных взаимодействий: теоретическая модель // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник / под ред. Ю. В. Попова. Новосибирск: Nonпарель, 2004. Вып. 6. С. 52–57.
22. Федулова А.В. Проблемы формирования гражданской идентичности и межкультурной коммуникации в Российской Федерации // Коммуникология. 2018. Том 6. № 6. С. 81–87.
23. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 158–181.
24. Beck U. The Reinvention of Politics: Toward a Theory of Reflexive Modernization // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 1–55.
25. Benet-Martinez V., Hong Y.-Y. Oxford Handbook of Multicultural Identity. NY: Oxford Univ. Press, 2014. 560 p.
26. Boticci C., Challand B. Imagining Europe: Myth, Memory, and Identity. Cambridge University Press, Cambridge, USA, 2013. 201 p.
27. Cote J. E., Schwartz S. J. Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process // Journal of Adolescence. 2002. № 25. P. 571–586.
28. Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1980. 192 p.
29. Fox M. A New Look at Personal Identity // Philosophy Now. 2007. Vol. 62. P. 10–11.
30. Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. London: Sage Publications & Open University, 1997. 392 p.
31. Kehily M. What is identity? A sociological perspective // Seminar Series: The educational and social impact of new technologies on young people in Britain, 2 Mar 2009, London School of Economics, UK, 2009.
32. Luckmann T. Personal identity as a sociological category. Zagreb, 2006.
33. Stryker S., Burke P. J. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Special Millenium Issue. 2000. Vol. 63. № 4. P. 284–297.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Aleksandrenkov Eh. G. "Ehtnicheckoe samocoznanie" ili "ehtnicheckaya identichnost'"? // Ehtnograficheskoe obozrenie. 1996. № 3. S. 13–22.
2. Andreeva G. M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'nykh transformatsij // Psikhologicheskie issledovaniya. 2011. № 6 (20). [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashheniya: 20.01.2020).
3. Blagovskaya E. V. Ehtnicheskaya identichnost' kak osnova formirovaniya institutov ehtnichkoy identifikatsii v Respublike Altaj : sotsial'no-filosofskij analiz : dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk : 09.00.11 / Blagovskaya Evgeniya Vasil'evna; [Mesto zashhity: Zabajk. gos. un-t]. Gorno-Altajsk, 2013. 149 s.
4. Dzhanteeva D. S. Ehtnicheskaya identichnost' v politicheskikh kommunikatsiyakh // Kommunikologiya. 2018. Tom 6. № 2. S. 133–141.
5. Drobizheva L. M. Ehtnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossijskoj Federatsii. Opyt 20 let. M.: Novyj khronograf, 2013. 336 s.
6. Zadornaya E. S. Reprezentatsii natsional'noj identichnosti v kul'turnoj politike stran Severo-Vostochnoj Azii // Kommunikologiya. 2019. Tom 7. № 3. S. 121–135.
7. Zakon Respubliki Altaj ot 5.05.2008 № 42-RZ "O respublikanskoj tselevoj programme "Ehkonomicheskoe i sotsial'noe razvitie korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altaj do 2015 goda" [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/32252343/>.
8. Krylov A. N. Ehvolutsiya identichnostej: krizis industrial'nogo obshhestva i no-voe samopoznanie individa. M.: Izdatel'stvo Natsional'nogo instituta biznesa, 2010. 272 s.
9. Lobacheva E. V. Ehtnicheckaya identichnost' lichnosti kak ob"ekt icledovaniya covremennogo gumanitarnogo znaniya // Vestnik Nizhegorodskogo univerciteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 4 (12). С. 121–127.
10. Malochislennye narody na Altae dobivayutsya "sotsial'nykh pensij" [Ehlektronnyj resurs]. Zagl. s ehkrana. URL: <https://regnum.ru/news/society/2279398.html> (data obrashheniya: 20.01.2020).
11. Mamedov A. K., Yakushina O. I. Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu identichnosti v sovremennoj sotsiologicheskoy nauke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2015. № 1. S. 43–59.
12. Obshhestvennye organizatsii [Ehlektronnyj resurs]. Zagl. s ehkrana. URL: <https://altai-republic.ru/society/public-organizations/> (data obrashheniya: 21.01.2020).

13. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Altaj ot 29.06.2018 № 201 "Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy Respubliki Altaj "Razvitie ehkonomicheskogo potentsiala i predprinimatel'stva" (s izmeneniyami na 16 oktyabrya 2019 goda) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550138489> (data obrashheniya: 20.01.2020).
14. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 28.12.2018 № 2985-r "Plan meropriyatij po realizatsii v 2019–2021 godakh Strategii gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://sovetsnational.ru/netcat_files/documents/Plan_real._nats.Strategii_2019_21_g.g...pdf (data obrashheniya: 21.01.2020).
15. Roccijkaya Federatsiya. Zakony. O garantiyax prav korennyx malochislennyx narodov Roccijkoj Federatsii. M.: Marketing, 2001. 39 c.
16. Sofronova L. A. O problemakh identichnosti // Kul'tura skvoz' prizmu identichnosti. M.: Indrik, 2006. S. 8–24.
17. Tishkov V. A. Kontseptual'naya dinamika ehtnopolitiki v Rossii (ot Gorbacheva do Putina) // Vestnik Rossijskoj natsii. 2018. № 6 (64). S. 9–30.
18. Toriya (Agrba) Zh. N. Grazhdanskaya identichnost' kak ob'ekt sotsiologo-kommunikativnogo issledovaniya: ehvolyutsiya nauchnykh podkhodov. Kommunikologiya. 2017. Tom 5. № 4. S. 103–110.
19. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. Identichnost' kak psikhologicheskij konstrukt: vozmozhnosti i ogranicheniya mezhdistsiplinarnogo podkhoda // Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. № 5 (26) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashheniya: 20.01.2020).
20. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 19.12.2012 № 1666 "O Strategii gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 06.12.2018 № 703) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (data obrashheniya: 21.01.2020).
21. Ushakov D. V. Vosproizvodstvo ehtnichnosti v sisteme ehtnokul'turnykh vzaimodejstvij: teoreticheskaya model' // Ehtnosotsial'nye protsessy v Sibiri: tematicheskij sbornik / pod red. Yu. V. Popkova. Novosibirsk: Nonparel', 2004. Vyp. 6. S. 52–57.
22. Fedulova A. V. Problemy formirovaniya grazhdanskoj identichnosti i mezhkul'turnoj kommunikatsii v Rossijskoj Federatsii // Kommunikologiya. 2018. Tom 6. № 6. S. 81–87.
23. Yadov V. A. Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsial'noj identichnosti lichnosti // Mir Rossii. 1995. T. 4. № 3-4. S. 158–181.
24. Beck U. The Reinvention of Politics: Toward a Theory of Reflexive Modernization // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 1–55.
25. Benet-Martinez V., Hong Y.-Y. Oxford Handbook of Multicultural Identity. NY: Oxford Univ. Press, 2014. 560 r.
26. Boticci C., Challand B. Imagining Europe: Myth, Memory, and Identity. Cambridge University Press, Cambridge, USA, 2013. 201 r.
27. Cote J. E., Schwartz S. J. Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process // Journal of Adolescence. 2002. № 25. P. 571–586.
28. Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1980. 192 r.
29. Fox M. A New Look at Personal Identity // Philosophy Now. 2007. Vol. 62. R. 10–11.
30. Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. London: Sage Publications & Open University, 1997. 392 p.
31. Kehily M. What is identity? A sociological perspective // Seminar Series: The educational and social impact of new technologies on young people in Britain, 2 Mar 2009, London School of Economics, UK, 2009.
32. Luckmann T. Personal identity as a sociological category. Zagreb, 2006.
33. Stryker S., Burke P. J. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Special Millenium Issue. 2000. Vol. 63. № 4. P. 284–297.

Говорухина Г. В., Благовская Е. В. Институты этнической идентификации в Республике Алтай.

Авторы объясняют различие подходов к трактовке понятия "этническая идентичность" и описывают основные характеристики институтов этнической идентификации. На примере Республики Алтай они раскрывают особенности основных традиционных и инновационных институтов этнической идентификации; ставят вопрос о необходимости специальных исследований формирования и функционирования инновационных институтов этнической идентификации, что обусловлено, с их точки зрения, изменением социально-экономических и информационно-культурных условий жизни коренных народов России.

Ключевые слова: *идентичность, этническая идентичность, идентификация, институты этнической идентификации, коренные народы*

Govorukhina G. V., Blagovskaya E. V. Institutions of Ethnic Identification in the Altai Republic.

The authors explain the difference in approaches to the interpretation of the concept of "ethnic identity" and describe the main characteristics of the institutions of ethnic identification. Using the Republic of Altai as an example, they reveal the characteristics of the main traditional and innovative institutions of ethnic identification; They raise the question of the need for special studies of the formation and functioning of innovative institutions of ethnic identification, which is due, from their point of view, to a change in the socio-economic and information-cultural conditions of life of indigenous peoples of Russia.

Key words: *identity, ethnic identity, identification, institutions of ethnic identification, indigenous peoples*

Для цитирования: Говорухина Г. В., Благовская Е. В. Институты этнической идентификации в Республике Алтай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 102–110. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/102-110

For citation: Govorukhina G. V., Blagovskaya E. V. Institutions of Ethnic Identification in the Altai Republic // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 102–110. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/102-110

УДК 947.088:2 (571.6)

Дударёнок С. М.

Религия в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции. 1990-е гг.

Последнее десятилетие XX в. послужило началом глубоких перемен в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях россиян. В 1990-е гг. существенно изменилось отношение к религии, к её месту в повседневной и общественной жизни. Возрождение религиозно-церковных традиций перестало восприниматься как необычное, удивительное истораживающее явление. Религиозный фактор стал настолько активен и влиятелен, что его игнорирование стало практически невозможным.

Целью данной статьи является попытка выявить роль религии в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции в 1990-е гг. Планируется рассмотреть процесс поиска дальневосточной интеллигенцией в постперестроечные годы "новых" основ собственной идентичности, места и роли в этом процессе религиозного фактора.

Источниковая база исследования состоит из двух равноправных частей: полевого дневника автора, составленного на основе включенного наблюдения мероприятий, проводимых представителями традиционных и нетрадиционных религий, встреч с миссионерами, посещения религиозных общин как индивидуально, так и со студентами ДВГУ в период с 1989 по 1996 г.; вторая часть источников – публикации в СМИ, внутренняя литература традиционных и нетрадиционных религий, материалы текущих архивов отделов по связям с общественными и религиозными организациями администраций Дальневосточного федерального округа.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ, предполагающий выделение наиболее существенных проблем в отношениях "религия-интеллигенция"; выявление объективных и субъективных причин роста интереса дальневосточной интеллигенции к традиционным и нетрадиционным религиям в начале 1990-х гг. и падение этого интереса после принятия ФЗ "О свободе совести и религиозных объединениях" (1997 г.).

Годы "перестройки" ознаменовались бурным всплеском интереса в России к религии, в том числе к нетрадиционным религиям, активность которых, по утверждению крупнейшего отечественного религиоведа Е. Г. Балагушкина, проявляется в эпохи кризиса и общественных потрясений, в переломные периоды истории, связанные с глубокими изменениями экономики и быта, политических настроений и общего мироощущения человека [1, с. 18–32]¹.

Хотя ряд факторов, порождающих религиозные новации одинаков, но определяющую роль в широком распространении в постсоветской России нетрадиционных религий сыграли особые обстоятельства: неблагоприятная социальная и духовная атмосфера 1980-х гг. В этой ситуации движение к

¹ В отечественной и в зарубежной литературе для определения данного явления, наряду с понятием "нетрадиционные религии", используют определение "новые религиозные движения" (НРД) [2].

© Дударёнок С. М., 2020

ДУДАРЁНОК Светлана Михайловна, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: dudarenoksv@gmail.com

"церкви и религии становится совершенно естественным – так же, как до революции было совершенно естественным движение к атеизму" [30, с. 13]. В интеллигентских кругах, в том числе и на Дальнем Востоке, распространяются самые причудливые формы религиозно-философских умонстроений. В основном эти учения имели синкретический характер, эклектически соединяя элементы разных религий и философских систем. Даже названия звучали довольно экзотично: "кровосвятцы", "красноордынцы", "ковчезники", "пищесвятцы", "домовитяне", "греховники", "доброверцы", "хазаряне", "дурики", "пустоверцы" и т.д. [32, с. 29–125].

Распространение нетрадиционных религий "иностранным происхождения" в большей степени - результат резких и глубоких социокультурных изменений конца 1980-х – начала 1990-х гг. В результате "перестройки" Россия, теряя статус великой державы, лишившись прежней роли в геополитике, утратив национальную идею, цель и стратегию развития человека, общества, нации и государства, переместилась из одного исторического периода в другой [22, с. 22]. Эти социокультурные изменения породили чувство пессимизма, бесперспективности жизни, психологическое ощущение хрупкости окружающего мира. Все это привело к активному поиску россиянами "основ" своего индивидуального (а не коллективного) существования. Взоры российской интеллигенции обратились к религии, в том числе к нетрадиционным религиям, обличающим "лицемерную апологетику властей и коррумпированность церковных институтов" [1, с. 18–32].

Новое законодательство в сфере свободы вероисповедания (1990 г.) находилось ряд лет в стадии своего становления, из-за чего "была создана возможность волонтаризма и злоупотреблений в этой сфере, а сами религиозные организации остались не только без контроля, но и без защиты государства" [15, с. 2]: был упразднен Совет по делам религий СССР, а в ноябре 1991 г. были ликвидированы все государственные органы, координирующие взаимоотношения государства и религиозных объединений.

В стране нарастала религиозная конфликтность, ксено- и сектофобия; усиливалась конфронтация поборников православия, выступающих под лозунгом защиты традиционной национальной культуры от угрозы ее разрушения со стороны иноверцев, и последователей многочисленных нетрадиционных религий, требовавших неограниченной религиозной свободы [20, с. 183–185]. Наиболее остро эти процессы протекали на фронтальных территориях к которым традиционно относится российский Дальний Восток, в силу специфики своего заселения и освоения являвшийся исторически секулярным регионом.

К началу 1990 г. только 10.611 чел., что составляло примерно 0,17% от общего количества населения региона, являлись верующими. На огромной территории действовало всего 160 религиозных общин и групп православного (27 – РПЦ, 6 – старообрядцы), баптистского (ВСЕХБ – 41; СЦ ЕХБ – 12), адвентистского (21), пятидесятнического (30), Свидетели Иеговы (7), иудейского (1), меннонитского (1), языческого (14) вероисповеданий, как официально зарегистрированных, так и действующих без регистрации [11, с. 375], священнослужители которых были не готовы к огромному интересу к религии со стороны студенческой молодежи и интеллигенции, не имеющих опыта "жизни в Боге", к притоку в общины огромного количества неопитов. Даже в конце 1990-х гг. анализ ситуации в религиозной сфере позволял некоторым исследователям делать вывод, что российский Дальний Восток "все еще по многим причинам представляет собой религиозно не оформившуюся территорию" [27, с. 188].

Для дальневосточного региона последствия "перестроечных" лет были более негативны, чем для центральных регионов страны. Проводимая Москвой в 1990-е годы в отношении Дальнего Востока политика сформировала в сознании дальневосточников чувство "ненужности" федеральному центру, поставила перед ними задачу найти новую опору для своего существования ("спасение утопающих дело рук самих утопающих").

Наиболее "чувствительной" к последствиям "перестроечных" лет (многочисленные задержки заработной платы, сокращение рабочих мест, закрытие ряда научно-исследовательских учреждений и пр.) оказалась дальневосточная интеллигенция, значительная часть которой получила образование

в центральных регионах страны, приехала на Дальний Восток по распределению, но продолжала поддерживать научные и дружеские связи со своими коллегами в центральных регионах страны. Возможно, именно этим можно объяснить тот факт, что как только некая "религиозная новация" появлялась в Москве или в Ленинграде (с 1991 г. Санкт-Петербург), она тут же появлялась во Владивостоке (**Полевой дневник автора**).

Реакция на кризисные явления дальневосточной интеллигенции была различной: часть покинула территорию Дальнего Востока, переехав в европейскую часть страны и страны АТР (наибольший отток произошел из северных субъектов региона), другая – попыталась обратиться к "национальным" корням, меняя в мировоззрении самоидентификацию "дальневосточник" на национальную принадлежность.

С начала 1990-х годов на Дальнем Востоке активно шел процесс создания культурно-национальных центров, основную роль в этом процессе играла местная "национальная" интеллигенция. Очень часто "национальной" кровью в человеке было четверть или даже восьмая часть, но в условиях кризиса принадлежность к "родственной" социальной группе была определяющей. Считая, что основу "национальной культуры" составляет религия (поляки должны быть католиками, немцы – лютеранами, татары – мусульманами и пр.), дальневосточная интеллигенция всячески способствовала возрождению иудейских, католических, лютеранских, мусульманских и пр. общин (**Полевой дневник автора**).

Результаты такой культурно-национально-религиозной самоидентификации имели негативные последствия для демографии региона: все эти организации, как культурные, так и религиозные много сделали для того, чтобы талантливая молодежь и интеллигенция переезжала на "историческую родину". В начале 1990-х уезжали не только евреи, поляки, немцы, латыши, эстонцы, но и русские ребята – студенты дальневосточных вузов -, которым возрожденные иудейские, католические и лютеранские общины оплатили обучение в ведущих европейских университетах (**Полевой дневник автора**).

Третьи – пытались обрести веру, найти единомышленников и поддержку в существующих православных и протестантских общинах.

Немногочисленные православные приходы и их настоятели оказались не готовы к приему молодых и хорошо образованных неопитов: в начале 1990-х гг. православные приходы Дальнего Востока не имели квалифицированных миссионеров, а пожилые прихожанки не очень жаловали "по ошибке забредших" в храм молодых людей.

Большими возможностями в работе с молодежью и интеллигенцией обладали протестантские церкви, получавшие в 1990-е гг. значительную материальную и моральную помощь от своих зарубежных единоверцев.

Крупнейшим евангелизационным событием, сыгравшим значительную роль в возникновении интереса интеллигенции и студенчества к протестантской религиозной традиции, стал приход в июне 1992 г. в порт Владивосток корабля "Dollas" с интернациональной командой на борту. Это была грандиозная миссионерская программа. "Белый пароход", как о нём говорили верующие, привёз духовную литературу, Библии и Новые Заветы, а также гуманитарную помощь, собранную христианами разных стран. Каждое воскресенье на причале возле корабля проводились праздничные вечера - "Dollas-фиеста". На самом судне работали интернациональные кафе, где жители не только Владивостока, но и всего Дальнего Востока могли познакомиться с верующими из Англии, Венгрии, Новой Зеландии, Филиппин, Германии, Индии, США и других стран, узнать, как они "пришли к Богу", услышать христианские гимны в исполнении членов экипажа, увидеть национальные костюмы и насладиться танцами различных народов мира.

Для всех желающих на борту "Dollas" ежедневно проводились различные конференции и семинары, на которых выступили известные миссионеры из разных стран мира. Во время нахождения "Dollas" во Владивостоке, молодые люди, как верующие протестантских общин, так и те, кто заинтересовался евангельским учением, активно участвовали в евангелизационных программах: бесплатно раздавали духовную литературу; приглашали на собрания и встречи на судно или в свои общины; работали на судне волонтерами (продавцами на книжной выставке, помощниками на кухне, уборщиками поме-

щений, грузчиками в трюме, помогали в ремонте и профилактике судового оборудования). Те, кто знал английский язык, работали переводчиками в общении между гостями и экипажем судна, а имеющие личный автотранспорт развивали гуманитарную помощь по церквям (**Полевой дневник автора**).

Протестантские церкви, созданные при содействии иностранных миссионеров [21, с. 26–30], стали привлекательными для дальневосточной интеллигенции в 1990-х гг. не только в силу удовлетворения возникших у них религиозных потребностей, но из чисто меркантильных соображений. Они вели разнообразную внерелигиозную деятельность: оказывали материальную помощь своим прихожанам; организовывали бесплатные курсы по изучению английского и корейского языков; бесплатные экскурсии для прихожан в Южную Корею; шефствовали над детскими домами, домами престарелых и больницами; работали с заключенными; организовывали семинары и конференции для пасторов и интересующихся Библией; оказывали материальную помощь неимущим, одаренным детям и малочисленным народам Дальнего Востока; на протяжении ряда лет раздавали хлеб, организовывали раздачу одежды и продуктов питания; проводили бесплатные обеды и оказывали парикмахерские услуги малоимущим жителям и пр. [6, с. 39–46].

В обстановке кризиса для многих представителей интеллигенции старшего возраста материальная помощь, оказываемая миссионерами, помогала выжить, а для студенческой молодежи участие в миссионерских благотворительных программах являлось способом проявления своей гражданской активности.

Помимо традиционных для Дальнего Востока религий дальневосточная студенческая молодежь и интеллигенция в 1990-е гг. стала искать опору своему индивидуальному существованию в различных псевдорелигиозных группах и нетрадиционных религиях, верования которых после принятия Закона "О свободе вероисповедания" (1990 г.) стало активно распространяться на территории Дальнего Востока миссионерами сопредельных стран.

В Приморском и Хабаровском краях конфессиональное разнообразие подобных новообразований было значительным и включало в себя не менее 30–40 наименований. Среди них Аум Сенрикё, Ананда Марг, Ассоциация Святого духа за объединение мирового христианства (муниты), Белое братство-ЮСМАЛОС, Шри Чинмоя, сторонники "Нью Эйдж", Церковь Последнего завета Христа Виссариона Минусинского, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), Международное Общество Сознания Кришны, Вера Бахаи, Церковь Саентологии (Дианетика), Трансцендентальная Медитация, Агни-Йога (Учение Живой Этики), Миссия Божественного света, Радостея (последователи Дуси Марченко), Родная вера, Церковь Христа (Бостоновское движение) и др. Владивосток по конфессиональному разнообразию нетрадиционных религий в 1990-х годах уступал только Москве и Санкт-Петербургу (**Полевой дневник автора**).

Верования указанных нетрадиционных религий довольно сложны для понимания и требуют определенной подготовки [10], поэтому дальневосточные общины различных нетрадиционных религий почти на сто процентов состояли из интеллигенции и студенчества.

В начале 1990-х годов проникновение и распространение на территорию российского Дальнего Востока нетрадиционных религий было воспринято дальневосточной интеллигенцией и студенчеством положительно. Среди заинтересовавшихся новомодными учениями было много тех, кто проявлял интерес к восточной и западной философии, занимался различными видами единоборств, интересовался медитативными практиками и пр. В личном общении они часто говорили о том, что принадлежат к тем религиозным учениям, лидеры которых пользуются симпатией высшего руководства страны: от президента М. С. Горбачёва до региональной политической элиты (**Полевой дневник автора**).

Это, как ни странно, было реальностью. Так, например, брошюра "Перестройка и новое мышление для нас и всего мира" [7] первого и последний президента Советского Союза М. С. Горбачева стала популярнейшим произведением в среде нью-эйджеров. Начало его деятельности в процессе формирования новой государственной политики, касающейся оценок феномена нетрадиционных религий, ознаменовалось демонстрацией полного одобрения и

поддержки всех зарубежных лидеров подобного рода объединений, выразивших желание "приобщить" нашу страну к новым образцам религиозной веры. Встречи М. С. Горбачева в 1990 г. с Сан Мен Муном и Шри Чинмоем открыли "железный занавес" для активного проникновения в Россию вчерашних "врагов и мракобесов".

"Гуру" Шри Чинмой, регулярно проводивший "медитации мира" при ООН, посвятил "махатме Горбачеву" целую серию гимнов и песен. В сборнике "Один мир для всех – контуры глобального сознания" [19], М. С. Горбачев оказалась в одном ряду с такими известными "пророками" Нью-эйдж, как Фритгоф Капра и Хейзел Хендерсон. Даже после того, как М. С. Горбачев отошел от участия в большой политике, его идеологические и религиозные предпочтения не только не изменились, но и продолжали развиваться в том же направлении, что явно демонстрировали форумы Фонда Горбачева.

Теплый прием был оказан российскими чиновниками, например, представителем Церкви Саентологии. Шумная презентация книги Р. Хаббарда "Дианетика – современная наука душевного здоровья" [31] состоялась 31 марта 1993 г. в Кремлевском Дворце Съездов. Весной 1995 г. посетившему Пермь высокопоставленному представителю Церкви Саентологии были вручены символические ключи от города. Во время церемонии мэр города В. Филь объявлялся переводить весь город на хаббардовскую систему управления.

Руководитель движения Сахаджа-йога Шри Матаджи Нирмала Дэви сумела в начале 1990-х гг. очаровать мэра Тольятти, администрации АвтоВАЗа и АвтоВАЗбанка, которые предоставили ей для передвижения по стране вазовский самолет, автотранспорт, стадион для массовых "чисток кармы", и это притом, что в самой Индии данное движение малоизвестно и не входит в число официально признанных религий. Подобных примеров можно приводить бесконечно много.

Специалисты Управлений юстиции регионов Дальнего Востока, в ведение которых были переданы вопросы регистрации религиозных объединений, не обладали достаточными знаниями по культовым и доктринальным вопросам нетрадиционных религий, руководствовались в своей деятельности уставной, положенной в основу закона "О свободе вероисповедания" (1990 г.), о религиозном плюрализме как фундаменте реальной свободы совести и непререкаемом условии принадлежности государства к категории демократических. Не во всех краевых и областных администрациях регионов Дальнего Востока имелись специалисты уровня уполномоченных по делам религий, способные квалифицированно анализировать процессы, протекающие в религиозной жизни региона. В результате, в первой половине 1990-х гг. ситуация в религиозной сфере была пущена на самотек.

Отношение дальневосточной интеллигенции к нетрадиционным религиям в начале 1990-х гг. было во многом обусловлено их социокультурной деятельностью. Благожелательное отношение к вайшнавам (Общество Сознания Кришны – ОСК) и мормонам (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней – ЦИХСПД), определялось тем, что они, вслед за протестантскими миссиями, занялись просветительской и благотворительной деятельностью.

Так, например, владивостокские вайшnavы, община которых в 1990 г. состояла из 125 человек студентов владивостокских вузов и творческой интеллигенции в первой половине 1990 г. периодически встречалась со студентами и сотрудниками ДВГУ, научной общественностью Академгородка ДВО РАН, жителями г. Владивостока в Доме актера и в различных клубах (**Полевой дневник автора**).

На данные встречи приходило много желающих узнать о вайшнавах, их вероучении и культовой практике. Так 24 и 25 мая 1990 г. на встречах в Матросском клубе присутствовало по 1000 человек (**ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 213. Л. 1-6**)².

В 1991 г. во Владивостоке по инициативе вайшнавов открылось вегетарианское кафе "Харе Кришна". С начала 1993 г. там ежедневно раздавали бесплатные обеды для одиноких пенсионеров. Для координации благотворительной деятельности в 1994 г. вайшнавами Владивостока была зарегистрирована Благотворительная Общественная Организация "Food for Life – Пища

² ГАПК – Государственный архив Приморского края

для жизни", ставшая стала одним из учредителей Приморского продовольственного фонда. С мая 1994 г., кроме кафе "Харе Кришна" вайшнавцы организовывали благотворительные обеды в парке Минного городка. Большую поддержку эта деятельность получила в отделах социальной защиты населения администраций Фрунзенского и Ленинского районов Владивостока. В 1994 г. программа "Food For Life – Пища для жизни" получила положительную оценку и местной прессы [14; 23; 29].

Свои благотворительные программы в России ЦИХСПД (мормоны) стала реализовывать с 1984 г. Это предоставление продовольствия, одежды, учебных материалов, медицинского оборудования, консультации в области сельского хозяйства и медицины. Через разные благотворительные организации с 1 января 1984 г. по 19 мая 2003 г. ЦИХСПД осуществила в России 657 гуманитарных проектов на миллионы долларов США [9, с. 24].

Первый гуманитарный проект на территории Дальнего Востока ЦИХСПД осуществила в Приморском крае в 1992–1993 гг.: через Международную гуманитарную службу "Забота" передала нуждающимся 35.700 кг одежды для женщин и детей [9, с. 23]. Можно предположить, что в определенной мере интерес к ЦИХСПД у россиян, в том числе дальневосточников, – результат благотворительной деятельности Церкви.

Ю. А. Курашов – заместитель генерального директора АО "Приморскуголь", в беседе с журналистом газеты "Новости", говорил о членах ЦИХСПД: "Я с кем встречаюсь, обязательно приглашаю сюда прийти и послушать американцев. Сначала посещал с осторожностью, думал, здесь что-то, принесенное в страну для растления. Но неожиданно влюбился в этих людей, хочу, чтобы моя семья шла их путем. Дочь приняла здесь крещение, сегодня уже сама читала первую проповедь... Здесь учат патриотизму, любви к своему народу... Церковь указывает, что я и моя семья можем выгнать страну из гибели" [12].

Деятельность же многих других нетрадиционных религий обостряла и без того сложную социокультурную ситуацию. Так миссионерский десант Церкви Христа (Бостоновское движение), состоящий из 10 человек во главе с Дериком Вэттом, американским проповедником, направленным Международной Церковью Христа для миссионерской работы в Санкт-Петербург, откуда он и прибыл во Владивосток в 1993 г., взял на себя "спасительную миссию варягов". Десант располагал значительными финансовыми ресурсами, на которые арендовал для начала миссионерской деятельности ДК им. Дзержинского (ТАОСОРОА ПК. Д. 21. Л. 8–9)³. Дерик Вэтт в своих проповедях (на некоторых из них присутствовала автор) допускал оскорбительные выпады против Русской Православной Церкви (РПЦ) и других христианских Церквей, иногда нелестно отзывался и о русском народе в целом (**Полевой дневник автора**). Твердая убежденность, что только Бостоновское движение - "истинная церковь Бога", было зафиксировано и в "Программе Владивостокской Церкви Христа", где прямо утверждается: "Цель Церкви состоит в восстановлении христианства... Мы единственная Церковь, которая имеет работающий план, позволяющий основать Церковь в каждой стране мира за одно поколение" (ТАОСОРОА ПК. Д. 27. Л. 5). Цель миссионерского десанта, прибывшего во Владивосток, была успешно выполнена: 13 июня 1993 г. создана Владивостокская Церковь Христа. Первым лидером ее стал миссионер Макс Фельдман [17].

Возможно именно в пренебрежении к России, РПЦ и русскому народу в целом заключается причина того, что для значительного количества "учеников" нахождение во Владивостокской церкви Христа было транзитным: через данную церковь в 1990-е гг. прошло более 3.500 человек (в основном студентов владивостокских вузов), но количество членов церкви никогда не превышало 250–300 человек (**Полевой дневник автора**).

У нас нет возможности рассмотреть влияние на политические ориентации и мировоззренческие установки дальневосточной интеллигенции и студенчества всех 30-40 направлений нетрадиционных религий, отметим только, что ко многим из них во второй половине 1990-х гг. отношение становится

³ ТАОВШПОРО АО – Текущий архив отдела по взаимодействию с политическими партиями, общественными и религиозными объединениями аппарата Губернатора Амурской области.

резко отрицательным, не только из-за постоянного нарушения их представителями российского законодательства, но и определенной опасности потери дальневосточниками национальной идентичности.

Изменение отношения к нетрадиционным религиям дальневосточной интеллигенции и студенчества можно проследить на примере изменения отношения к Церкви Объединения (Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства – муниты).

Первые муниты появились на территории Дальнего Востока в 1922 г. В своей миссионерской деятельности они ориентировались на преподавателей местных вузов и школ, студентов, журналистов и молодых предпринимателей.

В конце февраля 1993 г. во Владивосток из Москвы прибыла группа мунитов во главе с эмиссаром Межвузовской ассоциации по изучению принципа (КАРП) проф. Казуоши Икено и региональным директором образовательных программ мунитского Международного Фонда Образования австрийца П. Сейвера, который к этому времени почти год провел в Приморье, сотрудничая с органами образования и проводя различные семинары в Уссурийске на базе сельскохозяйственного института (ТАОСОРОА ПК. Д. 9. Л. 11). Эта группа обосновалась в лечебном профилактории "Тихоокеанский", где вплоть до 3 июля 1993 г. проводила "семинары по лидерству", представляющие собой изложение основ вероучения Церкви Объединения [5, с. 396]. Чуть позднее в музее им. В. К. Арсеньева начал работать лекторий по изучению Принципа, которым руководили американец Янк Клиффорд и болгарин Янко Кирков.

Янко Кирков, хорошо говорящий по-русски, выявлял среди посетителей лектория "наиболее перспективных" для последующего обучения в учебном центре, где новичку предлагался поэтапный и систематизированный курс обучения в течение 7, 21, 40 и 120 дней. Наибольший интерес к учению Церкви Объединения проявляли учителя средних школ. Последний этап обучения, скорее всего, проходил на базе отдыха "Тавайза" или в лечебном профилактории "Тихоокеанский", куда новички уезжали на все лето (Полевой дневник автора).

Организаторы "учебного процесса" брали на себя расходы по проживанию и питанию учащихся на весь срок обучения. Учащиеся ни на минуту не оставались одни: совместно работали, слушали лекции, молились по 14–16 часов в сутки. Главный запрет для новичка – контакты с родителями, которые организаторы стремились свести к минимуму, настраивая учащихся не общаться с родственниками, так как они – не истинные дети Божьи, ибо погрязли в грехах. В это же время миссионеры Церкви Объединения преподавали курс "Мой мир и я" во Всероссийском Детском Центре "Океан", путевками куда дальневосточных школьников награждали органы образования за хорошую учебу и активное участие в общественной работе, а также читали свои лекции 10–12-летним школьникам школ в бухте Врангеля [4].

В июле 1994 г. в прокуратуру Ленинского района Владивостока поступило заявление матерей владивостокских подростков, "отдохнувших" в "Океане", в котором они требовали оградить их детей от "влияния мунитов, незаконно ведущих свою деятельность во Владивостоке" [26]. Администрация Приморского края потребовала от ОВИР УВД "проверить законность пребывания и деятельности на территории края миссионеров Церкви Объединения", так как со "стороны родителей, дети которых втянуты в эту церковь, много жалоб. Своими действиями выше перечисленные иностранцы нарушают как условия проживания в России, так и российское законодательство в сфере свободы совести" (ТАОСОРОА ПК. Д. 18. Л. 7).

Проверка показала, что миссионеры живут во Владивостоке незаконно, тем не менее, снимают квартиры и работают преподавателями в вузах. В СМИ края появились критические статьи о Церкви Объединения [26 и др.]. Наибольшее внимание приморских журналистов вызвала деятельность владивостокского отделения Ассоциации Святого Духа за Объединение Мирового Христианства, которое возглавлял в 1994 г. 28-летний кореец Чо, корреспондент южнокорейской газеты "Сече-Тайм", рупора Церкви Объединения в Южной Корее (ТАОСОРОА ПК. Д. 18. Л. 14).

После критических публикаций в прессе дирекция краеведческого музея им. В. К. Арсеньева отказала Владивостокской ЦО в аренде помещений

музея для проведения семинаров и воскресных служб, служба ОВИР УВД края не продлила визы руководителям Церкви: японцу Казуоюши Икена и болгарину Янко Киркову. Был выслан из Владивостока и Клиффорд Янк, на чьей визитной карточке гордо значилось "Региональный Директор Приморского края" (**ТАОСОРОА ПК. Д. 18. Л. 19, 63**). Данные события резко изменили отношение к Церкви Объединения в среде приморских журналистов: они проигнорировали, организованный владивостокской ЦО в сентябре 1994 г., во время визита во Владивосток исполнительного директора Международного Фонда образования Джека Корли, семинар для средств массовой информации, чтобы дать журналистам "возможность получить необходимую информацию из первых рук о Преподобном Сан Мен Муне и Движении Объединения в целом" (**ТАОСОРОА ПК. Д. 18. Л. 6**). Для проведения семинара было арендовано помещение в здании Географического общества. Расходы по проведению семинара, включая питание участников семинара, несла ЦО, но приморские журналисты, несмотря на заблаговременно разосланные приглашения, семинар проигнорировали: на нем присутствовали всего 5 журналистов (**Полевой дневник автора**).

После неудачи с проведением семинара Д. Корли совместно с членами Приморской ЦО провел в ноябре того же года в здании Географического общества пресс-конференцию для "пропаганды мунизма через печать, радио и телевидение". И эта попытка была неудачной: присутствующие журналисты были настроены скептически и постоянно задавали Корли провокационные вопросы, на которые он не мог ответить аргументировано (**Полевой дневник автора**). Пресс-конференция еще больше дискредитировала Церковь Объединения в глазах приморских журналистов, побывавших на этой конференции. Об этом можно судить по их публикациям. Они были открыто негативными: вся история и доктрина ЦО подавалась в них с критических позиций [25].

Негативные публикации в СМИ о Церкви Объединения изменили отношение не только к ней, но и ко многим другим нетрадиционным религиям. Их деятельность на российском Дальнем Востоке стала восприниматься значительной частью дальневосточной интеллигенции как экспансия, угрожающая национальным интересам [28].

К середине 1990-х гг. представители органов власти ряда субъектов Дальнего Востока осознали, что религия определяет облик той или иной цивилизации и способствует контролю государства над собственным географическим пространством, а пропаганда иных религиозных ценностей может объективно способствовать утрате этого контроля.

Скандалы вокруг "Белого Братства – ЮСМАЛОС", "АУМ Сенрикё", "Церкви Последнего Завета" и пр. начинают менять отношение дальневосточных богоискателей, значительная часть из них поняла, что искать основу самоидентификации, опираясь на чуждые религиозные традиции бесперспективно.

6 февраля 1995 г. Администрация Приморского края для "оказания помощи государственным органам, общественным, религиозным объединениям и иным организациям по применению и исполнению на территории Приморского края законодательства о свободе совести и вероисповеданиям" создала Экспертно-консультативный Совет по свободе совести и вероисповеданиям (**Полевой дневник автора**), который включал в себя не только Совет экспертов из специалистов-религиоведов и представителей различных организаций и учреждений, но и Совет консультантов, в который вошли представители наиболее авторитетных религиозных конфессий края, а 20 марта 1996 г. был принят Закон Приморского края "О миссионерской деятельности на территории Приморского края" [13], который устанавливал обязательную аккредитацию для религиозных организаций, ведущих миссионерскую деятельность, и вводил ряд ограничений. Миссионерская деятельность в отношении несовершеннолетних допускалась только по желанию и при наличии письменного согласия родителей (ст. 9).

Несмотря на то, что свобода совести относилась в соответствии с Конституцией РФ к ведению федеральной власти, к 1997 г. подобные акты были приняты более чем в 30 субъектах Российской Федерации [24, с. 153–160]. В 1995 г. подобный закон был принят и в Хабаровском крае [18].

Экспертно-консультативные Советы стали во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов возникать и в других субъектах российской Дальнего Востока: Общественный совет по делам религии Сахалинской области (10.10.1995 г.); Комиссия по вопросам религиозных объединений Магаданской области (02.03.2001 г.); Консультативный совет по вопросам государственно-религиозных и межконфессиональных отношений Камчатской области (23.03.2001 г.); Совет по взаимодействию с религиозными объединениями Амурской области (10.09.2001 г.); Комиссия по связям с религиозными объединениями Хабаровского края (18.02.2002 г.) [8, с. 170, 235, 270, 333].

И во второй половине 1990-х гг. политика федерального центра по отношению к Дальнему Востоку не претерпела значительных изменений: периодически обсуждались различные "научно обоснованные" проекты освоения российского Дальнего Востока вахтовым методом; федеральные власти неоднократно поднимали вопрос о необходимости снизить ставку дальневосточного коэффициента и лишения дальневосточников других льгот; обвиняли жителей региона в наличии сепаратистских настроений и пр. Постоянное желание запретить машины с правым рулем, повышение таможенных пошлин на ввоз подержанных японских автомобилей и т.д. воспринималось и воспринимается дальневосточным социумом как антирегиональная политика центра. Резко негативно дальневосточная интеллигенция отнеслась к высказываемым рядом политиков "предложениям" о возвращении Курил или передачи в аренду Китаю акватории Амурского залива.

Установленные в настоящее время тарифы на тепло, свет и коммунальные услуги на Дальнем Востоке – одни из самых высоких в стране. Но наиболее значительным последствием 1990-х гг. стало то, что в силу заведомо высоких цен на авиа- и железнодорожные билеты значительная часть дальневосточников стала утрачивать чувство принадлежности к единому цивилизационному пространству. Поездка в западные районы страны была недоступна подавляющему числу дальневосточников.

Осознание того, что единое культурное пространство России во многом основано на православной традиции определило поворот дальневосточных богословов к православию и потере интереса дальневосточной интеллигенции к нетрадиционным религиям, этот процесс стал наиболее заметным после принятия нового закона "О свободе совести и религиозных объединениях" (1997 г.). Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, проведенных в ряде регионов Дальнего Востока в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

На Дальнем Востоке процент "православных" среди неверующих в 1990-е годы был очень высок, например, в Амурской области он достигал 58,5% (ТАОВППОРО АО. Д. Анализ религиозной обстановки в Амурской области. Л. 1–65.)⁴; в Хабаровском крае к "православным" относили себя 38,6% респондентов, в то время как к "верующим, соблюдающим религиозные обряды" – 3,3 % [16, с. 49], в Еврейской автономной области 44,8% опрошенных идентифицировали себя с православием "как с культурой титульной нации государства", в то время, как только для 21% опрошенных она была важна в жизни (ТАУСОиСМИ ЕАО. Д. Аналитическая записка по результатам социологического исследования в ЕАО. Л. 3–7)⁵.

Схожие данные были получены исследователями и по другим регионам Дальнего Востока. Так, в Магаданской области среди 66,5% опрошенных респондентов, назвавших себя верующими (86,4% из них отнесли себя к православными), только 2,5% ориентировались в 1990-е гг. в своей повседневной жизни на религиозные ценности [3, с. 46–50].

Можно с уверенностью утверждать, что религия воспринималась и воспринимается дальневосточниками не как собственно религиозная система, а как признак национального образа жизни, что дальневосточники стали идентифицировать себя с православием стремясь, вопреки политике федерального

⁴ ТАОВППОРО АО – Текущий архив отдела по взаимодействию с политическими партиями, общественными и религиозными объединениями аппарата Губернатора Амурской области.

⁵ ТАУСОиСМИ. ЕАО – Текущий архив Управления по связям с общественностью и средствами массовой информации ЕАО.

центра, сохранить свою культурно-этническую принадлежность, принадлежность к православно-славянской цивилизации.

Литература

1. Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России. М.: ИФ РАН, 1999. Ч. 1. 241 с.
2. Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб., 1997. 282 с.
3. Башлыков Т.В. Тенденции развития религиозной ситуации на территории Магаданской области в 2000–2006 гг. Магадан, 2006. 96 с.
4. Владивостокское время. 1994. 5 октября.
5. Владимиров Д. А., Лапин Н.Н. Церковь Объединения и ее деятельность в Приморье // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2001. Выпуск 4. Этнические контакты. С. 392–398.
6. Высоцкая А. В. Социальная работа церкви // Первый съезд Евангельских Христианских Церквей Приморского края. Владивосток, 2001. С. 39–46.
7. Горбачёв М. С. Перестройка и новое мышление для нас и всего мира. М.: Политиздат, 1988. 272 с.
8. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. Том II. М.: Изд-во "Перспектив", 2005. 473 с.
9. Гуманитарная помощь России с 1 января 1984 по 19 мая 2003. Отчет ЦИХ-СПД от 1 июля 2003 г. Солт Лейк-Сити, 2003. 26 с.
10. Дударёнок С. М. Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность (монография). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 532 с.
11. Дударёнок С. М. Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX–XX веке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Выпуск 50. С. 368–397.
12. Жуков В. Мормон, вождь дальневосточных мормонов // Новости. 1996. 21 марта.
13. Закон Приморского края от 20.03.96 № 32-Кз О миссионерской деятельности на территории Приморского края: принят 29 февраля 1996 г. // Ведомости Думы Приморского края. 1996. № 18. С. 2–7.
14. Калиберова Т. Бесплатный обед у кришнаитов // Красное знамя. 1994. 22 июня.
15. Незаметный юбилей // Религия и право. Информационно-аналитический журнал. М., 2000. № 5. С. 2–3.
16. Никульников В. А., Свищев М. П. Конфессиональная ситуация в Хабаровском крае. История и современность // Общественно-политическая и религиозная ситуация в Хабаровском крае. Методика. Информация. Политика. Хабаровск, 2001. С. 46–106.
17. Новости. 1999. 11 марта.
18. О религиозной деятельности на территории Хабаровского края : закон Хабаровского края: принят 28 июня 1995 г. // Сборник законов Хабаровского края. 1995. № 3. С. 22–27.
19. Один мир для всех – контуры глобального сознания. М.: Прогресс, 1990. 216 с.
20. Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М.: РОИР, 2010. 444 с.
21. Омелянчук С. Н. Развитие миссионерского движения в Приморском крае // Второй съезд Евангельских Церквей Приморского края. Сборник докладов. Владивосток, 2003. С. 26–30.
22. Россия сегодня: реальный шанс. М., 1994. 459 с.
23. Савина М. Благотворительные обеды от преданных Кришне // Владивосток. 1994. 6 июля.
24. Старостенков Н. В., Ляпунова Н. В., Погосян Л. В. Государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации в конце 80-х годов XX – начале XXI в. // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 4 (117). С. 153–160.
25. Степанов И. "Все люди – дети Сатаны" // Тихий океан. 1995. 7 апреля.
26. Тихий океан. 1994. 16 сентября.
27. Трофимчук Н. А. Новые религиозные движения: понятия, критерии // Религия и политика в современной России. М., 1997. С. 57–65.
28. Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Экспансия. М., 2000. 217 с.
29. Филоненко С. Кришнаиты обещают накормить нищих и обездоленных // Владивосток. 1994. 22 июня.
30. Фурман Д. Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 7–18.

31. Хаббард Л. Р. Дианетика: Современная наука душевного здоровья: учебник по Дианетике. (пер. с англ.). М.: Воскресенье; Нью Эра Паблицейшн Групп, 1993. 576 с.
32. Эпштейн М. Новое сектантство. Типы религиозно-философских настроений в России (70–80 гг. XX века). М., 1994. 181 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Balagushkin E. G. Netraditsionnye religii v sovremennoj Rossii. М.: ИФ РАН, 1999. С. 1. 241 с.
2. Barker A. Novye religioznye dvizheniya. Prakticheskoe vvedenie. SPb., 1997. 282 с.
3. Bashlykov T.V. Tendentsii razvitiya religioznoj situatsii na territorii Magadanskoj oblasti v 2000–2006 gg. Magadan, 2006. 96 с.
4. Vladivostokskoe vremya. 1994. 5 oktyabrya.
5. Vladimirov D. A., Lapin N.N. Tserkov' Ob'edineniya i ee deyatelnost' v Primor'e // Istoricheskij opyt osvoiniya Dal'nego Vostoka. Blagoveshhensk, 2001. Vypusk 4. Ehtnicheskie kontakty. S. 392–398.
6. Vysotskaya A. V. Sotsial'naya rabota tserkvi // Pervyj s"ezd Evangel'skikh Khristianskikh Tserkvej Primorskogo kraja. Vladivostok, 2001. S. 39–46.
7. Gorbachyov M. S. Perestrojka i novoe myshlenie dlya nas i vsego mira. М.: Politizdat, 1988. 272 с.
8. Gosudarstvennaya natsional'naya politika i gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v sub'ektakh Rossijskoj Federatsii v 2004 godu. Tom II. М.: Izd-vo "Prospekt", 2005. 473 с.
9. Gumanitarnaya pomoshh' Rossii s 1 yanvarya 1984 po 19 maya 2003. Otchet TsIKhSPD ot 1 iyulya 2003 g. Solt Lejk-Siti, 2003. 26 с.
10. Dudaryonok S. M. Netraditsionnye religii na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' (monografiya). Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2004. 532 с.
11. Dudaryonok S. M. Religiya, tserkov', veruyushhie na rossijskom Dal'nem Vostoke v kontse XIX–XX veke // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noj istorii. 2015. Vypusk 50. S. 368–397.
12. Zhukov V. Mormon, vozhd' dal'nevostochnykh mormonov // Novosti. 1996. 21 marta.
13. Zakon Primorskogo kraja ot 20.03.96 № 32-Kz O missionerskoj deyatelnosti na territorii Primorskogo kraja: prinyat 29 fevralya 1996 g. // Vedomosti Dumy Primorskogo kraja. 1996. № 18. S. 2–7.
14. Kaliberova T. Besplatnyj obed u krishnaitov // Krasnoe znamya. 1994. 22 iyunya.
15. Nezametnyj yubiley // Religiya i pravo. Informatsionno-analiticheskij zhurnal. М., 2000. № 5. S. 2–3.
16. Nikul'nikov V. A., Svishhev M. P. Konfessional'naya situatsiya v Khabarovskom krae. Istoriya i sovremennost' // Obshhestvenno-politicheskaya i religioznaya situatsiya v Khabarovskom krae. Metodika. Informatsiya. Politika. Khabarovsk, 2001. S. 46–106.
17. Novosti. 1999. 11 marta.
18. O religioznoj deyatelnosti na territorii Khabarovskogo kraja : zakon Khabarovskogo kraja: prinyat 28 iyunya 1995 g. // Sbornik zakonov Khabarovskogo kraja. 1995. № 3. S. 22–27.
19. Odin mir dlya vsekh – kontury global'nogo soznaniya. М.: Progress, 1990. 216 с.
20. Odintsov M. I. Veropovednye reformy v Sovetskom Soyuze i v Rossii. 1985–1997 gg. М.: ROIR, 2010. 444 с.
21. Omelyanchuk S. N. Razvitie missionerskogo dvizheniya v Primorskom krae // Vtoroj s"ezd Evangel'skikh Tserkvej Primorskogo kraja. Sbornik dokladov. Vladivostok, 2003. S. 26–30.
22. Rossiya segodnya: real'nyj shans. М., 1994. 459 с.
23. Savina M. Blagotvoritel'nye obedy ot predannykh Krishne // Vladivostok. 1994. 6 iyulya.
24. Starostenkov N. V., Lyapunova N. V., Pogosyan L. V. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossijskoj Federatsii v kontse 80-kh godov XX – nachale XXI v. // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2016. T. 15. № 4 (117). S. 153–160.
25. Stepanov I. "Vse lyudi – deti Satany" // Tikhij okean. 1995. 7 aprelya.
26. Tikhij okean. 1994. 16 sentyabrya.
27. Trofimchuk N. A. Novye religioznye dvizheniya: ponyatiya, kriterii // Religiya i politika v sovremennoj Rossii. М., 1997. S. 57–65.
28. Trofimchuk N. A., Svishhev M. P. Ehkspansiya. М., 2000. 217 с.
29. Filonenko S. Krishnaity obeshhayut nakormit' nishhikh i obezdolennykh // Vladivostok. 1994. 22 iyunya.
30. Furman D. E. Religiya, ateizm i perestrojka // Na puti k svobode sovesti. М., 1989. S. 7–18.

31. Khabbard L. R. Dianetika: Sovremennaya nauka dushevnoego zdorov'ya: uchebник po Dianetike. (per. s angl.). M.: Voskresen'e; N'yu Ehra Pablikejshn Grupp, 1993. 576 s.

32. Ehpshtejн M. Novoe sektantstvo. Tipy religiozno-filosofskikh nastroyenij v Rossii (70–80 gg. XX veka). M., 1994. 181 s.

Дударёнок С. М. Религия в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции. 1990-е гг.

Статья посвящена изучению места и роли религиозного фактора в процессе поиска в кризисные 1990-е гг. дальневосточной интеллигенцией собственной идентичности. Отмечается, что социокультурные изменения в условиях мировоззренческого и идеологического кризиса, породили в сознании россиян чувство пессимизма, бесперспективности жизни, психологическое ощущение хрупкости окружающего мира, а в сознании дальневосточников еще и чувство "ненужности" федеральному центру. В неблагоприятной социальной и духовной атмосфере богоискательства, движение к религии и церкви в процессе поиска "новых" основ собственной идентичности становится для дальневосточной интеллигенции совершенно естественным, как до революции было совершенно естественным движение к атеизму..

Ключевые слова: *религия, нетрадиционные религии, Дальний Восток, интеллигенция, богоискательство, кризис, мировоззрение, миссионеры, политика, идентичность*

Dudarenok S. V. Religion in ideological orientations and worldviews of the Far Eastern intelligentsia. 1990s.

The article is devoted to the study of the place and role of the religious factor in the search process in the crisis 1990s by the Far Eastern intelligentsia of their own identity. It is noted that sociocultural changes in the context of an ideological and ideological crisis have generated in the minds of Russians a sense of pessimism, hopelessness of life, a psychological feeling of fragility of the world around them, and in the minds of the Far East also a sense of "uselessness" to the federal center. In an unfavorable social and spiritual atmosphere, the search for religion, the movement towards religion and the church in the process of searching for "new" foundations of their own identity becomes completely natural for the Far Eastern intelligentsia, as before the revolution the movement towards atheism was completely natural.

Key words: *religion, non-traditional religions, the Far East, the intelligentsia, God-seeking, crisis, worldview, missionaries, politics, identity*

Для цитирования: Дударёнок С. М. Религия в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции. 1990-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 111–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/111-122

For citation: Dudarenok S. V. Religion in ideological orientations and worldviews of the Far Eastern intelligentsia. 1990s. // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 111–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/111-122

Пятый Восточный экономический форум: вклад в развитие международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии

Введение

В современном мире формат международного форума стал одним из важных инструментов, позволяющих руководству стран и отдельных регионов налаживать сотрудничество в различных сферах деятельности, в том числе политике, безопасности, экономике, социальной сфере и др. Что касается рассматриваемого в работе Восточного экономического форума (ВЭФ), то нужно отметить, что в первую очередь он является одним из средств для привлечения инвестиций в проекты, реализуемые в интересах и на территории Дальнего Востока России. Однако, в процессе эволюции форума, с каждым годом он, помимо выполнения своей основной функции, всё больше способствует развитию стратегического сотрудничества между странами-участниками, количество которых ежегодно растёт, а география расширяется. В этой связи ВЭФ перестаёт оставаться лишь инструментом экономического развития и приобретает дополнительную значимость в качестве института международного сотрудничества в СВА.

В то же время в научной печати практически отсутствуют публикации, посвящённые исследованию ВЭФ как института международного сотрудничества, а представленные статьи в основном носят фрагментарный характер и посвящаются анализу тех или иных аспектов функционального или межстранового сотрудничества в формате ВЭФ. Так, отдельные аспекты работы пятого ВЭФ освещены в статье представителя ВШЭ Т. Бордачева [13], российские авторы В. Соколенко и О. Павлова в своих исследованиях уделяли внимание анализу результатов ряда сессий четвертого ВЭФ [11, с. 178–183], а А. К. Кочнева и О. В. Сазанов – оценивали итоги третьего и четвертого ВЭФ [9, с. 183–188]. Среди китайских исследователей ВЭФ можно отметить таких, как Ли Юнхуэй [17], который изучал пятый ВЭФ как воплощение российской политики "Поворота на Восток", У Бо, рассматривавшего историю развития ВЭФ и его влияние на провинцию Хэйлунцзян [18], а также Сюй Ина, которая освещала в статье итоги четвертого ВЭФ [19]. В свою очередь, японская исследовательница Акико Ёсиока исследовала роль ВЭФ как инструмента для развития сотрудничества между Россией и Японией [20]. Среди представителей РК можно выделить Чон Мен Су, проанализировавшего итоги четвертого ВЭФ и план развития Дальнего Востока до 2025 г. [21, с. 48–51]. Таким образом, ВЭФ как институт развития международного сотрудничества в СВА пока ещё не был рассмотрен, что обуславливает необходимость проведения данного исследования.

Его основными целями стало изучение вклада пятого ВЭФ в развитие международного сотрудничества в политике и экономике СВА. Для их достижения автор поставил перед собой следующие задачи: исследовать основные направления экономического и политического сотрудничества, которые реализуются государственными лидерами и бизнес-сообществом стран-участниц в рамках пятого и предшествующих форумов; проанализировать динамику изменений состава участников, обсуждаемой проблематики и других аспектов сотрудничества со времени первого форума в 2015 г. Достижению целей и задач работы способствовала опора автора на такие методы исследования, как сравнительный, институциональный, функциональный и др.

Восточный экономический форум как инструмент развития международного экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии

Северо-Восточная Азия – это геополитический регион, включающий Китай, Японию, РК, КНДР, Монголию и восточную часть России. Именно СВА является тем регионом, в котором соприкасаются интересы крупнейших стран: России с богатыми природными ресурсами, Китая с мощной экономикой, Японии и РК, обладающих передовыми технологиями. При этом в СВА сохраняется ряд неразрешённых международно-политических проблем, включая такие, как периодические острые кризисы в двусторонних отношениях между странами региона, ядерная проблема Корейского полуострова, территориальные споры, проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и РК и другие, которые разделяют страны региона и препятствуют выстраиванию здесь стабильной системы безопасности и экономического сотрудничества.

Наиболее острой проблемой безопасности в СВА, безусловно, является продолжающаяся реализация программы ядерных и ракетных испытаний КНДР. Время от времени обостряются территориальные споры Японии со странами-соседями: с Россией из-за принадлежности Южнокурильских островов, с РК вокруг островов Токто/Такэсима и с Китаем по поводу островов архипелага Сенкаку (Дяоюйдао). В последние годы имел место политический конфликт между США с Китаем и РФ по поводу размещения в СВА новых американских систем ПРО, который одновременно вызвал политико-экономический кризис в отношениях Пекина и Сеула. Остаются весьма напряжёнными отношения РК и Японии, что вызвано нерешёнными проблемами исторического прошлого.

Тем не менее в последние годы в регионе наметились позитивные тенденции: несколько улучшились отношения между двумя Кореями, Россией и Японией, Китаем и Японией, а Токио заявляет о готовности принять участие в китайской инициативе "Один пояс – один путь". В этой атмосфере улучшения политической обстановки в СВА ВЭФ претендует на роль той площадки, на которой страны могут эффективно осуществлять коммуникацию и определять направления решения существующих региональных проблем.

4–6 сентября 2019 г. во Владивостоке на базе Дальневосточного федерального университета состоялся пятый Восточный экономический форум. По его результатам, в соответствии с заключёнными соглашениями, общие объёмы инвестиций составили 3,4 трлн. руб. и были предназначены преимущественно для проектов в сферах промышленности, транспорта и туризма [4].

Среди иностранных инвесторов в числе крупных проектов отмечено строительство фармацевтического завода "Хаяо", реализуемое Harbin Pharmaceutical Group Holding (Hayaо) и Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта с объёмом инвестиций 10 млрд руб. Пятый форум также стал площадкой для заключения меморандумов о дальнейшем сотрудничестве между "ТрансКонтейнер" (РФ) и Pantos Logistics (РК), "Новатэк" (РФ) и Petronet LNG и H-Energy (Индия) [8].

В то же время ВЭФ служит не только инструментом привлечения инвестиций для развития отдалённого округа России, но и важным механизмом установления международно-политических отношений в одном из ключевых регионов современного мира – Северо-Восточной Азии (СВА). С момента проведения в 2015 г. первого форума, он значительно расширил масштабы, став символом нового направления внешней политики России, связанной с активизацией развития отношений с азиатскими странами. Как отметил Министр РФ по развитию РДВ в 2013–2018 гг. А. Галушка, "Понимая, что XXI век – это век Азии... для России очень выгодно <строить отношения в направлении на Восток> и естественно то, что мы называем поворот на Восток и форсированным, ускоренным развитием региона" [1]. Таким образом, ВЭФ выступает одним из знаковых проявлений нового внешнеполитического курса России в СВА.

Необходимо отметить, что, по сравнению с первым форумом, количество и география его участников в 2019 г. заметно расширились (см. таблицу 1).

Необходимо отметить, что первоначально форум развивался как площадка для расширения экономических отношений России преимущественно

Таблица 1. Динамика числа участников ВЭФ

Показатель	2015 год	2019 год
Количество участников, чел.	1500	8500
Количество стран-участниц	26	65

Источник: [8; 12].

с Китаем, Японией и РК, о чём свидетельствуют многочисленность участников этих государств на протяжении всех лет его проведения. Так, в четырёх форумах приняло участие: в 2016 г. от Китая (227 чел.), от Японии (246 чел.) и от РК (128 чел.); в 2017 г. от Китая (75 чел.), от Японии (349 чел.) и от РК (289 чел.); в 2018 г. от Китая (1096 чел.), от Японии (570 чел.) и от РК (335 чел.); в 2019 г. от Китая (395 чел.), от Японии (588 чел.) и от РК (285 чел.). При этом в 2019 г. общее число участников выросло до 8500 чел., (из них иностранных участников до 1900 чел.), а географически форум охватил значительно большее пространство. Пятый ВЭФ продемонстрировал, что большой интерес к данному механизму международной коммуникации проявляют не только государственные лидеры стран СВА, но и других регионов Азии: Южной (Индия) и Юго-Восточной (Малайзия). Среди представителей бизнеса также были отмечены представители Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Сингапур), северо-европейских (Швеция, Дания), Восточно-Европейских (Молдова), средне-европейских (Чехия, Швейцария, Германия, Австрия), западно-европейских (Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург), южно-европейских (Хорватия, Италия) и латиноамериканских государств (Аргентина, Чили, Никарагуа).

В 2019 г. на пятом ВЭФ было организовано 73 сессии, которые можно сгруппировать по 19 укрупнённым блокам сотрудничества в экономике, социальной и гуманитарных сферах (см. таблицу 2).

В 2019 г. акценты были сделаны на обсуждении вопросов развития Дальневосточного региона, гарантий и преференций для инвесторов, новых технологий и экологии. Об этом свидетельствует увеличение числа сессий по этим направлениям по сравнению с четвёртым ВЭФ. В частности, в рамках темы "Дальний Восток и АТР: развивая возможности для сотрудничества" делегациям было предложено рассмотреть ключевые факторы интеграции и перспективы делового сотрудничества, включая международное научно-техническое сотрудничество, цифровую трансформацию международной торговли, инфраструктуру для экономики данных, будущее российской Арктики и транспортных коридоров через Дальний Восток. Другим фокусом для обсуждения в 2019 г. стало ускоренное социальное развитие региона в интересах повышения уровня жизни населения и притока новых трудовых ресурсов. В центре блока "Новые решения для повышения качества жизни" были вопросы социального развития Дальнего Востока. В рамках этих сессий участники обсудили привлечение частных инвестиций в социальную сферу, повышение качества образования в регионе, развитие современной городской среды и создание городов будущего. Таким образом, на форуме 2019 г. наметились две основные тенденции: развитие технологического предпринимательства для создания экологически чистых городов будущего и благоприятной социально-экологической среды на РДВ.

В 2019 г. дальнейшее развитие получили бизнес-диалоги РФ с ведущими странами участницами, а их количество было расширено до шести сессий: "Россия – Китай", "Россия – Индия", "Россия – Республика Корея", "Россия – Япония", "Россия – АСЕАН", "Россия – Европа".

На ВЭФ-2019 впервые предметно обсуждали тенденции развития российской Арктики. Так, вопросы сотрудничества в Арктике обсуждались в рамках сессий по развитию этого региона и развитию новых технологий.

По результатам анализа тематики сессий можно сделать вывод о том, что на пятом ВЭФ представители политической и бизнес-элиты обсудили вопросы промышленности, сельского хозяйства, гарантии и преференции для

Таблица 2. Тематические сессии на четвёртом и пятом ВЭФ

Перечень тематических сессий ВЭФ		Количество сессий на ВЭФ		
		2018 г.	2019 г.	Всего сессий (за два года)
1	Промышленность и производство	6	5	11
2	Сельское хозяйство и аквакультура	3	3	6
3	Энергетика	2	3	5
4	Транспорт	7	1	8
5	Развитие РДВ	4	9	13
6	Развитие РДВ и возможности для АТР	6	6	12
7	Торгово-экономическое сотрудничество	-	2	2
8	Туризм	1	2	3
9	Гарантии и преференции для инвесторов на РДВ	-	7	7
10	Возможности и проекты для инвесторов на РДВ	3	1	4
11	Предпринимательство	5	2	7
12	Повышение качества жизни людей	5	7	12
13	Здравоохранение	4	4	8
14	Бизнес-диалог РФ со странами-участницами в двустороннем формате	5	6	11
15	Вопросы законодательства	3	3	6
16	Новые технологии	2	4	6
17	Образование и наука	5	3	8
18	Культура	-	1	1
19	Спорт	1	1	2
20	Экология	1	3	4
	Итого сессий на форумах	63	73	136

Источник: [8].

инвесторов на РДВ, повышение качества жизни людей и другие важные аспекты развития РДВ, в том числе возможности, открывающиеся для стран АТР. Дискуссии на форуме позволили получить самые актуальные впечатления о том, насколько динамично развивается российский Дальний Восток, оценить новые преференциальные механизмы для инвестиций и понять, в каких направлениях будет осуществляться российский "поворот в Азию". При этом в рамках рабочих сессий вопросы внешней политики РФ в регионе не затрагивались, а рассматривались различные аспекты экономического сотрудничества.

Пленарное заседание ВЭФ-2019 как ключевое событие форума

Уникальность ВЭФ как института заключается в том, что он является площадкой не только для обсуждения экономического сотрудничества, но и острых международных проблем в СВА и выработки на этой основе направлений политического сотрудничества стран региона. Об этом свидетельствует

присутствие на форуме высокопоставленных лиц, включая глав иностранных государств и правительств. В 2019 г., помимо президента РФ, ВЭФ посетили президент Монголии, премьер-министры Индии, Японии, Малайзии, вице-премьер Госсовета КНР, заместители премьер-министров из таких стран, как Республика Корея, Вьетнам, Люксембург, министры иностранных дел из Индонезии, Сингапура, ОАЭ. Так, президент Монголии Х. Баттулга отметил высокую роль ВЭФ в международных отношениях как механизма сотрудничества стран СВА. Об этом свидетельствует его высказывание о том, что "форум стал авторитетной площадкой переговоров и платформой по развитию не только Дальневосточного региона, но и активизации сотрудничества между странами Азиатско-Тихоокеанского региона" [16].

Главным событием форума с геополитической точки зрения стало Пленарное заседание с участием глав государств и правительств России, Индии, Малайзии, Монголии и Японии, где лидеры азиатских государств могли изложить стратегию развития отношений с Россией, а также их подходы к политическим проблемам СВА.

В ходе пленарного заседания президент Монголии отметил, что международные отношения России и Монголии вышли на уровень "всеобъемлющего стратегического партнёрства". По его мнению, "основой развития взаимовыгодного экономического сотрудничества, основанного на взаимном уважении, справедливой конкуренции, свободной торговле, является региональный мир и укрепление стабильности. Нашей целью является развитие сотрудничества именно на основе доверия" [6]. Таким образом, монгольский президент подчеркнул необходимость сближения стран СВА для обеспечения региональной безопасности и стабильности развития.

В ходе выступления на форуме он также отметил направленность политики на расширение торгово-экономических отношений с Россией на РДВ. С этой целью было принято решение открыть во Владивостоке торговое представительство Монголии. Стимулировать развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества он предложил путём разработки и подписания договора о свободной торговле между Монголией и Евразийским экономическим союзом. Также он выразил желание активизировать совместные действия по развитию инфраструктурных проектов с Россией и Китаем и созданию транспортного коридора Россия-Монголия-Китай, который уже обсуждался в рамках китайской инициативы "Один пояс – один путь".

Сотрудничество между Монголией и странами СВА планируется развивать и в энергетической сфере. Х. Баттулга поддержал проект создания "энергетической суперсети в Северо-Восточной Азии", в котором одна из ключевых ролей отводится Монголии, обладающей электроэнергетическими ресурсами и готовой реализовать их в страны СВА по низкой стоимости. Уже сделаны первые попытки по реализации данного проекта, в частности подписаны договоры о сотрудничестве между компанией Монголии "Эрдэнэс Монгол" и российской компанией "Россети". Помимо этого, В. Путиным также была поддержана идея строительства газопровода Россия-Китай через территорию Монголии.

На ВЭФ-2019 по приглашению президента России В. Путина прибыла официальная делегация Индии во главе с премьер-министром Н. Модии, которая получила неофициальный статус главного гостя форума. В 2018 г. таким главным неофициальным гостем был президент Китая Си Цзиньпин, участие которого было высоко отмечено российскими СМИ и общественностью. На ВЭФ-2019 делегация Китая также была весьма многочисленной.

Приглашение Н. Модии на пятый ВЭФ продемонстрировало намерения России укрепить отношения с этой страной, которые оказались взаимными. Премьер-министр Индии Н. Модии отметил высокую роль Дальневосточного региона, "где Евразия встречается с Тихоокеанским регионом". По его мнению, "здесь открываются уникальные возможности как в Арктическом регионе, так и в развитии Северного морского пути". В ходе выступления на пленарном заседании форума он подчеркнул, что сотрудничество России и Индии в Дальневосточном регионе позволит обеспечить "стабильное и надёжное будущее для всего мира" [16].

В выступлении на пленарном заседании форума премьер-министр Индии среди основных направлений сотрудничества отметил торговлю, ин-

вестиции, энергетику, природные ресурсы, включая алмазы и нефть, горнодобывающую и деревообрабатывающую промышленность, здравоохранение, образование. Индийские инновации активно используются при разработке нефтяных месторождений на Сахалине.

В целом Индия видит огромный потенциал в развитии инвестиций и бизнеса на РДВ. Свидетельством этому является беспрецедентная для Индии мера предоставления России в этих целях кредитной линии в размере 1 млрд. долл. Н. Модии отметил, что этот шаг будет способствовать "приданию новой динамики экономической дипломатии и развитию регионов в наших дружественных странах". Таким образом, РДВ стал регионом, который, благодаря его природным ресурсам и географическому местоположению, привлёк серьёзное внимание индийской бизнес-элиты [7].

В выступлении на форуме премьер-министр Японии С. Абэ заявил о стремлении и дальше способствовать социально-экономическому развитию России, обмениваясь с ней передовым опытом решения конкретных проблем. Как известно, На Дальнем Востоке РФ Япония предлагает сотрудничество по восьми пунктам, включая сферы здравоохранения, демографию, индекса качества жизни, городской среды, улучшение экологии, малого и среднего бизнеса, производительности труда, поддержки занятости. На пленарном заседании 2019 г. Абэ отметил, что реализация сотрудничества по этим направлениям будет способствовать решению тех проблем, которые В. Путин обозначил в программе национального развития [14]. Он также затронул проблему мирного договора с Россией, подчеркнув, что его заключение является "нашей исторической миссией", и утверждая, что "такая связь между Японией и Россией уже очень скоро сможет изменить регион".

С надеждой на расширение сотрудничества на пятом ВЭФ также впервые выступил представитель Юго-Восточной Азии – премьер-министр Малайзии М. Мохамад, который охарактеризовал отношения между Россией и Малайзией как "хорошие". Он отметил намерение Малайзии продолжать развивать сотрудничество в сфере туризма, а с целью привлечения туристического потока на РДВ предложил проводить в регионе больше различных мероприятий, в том числе спортивных. Используя опыт Малайзии в проведении "Формулы-1" и "Тура Лангкави", М. Мохамад призвал РФ использовать аналогичные механизмы для формирования и продвижения туристического и инвестиционного имиджа РДВ.

Он также предложил углублять сотрудничество в образовании и в этой связи создать в Малайзии космический инженерный университет, в котором бы обучались студенты из разных стран. Подводя итог выступления М. Мохамада, необходимо отметить, что он ясно подтвердил, что Малайзия является и будет партнером России в международных отношениях.

На открытии Пленарного заседания ВЭФ-2019 президент РФ В. Путин отметил, что растущее количество участников и расширение географии являются убедительным свидетельством повышения "интереса к российскому Дальнему Востоку, к тем возможностям для сотрудничества, которые предлагает этот, без всякого преувеличения, колоссальный регион" [2]. Он также отметил образование территорий опережающего социально-экономического развития и введение режима свободного порта Владивосток, что способствовало росту инвестирования в регион, а также заявил, что, "начиная с 2015 г., инвесторами вложено в экономику региона около 612 миллиардов рублей, введено в строй 242 новых производства, создано более 39 тысяч рабочих мест". Таким образом, форум явился эффективным инструментом повышения инвестиционной привлекательности РДВ [10].

Среди текущих задач по развитию РДВ В. Путин выделил следующие:

- поддержка молодёжи за счёт создания благоприятных условий для получения образования, поиска работы и развития семьи, в частности, путём реализации специальной ипотечной программы и улучшения системы здравоохранения, тем самым способствуя решению важнейшей проблемы – предотвращению оттока населения из региона;
- развитие высоких технологий в регионе, привлечение высококвалифицированных кадров в регион с целью последующего увеличения экспорта продукции глубокой переработки;

– создание венчурного фонда для развития инновационного предпринимательства.

Помимо этого, В. Путин отметил необходимость развития РДВ как мирового природно-туристического центра. Целесообразным в этой связи является привлечение государственного и частного секторов для реализации совместных туристических проектов в регионе с установлением особого преференциального режима для инвесторов.

В ходе выступления В. Путин также отметил высокую роль других стран в развитии РДВ. В качестве примера он привел космодром "Восточный". В настоящее время активное сотрудничество в космической сфере реализуется с КНР, Индией и Европейским космическим агентством. По его мнению, "мы (Россия) не просто считаем, что можем там (на космодроме Восточный) работать совместно с иностранными партнёрами, а мы заинтересованы в этом, и будем их обязательно привлекать к этому сотрудничеству" [15].

Помимо выступлений лидеров, на пленарной дискуссии был поднят ряд важных вопросов международных отношений и политических проблем региона. В первую очередь участники обсудили направления дальнейшей кооперации в регионе. Так, Н. Модии отметил, что между РДВ и Индией активно развиваются торговые отношения, в том числе в военной, энергетической, ресурсной и других сферах. Кроме того, он отметил рост политических контактов между Россией и Индией и активизацию технологического сотрудничества, выразив намерение и в дальнейшем развивать совместный инновационный потенциал. В ходе дискуссии Япония сделала акцент на развитии социальных проектов на РДВ, Монголия выразила желание продолжать сотрудничество в транспортной, энергетической и торговой сферах, а Малайзия – уделить особое внимание развитию взаимодействия в туризме и образовании.

Большой интерес вызвало обсуждение лидерами международно-политической проблематики. Когда был затронут вопрос возможного возвращения РФ в "большую восьмёрку", В. Путин заявил, что "не может себе представить эффективную международную организацию, которая работает без Индии и без Китая" [16], что ещё раз подчёркивает азиатский вектор внешнеполитического курса России. В свою очередь, Н. Модии отметил, что Индия поддерживает "идею многополярного мира" [16].

Обсуждалась также и тема глобальной безопасности, и, в частности, выхода США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Можно отметить, что по данному вопросу у стран региона нет единой позиции. Если Россия негативно относится к данному шагу, то, по мнению С. Абэ, размещая на своей территории элементы американской системы противоракетной обороны, Япония обеспечивает свою безопасность от ракетно-ядерной угрозы КНДР. В свою очередь, во многом подобные действия Токио провоцируют Пхеньян на продолжение своей ядерной политики. По мнению автора, обсуждение этого противоречивого вопроса надо вести и дальше, в том числе в рамках последующих форумов ВЭФ.

В заключение следует отметить, что на пятом ВЭФ, который по преимуществу предназначен является экономическим, были достигнуты Соглашения о выделении значительных инвестиций для развития российского Дальнего Востока. В то же время он продемонстрировал своё возрастающее значение в качестве площадки для обсуждения и выработки решения острых политических проблем СВА. В своих выступлениях многие высокопоставленные участники пятого форума подчеркнули высокий авторитет ВЭФ и выразили надежду на то, что он и дальше будет играть важную роль для достижения большей стабильности в регионе.

Выводы

Для лидеров ведущих азиатских государств Восточный экономический форум постепенно становится всё более авторитетной площадкой для обсуждения региональных проблем СВА и поиска моделей сотрудничества для их решения. Анализ политических дискуссий на ВЭФ на высшем уровне свидетельствует о том, что наиболее плодотворными темами для обсуждения в этом формате являются экономические и социо-культурные проблемы двусторонних и многосторонних отношений в СВА, в том числе в привязке к российским планам ускоренного развития Дальнего Востока. Полезным для прояснения

позиций стран СВА выглядит и обсуждение на форуме проблемы ядерной безопасности Корейского полуострова. Что же касается очень чувствительных проблем территориальных споров, то попытки обсудить их в многостороннем формате ВЭФ, предпринятые премьер-министром Японии Синдзо Абе, продемонстрировали, что в этих целях необходимо ведение поэтапного и длительного двустороннего диалога.

В 2019 г. продолжилась тенденция увеличения числа бизнесменов – участников форума. Одновременно выросло число азиатских регионов, страны которых были представлены делегациями во главе с первыми лицами государств. Помимо традиционного высокого представительства стран СВА, на пятом форуме в этом качестве к ним присоединились страны Южной (Индия) и Юго-восточной Азии (Малайзия). В институциональном плане дальнейшее развитие получила концепция приглашения на ВЭФ неофициально главного гостя, которым в 2019 г. стала Индия.

Что касается обсуждения проблем и перспектив сотрудничества в развитии Дальнего Востока РФ, то основные предлагаемые функциональные направления были схожи с форумом 2018 г. Также было выработано оптимальное число, предназначенных в этих целях на ежегодных форумах рабочих секции (65–70). При этом важный акцент в дискуссиях на ВЭФ-2019 был сделан на сотрудничестве в развитии социальной сферы РДВ и поиске совместных решений экологических проблем.

Литература

1. Валдайские беседы. Александр Галушка о повороте на восток // Валдайские беседы, [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=галушка%20поворот%20на%20восток&path=wizard&parent-reqid=1573790776845770-1743706857172853568500134-man1-3500&noreask=1&filmId=16374505804897008564>. (дата обращения 17.12.2019).
2. Владимир Путин: "Конкурентные преимущества Дальнего Востока – это талантливые, трудолюбивые, энергичные люди" // Мигрант.ру, [Электронный ресурс]. URL: <https://migrant.ru/vladimir-putin-konkurentnye-preimushhestva-dalnego-vostoka-eto-talantlivyye-trudolyubivyye-energichnye-lyudi/>. (дата обращения 17.12.2019).
3. ВЭФ как зеркало "поворота на Восток": дальше либо рывок, либо стагнация // Профиль, [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/politics/vef-kak-zerkalo-povorota-na-vostok-dalshe-libo-ryvok-libo-stagnaciya-172923/> (дата обращения 17.12.2019).
4. ВЭФ-2019: рекордные инвестиции в экономику Дальнего Востока // Морские вести России, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=81532>. (дата обращения 18.12.2019).
5. Деловая программа ВЭФ-2019: сессии, дискуссии, бизнес-диалоги // Бизнес, экономика, тренды, [Электронный ресурс]. URL: http://www.roscongress.rbc.ru/vef_201913. (дата обращения 17.12.2019).
6. Заявления для прессы по итогам российско-монгольских переговоров // Президент России, [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/61435. (дата обращения 17.12.2019).
7. Индия предоставит миллиардный кредит Дальнему Востоку // RGRU, [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/09/05/reg-dfo/india-predostavit-milliardnyj-kredit-dalnemu-vostoku.html>. (дата обращения 17.12.2019).
8. Итоги работы Восточного экономического форума – 2019 // Восточный экономический форум РОСКОНГРЕСС, [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/news/itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2019/>. (дата обращения 17.12.2019).
9. Кочнева А. К., Сазанов О. В. Восточный экономический форум как договор развития Дальнего Востока / А. К. Кочнева, О. В. Сазанов / NOVAUM.RU, 2018. № 16. С. 183–188.
10. Путин: в ДФО с 2015 года вложили более 600 миллиардов рублей // РИА Новости, [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190905/1558329758.html>. (дата обращения 17.12.2019).
11. Соколенко В., Павлова О. IV Восточный экономический форум: экспертное заключение / В. Соколенко, О. Павлова / Владивосток: Известия дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 4 (88). С. 178–183.
12. Ян Линьлинь. Приоритетные направления экономического развития и сотрудничества, продвигаемые Россией в формате Восточного экономического форума // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2 (49). С. 90–100.

13. Bordachev T. Practical Considerations behind Russia Turning to the East // China Investment. 2019. № 9. P. 16–21.
14. Experts: EEF in Vladivostok to attract more foreign investment // Penzanews, [Электронный ресурс]. URL: <https://penzanews.ru/en/analysis/66300-2019>. (дата обращения 17.12.2019).
15. India promotes long-term big-ticket investments at Eastern Economic Forum // The Economic Times, [Электронный ресурс]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-promotes-long-term-big-ticket-investments-at-eastern-economic-forum/articleshow/70971960.cms?from=mdr>. (дата обращения 17.12.2019).
16. Plenary session of the Eastern Economic Forum // President of Russia, [Электронный ресурс]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/61451>. (дата обращения 17.12.2019).
17. 李勇慧. 东方经济论坛五周年: 俄罗斯“向东看”政策的缩影[J]. 世界知识, 2019, (20):38-39+42 (Ли Юнхуэй. Пятилетие Восточного экономического форума: воплощение российской политики "Поворота на Восток" // Всемирные знания. 2019. № 20. С. 38–39, 42.)
18. 吴博. 俄罗斯远东发展战略与黑龙江省应对策略研究, 以俄罗斯第四届“东方经济论坛”为背景[J]. 哈尔滨学院学报, 2019, 40(11):46-50 (У Бо. Исследование стратегии развития Дальнего Востока России и ответной стратегии провинции Хэйлунцзян в контексте российского Четвертого Восточного экономического форума // Журнал Харбинского университета. 2019. № 40 (11). С. 46–50.)
19. 徐依娜. 俄罗斯第四届东方经济论坛举行[J]. 中国会展(中国会议), 2018, (18): 22 (Сюй Ина. Россия проводит Четвертый экономический форум // Китайские форумы. 2018. № 18. С. 22.)
20. 第5回東方経済フォーラムに参加して. (Участие в пятом Восточном экономическом форуме) // The Canon institute for Global Studies, [Электронный ресурс]. URL: https://www.canon-igs.org/column/network/20190926_6002.html (дата обращения 17.12.2019).
21. 전명수. [세게는 지금] Zoom In: 제4차 동방경제포럼 ... '2025 극동개발계획' 기회 잡아라. 통일한국, 2018, (418). (Чон Мен Су. 4-й Восточный экономический форум ... "Воспользуйтесь возможностью составить план развития Дальнего Востока на 2025 год" // CHINDIA плюс. 2018. № 418. С. 48–51.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Valdajskie besedy. Aleksandr Galushka o povorote na vostok // Valdajskie besedy, [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=galushka%20povorot%20na%20vostok&path=wizard&parent-reqid=1573790776845770-1743706857172853568500134-man1-3500&noreask=1&filmId=16374505804897008564>. (дата обращения 17.12.2019).
2. Vladimir Putin: "Konkurentnye preimushhestva Dal'nego Vostoka – ehto talantlivye, trudolyubivye, ehnergichnye lyudi" // Migrant.ru, [Электронный ресурс]. URL: <https://migrant.ru/vladimir-putin-konkurentnye-preimushhestva-dalnego-vostoka-eto-talantlivye-trudolyubivye-energichnye-lyudi/>. (дата обращения 17.12.2019).
3. VEhF kak zerkalo "povorota na Vostok": dal'she libo ryvok, libo stagnatsiya // Profil, [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/politics/vef-kak-zerkalo-povorota-na-vostok-dal'she-libo-ryvok-libo-stagnatsiya-172923/> (дата обращения 17.12.2019).
4. VEhF-2019: rekordnye investitsii v ehkonomiku Dal'nego Vostoka // Morsk- ie vesti Rossii, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=81532>. (дата обращения 18.12.2019).
5. Delovaya programma VEhF-2019: sessii, diskussii, biznes-dialogi // Biznes, ehkonomika, trendy, [Электронный ресурс]. URL: http://www.roscongress.rbc.ru/vef_201913. (дата обращения 17.12.2019).
6. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-mongol'skikh peregovorov // Prezident Rossii, [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/61435. (дата обращения 17.12.2019).
7. Indiya predostavit milliardnyj kredit Dal'nemu Vostoku // RGRU, [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2019/09/05/reg-dfo/india-predostavit-milliardnyj-kredit-dal-nemu-vostoku.html>. (дата обращения 17.12.2019).
8. Itogi raboty Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma – 2019 // Vostochnyj ehkonomicheskij forum ROSKONGRESS, [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/news/itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2019-/>. (дата обращения 17.12.2019).
9. Kochneva A. K., Sazanov O. V. Vostochnyj ehkonomicheskij forum kak dogovor razvitiya Dal'nego Vostoka / A. K. Kochneva, O. V. Sazanov / NOVAUM.RU, 2018. № 16. S. 183–188.

10. Putin: v DFO s 2015 goda vložhili bolee 600 milliardov rublej // RIA Novosti, [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20190905/1558329758.html>. (data obrashheniya 17.12.2019).
11. Sokolenko V., Pavlova O. IV Vostochnyj ehkonomicheskij forum: ehkspertnoe zaklyuchenie / V. Sokolenko, O. Pavlova / Vladivostok: Izvestiya dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ehkonomika i upravlenie. 2018. № 4 (88). S. 178–183.
12. Yan Lin'lin'. Prioritetnye napravleniya ehkonomicheskogo razvitiya i sotrudnichestva, prodvigaemye Rossiej v formate Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 2 (49). S. 90–100.
13. Bordachev T. Practical Considerations behind Russia Turning to the East // China Investment. 2019. № 9. R. 16–21.
14. Experts: EEF in Vladivostok to attract more foreign investment // Penzanews, [Elektronnyj resurs]. URL: <https://penzanews.ru/en/analysis/66300-2019>. (data obrashheniya 17.12.2019).
15. India promotes long-term big-ticket investments at Eastern Economic Forum // The Economic Times, [Elektronnyj resurs]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-promotes-long-term-big-ticket-investments-at-eastern-economic-forum/articleshow/70971960.cms?from=mdr>. (data obrashheniya 17.12.2019).
16. Plenary session of the Eastern Economic Forum // President of Russia, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/61451>. (data obrashheniya 17.12.2019).
17. 李勇慧. 东方经济论坛五周年: 俄罗斯“向东看”政策的缩影[J]. 世界知识, 2019, (20):38-39+42 (Li Yunkhuhj. Pyatiletie Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma: voploshhenie rossijskoj politiki "Povorota na Vostok" // Vsemirnye znaniya. 2019. № 20. S. 38–39, 42.)
18. 吴博. 俄罗斯远东发展战略与黑龙江省应对策略研究, 以俄罗斯第四届“东方经济论坛”为背景[J]. 哈尔滨学院学报, 2019, 40(11):46-50 (U Bo. Issledovanie strategii razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii i otvetnoj strategii provintsii Khehluntszyan v kontekste rossijskogo CHetvertogo Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma) // Zhurnal Kharbinskogo universiteta. 2019. № 40 (11). S. 46–50.)
19. 徐依娜. 俄罗斯第四届东方经济论坛举行[J]. 中国会展(中国会议), 2018, (18): 22 (Syuj Ina. Rossiya provodit CHetvertyj ehkonomicheskij forum) // Kitajskie forumy. 2018. № 18. S. 22.)
20. 第5回東方経済フォーラムに参加して. (Uchastie v pyatom Vostochnom ehkonomicheskome forume) // The Canon institute for Global Studies, [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.canon-igs.org/column/network/20190926_6002.html (data obrashheniya 17.12.2019).
21. 전명수. [세계는 지금] Zoom In: 제4차 동방경제포럼 ... '2025 극동개발계획' 기회 잡아라. 통일한국, 2018, (418). (CHon Men Su. 4-j Vostochnyj ehkonomicheskij forum ... "Vospol'zujtes' vozmozhnost'yu sostavit' plan razvitiya Dal'nego Vostoka na 2025 god" // CHINDIA plyus. 2018. № 418. S. 48–51.)

Ян Линьлинь. Пятый Восточный экономический форум: вклад в развитие международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

После саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке основной площадкой для обсуждения проблем и перспектив развития российского Дальнего Востока стал ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ). В статье дана оценка состава участников и тематики прошедшего в сентябре 2019 г. во Владивостоке пятого ВЭФ в сравнении с предшествующими форумами. По её результатам недавно инициированный Россией форум стал ценным механизмом международного взаимодействия в интересах развития Дальнего Востока и обсуждения политико-экономической проблематики Северо-Восточной Азии в целом, где имеет место нехватка международных институтов для обсуждения на высшем межгосударственном уровне сохраняющихся острых региональных проблем.

Ключевые слова: *пятый Восточный экономический форум, международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии, ускоренное развитие Дальнего Востока России*

Yan Lin'lin'. Fifth Eastern Economic Forum: contribution to the development of the Russian Far East and international cooperation in Northeast Asia.

After the 2012 APEC summit in Vladivostok, the annual Eastern Economic Forum (EEF) became the main platform for discussing the problems and development prospects of the Russian Far East. The article assesses the composition of participants and the topics of the fifth EEF held in September 2019 in Vladivostok in comparison with previous forums. According to its results, the forum recently initiated by Russia has become a valuable mechanism for international cooperation in the interests of developing the Far East and discussing the political and economic problems of Northeast Asia as a whole, where there is a shortage of international institutions for discussion at the highest interstate level of persisting acute regional problems.

Key words: *Fifth Eastern Economic Forum, international cooperation in Northeast Asia, accelerated development of the Russian Far East*

Для цитирования: Ян Линьлинь. Пятый Восточный экономический форум: вклад в развитие международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 123–133. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/123-133

For citation: Yan Lin'lin'. Fifth Eastern Economic Forum: contribution to the development of the Russian Far East and international cooperation in Northeast Asia // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 123–133. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/123-133

Перспективы развития трансграничных отношений российского Дальнего Востока со странами Южной и Юго-Восточной Азии

Российский Дальний Восток (РДВ) занимает особое место в стратегической повестке руководства нашей страны, уделяющего его развитию особое внимание. Соображения федеральной власти в отношении дальневосточных территорий продиктованы необходимостью их превращения в узловой макро-регион, который способен стать ареалом взаимодействия России с динамично развивающимися азиатскими экономиками, нуждающимися в сырьевых ресурсах и рынках сбыта наукоемких технологий. Геоэкономическая привлекательность РДВ обусловлена его транспортно-логистическими возможностями, богатыми природными ресурсами, наличием отраслевой специализации, туристическим потенциалом, близостью к рынкам стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В то же время превращение РДВ в "узловой регион" невозможно без решения проблем, снижающих его конкурентоспособность. Прежде всего, это продолжающаяся депопуляция, ставящая под удар стратегические задачи масштабного освоения природных ресурсов региона, развитие здесь передовых высокотехнологичных отраслей, приток иностранных инвестиций. Серьезными вызовами развитию дальневосточных территорий остаются слаборазвитая инфраструктура, деградирующая система социальных услуг, низкий уровень жизни населения, периферийное положение в международных цепочках добавленной стоимости.

Развитие Дальнего Востока России (РДВ) без налаженных связей с внешними партнерами, обеспечивающими приток иностранных инвестиций, не может быть достаточно динамичным. К тому же вовлечение дальневосточных территорий в международное сотрудничество будет способствовать дальнейшей интеграции России в АТР. В условиях санкционного режима Россия начала интенсификацию сотрудничества с азиатскими партнерами, однако главным покупателем, потребителем и инвестором на РДВ остается Китай. Учитывая совокупный экономический потенциал Поднебесной и умение Пекина отстаивать выгодные для себя условия, встраивание РДВ в орбиту китайских интересов чревато потерей для Москвы экономического суверенитета над обширной территорией, обладающей важным геополитическим и военно-стратегическим значением. Таким образом, слишком тесные отношения с Китаем требуют от России диверсификации связей с зарубежными партнерами, в том числе в направлении стран Южной и Юго-Восточной Азии (ЮЮВА)¹, отличающихся высокими темпами экономического развития (см. таблицы 1 и 2).

Целью данного исследования является изучение динамики и перспектив развития трансграничных отношений РДВ с ЮЮВА. В рамках достижения этой цели требуется рассмотрение следующих вопросов: каковы сферы сотрудничества между странами ЮЮВА и субъектами ДФО, каково направ-

¹ В данной работе под аббревиатурой ЮЮВА подразумеваются страны АСЕАН и Индия.

Таблица 1. Макроэкономические показатели АСЕАН

Индикаторы	2015	2016	2017	2018
ВВП (в млрд. \$)	2456	2581	2785	2986
Рост ВВП (в %)	4,8	4,9	5,3	5,2
Объем экспорта товаров (в млрд. \$)	1171,7	1152,7	1324,3	1425,5
Объем импорта товаров (в млрд. \$)	1101,1	1085,9	1252,5	1375,3
Объем притока ПИИ (в млрд. \$)	114,2	116,8	144,2	149
Объемы вывоза ПИИ (в млрд. \$)	69	50	71	70

Источник: составлено на основе: [25; 30].

Таблица 2. Макроэкономические показатели Индии

Индикаторы	2015	2016	2017	2018
ВВП (в млрд \$)	2013,6	2289,75	2652,25	2718,73
Рост ВВП (в %)	8	8,2	7,2	6,8
Объем экспорта товаров (в млрд \$)	268	264,5	299,2	324,8
Объем импорта товаров (в млрд \$)	394,1	361,7	449,9	514,5
Объем притока ПИИ (в млрд \$)	44,1	44,5	40	42,3
Объем вывоза ПИИ (в млрд \$)	7,6	5,1	11,1	11

Источник: составлено на основе: [27; 28; 30].

ление динамики трансграничных отношений РДВ с ЮЮВА за последние несколько лет и каково влияние на нее институтов развития.

За последние 20 лет России удалось существенно продвинуться в направлении многопланового сотрудничества как с Индией, так и со странами АСЕАН. Москва и Дели достигли особо привилегированного стратегического партнерства, отношения с Вьетнамом остаются приоритетным звеном российской внешней политики в ЮВА, подписанное в прошлом году соглашение между ЕАЭС и Сингапуром о создании ЗСТ открывает для России новые экономические горизонты. Страны ЮЮВА являются двигателями региональных процессов и ключевым геоэкономическим ареалом. Сотрудничество с ними очень важно для России, поскольку способно укрепить ее положение на азиатском направлении. С другой стороны, активизация партнёрских отношений с представителями деловых кругов ЮЮВА на РДВ способна придать импульс динамике развития восточных территорий нашей страны, преодолеть их периферийность, приоткрыть "окно возможностей" во взаимодействии с ведущими игроками азиатской политики.

В то же время, несмотря на географическую близость РДВ к странам ЮЮВА по сравнению с другими районами РФ, пока не приходится говорить о кардинальных сдвигах в трансграничном сотрудничестве. Нельзя не отметить тренд на увеличение торговли ДФО со странами АСЕАН (объемы которой после снижения в 2015 до 335,6 млн.\$ в 2019 достигли 819,6 млн.\$), но

Таблица 3. Торговые партнеры ДФО (без Забайкальского края и Бурятии)

	Товарооборот в млн. \$	Китай		Южная Корея		Япония		Индия		Страны ЮВА	
		экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
2012	36160,9	5179,6	4671,4	8369,7	1867,3	7392,2	958,4	734	41,5	380,7	229
2013	40062,7	5448,9	5629,2	8430,9	1458,5	9135,3	1730,4	722	61,8	216	231,3
2014	39979,9	5419,5	4721,7	9113,9	1113,7	8566,1	1773,9	706,9	31,3	297,6	199,9
2015	26498,4	3868,3	2499,9	5824	430,8	6329,8	716,4	652	28,5	195,6	140
2016	24403,8	3850,4	2280,4	4870,6	635,7	4873,4	424,5	818,2	27,7	295,1	168,9
2017	28529,7	5080,6	2690,8	6138,1	967,3	4821,8	582,9	736,3	30,1	472,7	185,9
2018	34474,9	6415	3361	9157,6	564	6121,3	494,5	748,7	86,9	476,8	176
2019	37163,4	6453,4	4018,6	9420,4	701,8	6069,3	1243,1	685	42,4	631,9	187,7

Источник: составлено на основе: [8].

Таблица 4. Товарооборот ДФО с Индией и странами АСЕАН

	2015		2016		2017		2018		2019	
	Экспорт из ДФО (в млн. \$)	Импорт в ДФО в млн. \$)	Экспорт из ДФО (в млн. \$)	Импорт в ДФО в млн. \$)	Экспорт из ДФО (в млн. \$)	Импорт в ДФО в млн. \$)	Экспорт из ДФО (в млн. \$)	Импорт в ДФО в млн. \$)	Экспорт из ДФО (в млн. \$)	Импорт в ДФО в млн. \$)
Индия	652	28,5	818,2	27,7	736,3	30,1	748,7	86,9	685	42,4
Бруней	0,015	0,006	0,007	-	0,08	-	0,7	-	0,015	-
Вьетнам	38,2	30,2	61,8	28,4	65,7	34,5	100,4	39,4	179,2	43,6
Индонезия	7,4	22,5	44,9	22,5	61,7	17,8	31,8	21,8	17,8	33,1
Камбоджа	0,006	0,8	0,12	0,16	-	0,13	0,33	0,33	0,12	0,45

Лаос	0,034	-	-	-	0,024	-	0,014	-	0,02
Малайзия	14,6	31,5	16,8	20,3	22,3	21,8	18,7	95,5	20,9
Мьянма	1,96	0,3	-	0,02	2,9	0,6	1,2	-	0,14
Сингапур	33,8	26,7	72	73,6	172	72,5	49,9	11	38,1
Таиланд	95	22,7	85,8	20,8	89,8	35,4	41,8	44,96	48,6
Филиппины	4,4	5,1	13,7	3,1	58,2	3,2	2,9	271,6	2,8

Источник: составлено на основе: [8].

Таблица 5. Товарооборот субъектов ДФО (без Забайкальского края и Бурятии) с Индией и странами АСЕАН

	2015				2017				2019			
	Суммарный товарооборот (в млн. \$)	Товарооборот со странами ЮВА (в %)	Товарооборот с Индией (в %)	Суммарный товарооборот (в млн. \$)	Товарооборот со странами ЮВА (в %)	Товарооборот с Индией (в %)	Суммарный товарооборот (в млн. \$)	Товарооборот со странами ЮВА (в %)	Товарооборот с Индией (в %)	Суммарный товарооборот (в млн. \$)	Товарооборот со странами ЮВА (в %)	Товарооборот с Индией (в %)
Амурская область	674,5	0,08	0,016	516,5	0,3	0,05	755,3	0,1	0,03			
Еврейская автономная область	78,3	-	-	154,2	0,014	-	143,7	0,5	-			
Камчатский край	623,4	0,14	0,007	809,4	0,1	0,05	1047,6	0,4	0,2			
Магаданская область	376,5	0,04	3,7	474	0,18	2,9	534,8	0,4	4,5			
Приморский край	6339,3	2,4	0,5	6817,8	2	0,5	9272,8	2	0,5			
Республика Саха (Якутия)	3963,3	0,4	14,7	4948,1	0,9	14	4332,7	3,3	13,6			
Сахалинская область	12677,4	0,5	0,07	11965,8	3,54	0,03	16139	0,9	0,04			
Хабаровский край	1617,9	6,5	2,45	2664,2	1,9	0,7	2718,9	11,1	0,8			
Чукотский автономный округ	163	0,5	0,14	180	0,5	0,13	213,1	0,08	0,04			

Источник: составлено на основе: [8].

ее показатели по-прежнему значительно ниже товарооборота с одним лишь Китаем (см. таблицы 3 и 4).

Страны "большой тройки" СВА (Китай, Япония, Южная Корея) по-прежнему остаются ведущими торговыми партнёрами дальневосточных субъектов, даже несмотря на позитивную динамику показателей торговли со странами ЮЮВА большинства дальневосточных регионов. Если за 5 лет товарооборот с Индией вырос всего на 7%, то с Индонезией на 68, с Малайзии – в 2,5 раза, с Вьетнамом – в 3,3, а с Филиппинами – в 29! (см. таблицу 4).

Однако развитие торгово-экономических связей РДВ со странами ЮЮВА, как и со странами СВА, определяется преимущественно сырьевой направленностью его экспорта. Якутия и Магаданская область поставляют драгоценные камни в Индию; с Сахалина ведется транспортировка углеводородов во Вьетнам, Сингапур, Таиланд; Хабаровский край продает продукцию черной металлургии на Филиппины [8].

Последние несколько лет индийские и АСЕАНовские партнеры видят перспективы создания на территории РДВ производственных мощностей отраслевой направленности, рассматривая выгодную для себя нишу в сфере разработки месторождений полезных ископаемых, переработки углеводородов, сельскохозяйственного производства, пищевой, деревообрабатывающей промышленности [21, с. 185]. Логистические и инфраструктурные проекты также представляют для них интерес. Фундаментом развития отношений с партнерами из ЮЮВА стала новая государственная политика, направленная на формирование в дальневосточном регионе конкурентоспособных условий для привлечения ПИИ и ведения бизнеса в масштабах АТР [11, с. 7].

Создание в октябре 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока стало показателем серьезных намерений правительства не только "приблизить" отдаленные от центральных областей страны районы, но и обозначить их стратегическое значение для национальных интересов. Ровно через год В. Путин провозгласил "разворот к Тихому океану", который должен был открыть для России новые горизонты в экономике и обеспечить дополнительные инструменты для проведения активной внешней политики. Подъем Дальнего Востока был назван Президентом национальным приоритетом на весь XXI в. Для реализации потенциала ДВФО глава государства предложил создать территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт [18].

Законы 2014 и 2015 гг. о ТОРах (территориях опережающего социально-экономического развития) и СПВ (Свободном порте Владивосток) создали на РДВ преференциальные режимы, предусматривающие льготные условия для ведения бизнеса и особые меры государственной поддержки предпринимательства. Регулирование свободных экономических зон (СЭЗ) этого типа на РДВ, помимо Министерства по развитию Дальнего Востока, осуществляют Корпорация развития Дальнего Востока (КРДВ), Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (АПИ), Агентство по развитию человеческого капитала на ДВ (АРЧК). К деятельности ТОРов и СПВ подключен Фонд развития Дальнего Востока, целью которого является финансирование совместных предприятий и крупных проектов в преференциальных территориях. В комплекс регулирующих институтов развития на РДВ входит также Восточный центр государственного планирования, который занимается осуществлением научно-исследовательских и экспертно-аналитических работ в области социально-экономического развития ДВФО.

Стратегической задачей запуска СЭЗ является привлечение на территорию РДВ прямых иностранных инвестиций (ПИИ), благодаря которым будет возможно решение мешающих социально-экономическому развитию инфраструктурных и демографических проблем. Приход иностранных инвесторов способен не только реанимировать производственные мощности дальневосточной экономики и внести изменения в отраслевую структуру, но и привести к росту конкуренции.

Сигналом деловому сообществу АТР стал учрежденный в целях содействия развитию экономики РДВ Восточный экономический форум (ВЭФ). Если на первых встречах представители ЮЮВА были редкими гостями, то впоследствии количество делегатов из этих стран значительно возросло. В

2019 г. на ВЭФ индийская делегация по численности (204 человека) уступала только японской (588 человек), китайской (395 человек) и южнокорейской (285 человек). Увеличилось число гостей из следующих стран АСЕАН: Сингапура (58 человек), Вьетнама (55 человек), Малайзии (48 человек) [7].

Со стороны Индии, Сингапура, Вьетнама наибольшее внимание приковано к ресурсам и возможностям дальневосточных территорий, именно эти государства являются основными инвесторами в экономику РДВ. Индия, основательно вложившаяся в добычу и обработку алмазов, параллельно развивает нефтегазовое сотрудничество. Переживая дефицит первичных энергоресурсов, индийская сторона обсуждает совместные с Россией газовые проекты в Арктике [19], а также ориентируется на поставки коксующегося угля из месторождений Якутии и Камчатки, качество которого даже выше, чем у австралийского. Помимо энергетического применения, коксующий уголь используется как основное топливо при производстве стали, что важно для индийской промышленности. Ещё одним относительно новым направлением для индийского бизнеса является освоение месторождений лития и кобальта [13].

Индийский капитал представлен в ТОР "Камчатка" ООО "Фар Истерн Нэйчэрл Рисорсис", дочерним предприятием компании "Тата Пауэр", которая приобрела лицензию на освоение Крутогоровского каменноугольного месторождения [17]. В числе резидентов СПВ выступает ООО "КГК ДВ", входящее в индийскую компанию KGK Group – глобального игрока на рынке бриллиантов. Компания запустила производство по огранке алмазов во Владивостоке. В 2018 г. выручка предприятия составила 6.8 млрд. руб. Ежемесячно планируется обрабатывать до 9 тыс. карат алмазного сырья, покупаемого у компании "Алроса" [22]. KGK Group инвестировала в СПВ около 500 млрд. руб., а само предприятие пообещало к 2020 г. обеспечить до 500 рабочих мест [23]. В настоящее время в ДФО с участием капитала индийских компаний (в различной стадии реализации) находятся 5 инвестиционных проектов, среди которых ООО "Джей Ти", специализирующееся на производстве чая и кофе и ООО "М. СУРЕШ Владивосток", занимающееся обработкой алмазов и производством ювелирных изделий [20].

Компании с сингапурским капиталом представлены на Дальнем Востоке в таких отраслях, как судостроение, строительство, логистические услуги, добыча и производство морепродуктов, медицинские услуги, производство пищевых продуктов. С 2017 г. инвестором и управляющей компанией международного аэропорта Владивосток является сингапурское предприятие Changi Airport International – дочернее общество ведущего мирового оператора международных пассажирских перевозок. Сингапурская компания, ориентированная на создание во Владивостоке воздушного хаба транспортно-логистической сети АТР, эффективно управляет аэропортом. В 2018 г. пассажиропоток Владивостокского аэропорта впервые превысил 1 миллион человек на зарубежных направлениях [10]. Сингапурский бизнес проявлял интерес к участию в нефтехимической отрасли, планировал строительство завода по сжижению природного газа (СПГ) в Хабаровском крае. В прошлом году сингапурская компания "Судима" совместно с индийским партнером KGK заявила о готовности запустить проект по созданию лесоперерабатывающего комплекса в Забайкалье стоимостью 200 млн. \$ [24].

Примером сингапурского инвестиционного участия в ДФО последних лет стало предоставление компанией Rocktree Logistics Pte Ltd, одного из мировых лидеров в области эксплуатации морских перегрузочных комплексов, начального заемного капитала (более 500 млн. руб.) для покупки оборудования "Восточной горнорудной компании" – резиденту СПВ на территории Сахалинской области [9]. Большое значение для сингапурских компаний имеет вопрос транспортно-логистического обеспечения обслуживания Севморпути (СМП), открывающего для города-государства перспективы освоения Арктики. В этом отношении Сингапур вряд ли оставит без внимания территорию СПВ и его проекты, ведь успешное функционирование портовой инфраструктуры РДВ не только является залогом обеспечения транзита углеводородов, превалирующих в сингапурском импорте из России, но и может стать основой новых конкурентоспособных морских коммуникаций [12, с. 54].

Вьетнам исторически является для России важным партнером, благодаря которому нашей стране удалось укрепить положение в ЮВА и оставить о

Таблица 6. Объем общих входящих ПИИ в Россию из Индии и стран ЮВА (в млн. \$)

	Начало 2015 г.	Начало 2016 г.	Начало 2017 г.	Начало 2018 г.	Начало 2019 г.
Индия	99,4	66,5	708,3	758,1	638,4
Вьетнам	н/д	н/д	546,7	565,9	547
Индонезия	0,2	0,1	0,2	0,2	0,5
Сингапур	499,2	492,9	14563,8	16254,6	3945,8
Таиланд	н/д	н/д	0,9	2,9	1,6
Филиппины	0,1	0,1	0,9	1	1

Источник: составлено на основе: [1].

себе благоприятное впечатление. Тесное взаимодействие России и Вьетнама позволило им вывести двусторонние отношения на уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства, а вступившее в силу в октябре 2016 г. соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и СРВ повлияло на увеличение объемов российско-вьетнамской торговли. Важнейшим элементом экономических отношений между Россией и Вьетнамом по-прежнему остается нефтегазовый сектор, хотя все большее значение приобретают сельское хозяйство, пищевая промышленность, туризм.

Вьетнам имеет 22 инвестиционных проекта в России [29]. Одним из крупнейших объектов вьетнамских инвестиций на РДВ является комплекс молочного животноводства полного цикла, создаваемый при участии ООО "Ти-Эйч Рус Приморский", дочерней компании концерна TH Group. Ожидаемый объем инвестиций в проект составляет 16 млрд. руб. [4]. Если дальневосточная сельхозпродукция заполнит даже небольшие ниши рынка продовольствия ЮВА, то это уже может стать одной из точек роста РДВ.

Таиландский бизнес также заинтересован в реализации аграрных проектов на РДВ. Неудачная попытка компания "Сутэк Инжиниринг" построить сахарный завод в Советской Гавани (Хабаровский край) не отпугнула тайландских инвесторов. Компания "Чароен Покпанд Фудс" планирует запустить на Дальнем Востоке инвестиционные проекты в сфере сельского хозяйства [6]. Компания "Эмпайр Азия Групп" в сотрудничестве с другими тайландскими и международными операторами аэропортов планирует реализацию совместного инвестиционного проекта по строительству и модернизации дальневосточных аэропортов. Кроме того, "Эмпайр Азия Групп", совместно с нефтегазовыми компаниями Таиланда и Вьетнама заинтересована в участии в проектах, связанных с добычей, транспортировкой природного газа на РДВ [5]. Бизнесмены из Таиланда приглашаются к участию в СЭЗ РДВ, в частности, в развитие транспортной инфраструктуры и курортных объектов Сахалина в рамках ТОР "Горный воздух" [3].

В то же время объемы ПИИ из стран ЮЮВА на РДВ остаются крайне незначительными, что отражает общую слабость притока ПИИ в территориальные институты развития РДВ. Несмотря на предоставление компаниям-резидентам ТОР и СПВ многочисленных льгот, количество иностранных инвесторов ТОР и СПВ остается небольшим. К началу 2019 г. на долю иностранных инвесторов в ТОР приходилось 9,3 %, а в СПВ – 4,7% проектов [23].

Хотя суммарно за 5 лет доля иностранных инвестиций на РДВ увеличилась в 15 раз (с 2 до 30% от общего объема ПИИ в Россию) [2], в денежном эквиваленте это составляет лишь около 216 млрд. руб., причем в заявлениях КРДВ не упоминается, что это не реальные инвестиции, а "законтрактованные". Наибольшие притоки в СЭЗ из ЮЮВА приходятся на Сингапур (4%), Вьетнам (4%) и Индию (2%) [23]. Объем общих ПИИ из этих стран в Россию тоже невелик (см. таблицу 6).

Таблица 7. Объёмы ПИИ стран АСЕАН (с наибольшими показателями) и Индии

	2005		2010		2015		2018	
	Объём притока ПИИ (в млрд. \$)	Объём вывоза ПИИ (в млрд. \$)	Объём притока ПИИ (в млрд. \$)	Объём вывоза ПИИ (в млрд. \$)	Объём притока ПИИ (в млрд. \$)	Объём вывоза ПИИ (в млрд. \$)	Объём притока ПИИ (в млрд. \$)	Объём вывоза ПИИ (в млрд. \$)
Вьетнам	1,96	0,065	8	0,9	11,8	1,1	15,5	0,6
Индонезия	8,3	3,1	13,8	2,7	16,6	5,9	22	8,1
Малайзия	4,1	3,1	9,1	13,4	10,1	10,5	8,1	5,3
Сингапур	17,8	12,6	57,4	35,4	59,7	45,2	77,7	37,1
Таиланд	8	0,31	14,6	7,9	5,6	1,7	10,5	17,7
Филиппины	1,9	0,98	1,3	2,9	4,4	4,3	6,5	0,6
Индия	7,6	3	27,4	15,9	44,1	7,6	42,3	11

Источник: составлено на основе: [30].

Вместе с тем инвестиционный потенциал Индии и стран АСЕАН очень высок. За 2018 г. ЮВА получила рекордный уровень инвестиций – 149 млрд. \$, на 3% больше, чем в предыдущем году (см. таблицу 7). ПИИ в Индию возросли на 6%, превысив 42 млрд. \$, благодаря программе "Делай в Индии", обеспечившей приток капиталов в ключевые сектора экономики страны [26]. Показательны и цифры внешних инвестиций Индии и стран АСЕАН, которые связаны с усилением регионализации и интернационализации деловой среды ЮЮВА [16, с. 134].

Несмотря на то, что запуск дальневосточных СЭЗ привлек внимание бизнеса стран ЮЮВА, их участие в создании экспортно-ориентированных производств пока невелико, что обусловлено, прежде всего, традиционными слабостями территорий ДФО: низким уровнем развития инфраструктуры, ограниченностью человеческих ресурсов, нехваткой дешёвых денег [15]. Сопоставляя объёмы ожидаемой прибыли с рисками ведения бизнеса, азиатские инвесторы предпочитают стратегию извлечения природной ренты и дальнейшей переработки ресурсов вложениям в инфраструктуру и технологии [14, с. 53]. Дальнейшее улучшение инвестиционного климата, создание конкурентной деловой среды и изменение социально-экономических условий в ДФО представляется вызовом для институтов развития РДВ, требующим перехода от отдельных стимулирующих законов к разработке и реализации долгосрочной стратегии СЭЗ.

Традиционные слабости территорий ДФО отчасти компенсируются относительным экологическим благополучием РДВ и огромными площадями земель, пригодных для ведения сельского хозяйства. Кроме того, даже в экстремальных условиях Крайнего Севера есть возможность разрабатывать и тестировать теплицы и высокотехнологичные комплексы ветровой генерации. Однако инвесторов сдерживает монополизм крупных российских корпораций, диктующих условия ведения бизнеса в сырьевых отраслях. В частности, крупные холдинги, не заинтересованные в стимулировании модернизации и технологизации лесного хозяйства РДВ (а также возникновении новых предприятий в сфере деревообработки), вытесняют из лесной отрасли малые предприятия либо заставляют их выступать в качестве вспомогательных звеньев по заготовке и вывозу древесины. Ещё одним камнем преткновения для привлечения ПИИ являются ограничения, связанные с нахождением значительных площадей дальневосточных земель в ведении Минобороны РФ.

Не может не отпугивать потенциальных инвесторов санкционный режим в отношении России. "Тройной шок" для российской экономики (санкции, снижение мировых цен на нефть, пандемия Covid-19) безусловно окажет негативное воздействие на динамику трансграничных отношений с ЮЮВА. На этом фоне позиции Китая на РДВ кажутся значительно прочнее и представляют вызов для активной деятельности стран ЮЮВА на этом направлении. Наконец, поступательному развитию трансграничных отношений ДФО и региона ЮЮВА недостаёт опыта взаимодействия.

Вместе с тем, несмотря на сохраняющееся доминирование стран СВА в торгово-экономической повестке ДФО, присутствие Индии и стран АСЕАН на РДВ, обусловленное пониманием значимости данной территории для их интересов, приобретает все более устойчивый характер. Потенциал сотрудничества дальневосточных субъектов РФ со странами ЮЮВА не использован в полной мере, а сохранение позитивной тональности российского внешнеполитического курса в отношении с Индией и стран АСЕАН способно облегчить переход к более тесным и плодотворным связям, в том числе, на региональном уровне.

Таким образом, в результате исследования можно сделать следующие обобщения: во-первых, с 2015 г. динамика трансграничных отношений стала более позитивной, что выражается в повышении темпов роста торговли и инвестиций; во-вторых, роль институтов развития в выявленных изменениях динамики трансграничных отношений с ЮЮВА оказалась несущественной; и наконец, несмотря на то, что ресурсы институтов развития направлены на обеспечение наращивания конкурентоспособности РДВ и расширения спектра трансграничного сотрудничества на среднесрочную перспективу (до 2025 г.), сами по себе эти структуры не могут пересилить негативного воздействия международных факторов, упомянутых выше.

Литература

1. Банк России. Статистика внешнего сектора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 29.03.2020).
2. Березина Е. Край в масштабе // Российская газета. 10.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/09/10/inostrannye-investicii-v-dfo-uvelichilis-v-15-raz-za-5-let.html> (дата обращения: 8.14.2020).
3. Бизнесмены Таиланда планируют поучаствовать в крупных инвестпроектах Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/905484/> (дата обращения: 28.03.2020).
4. Васильева Е. На ВЭФ-2018 обсудили российско-вьетнамское сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: https://www.investvostok.ru/news/1944/?sphrase_id=569445 (дата обращения: 30.03.2020).
5. Васильева Е. Таиландская компания "Эмпайр Азия Групп" планирует инвестировать в Дальний Восток [Электронный ресурс]. URL: https://www.investvostok.ru/news/3014/?sphrase_id=569401 (дата обращения: 10.04.2020).
6. Васильева Е. Таиландский инвестор планирует запустить сельхозпроекты на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investvostok.ru/news/2137/> (дата обращения: 29.03.2020).
7. ВЭФ-2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.investvostok.ru/news/2493/?sphrase_id=569401 (дата обращения: 09.04.2020).
8. Внешняя торговля ДВФО // Дальневосточное таможенное управление [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.ru/folder/147017> (дата обращения: 26.03.2020).
9. В порту Шахтерск (Сахалин) "ВГК Стивидор" приступил к эксплуатации новых морских судов для перегрузки угля [Электронный ресурс]. URL: <https://portnews.ru/news/276355/> (дата обращения: 06.04.2020).
10. Губернатор Приморья предложил открыть прямой рейс Владивосток-Сингапур [Электронный ресурс]. URL: <https://vladnews.ru/2019-09-05/158328/gubernator-primorya> (дата обращения: 19.03.2020).
11. Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. Госсовет РФ. Сентябрь 2017. 102 с.
12. Золотухин И. Н., Туманов Ю. В., Веселов И. Р. Сингапур в меняющейся Арктике: проблемы сотрудничества и безопасности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 49–60.
13. Клименко Олег. Прольется ли дождь из рупий на Приморье? // Золотой Рог. 4.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://zrpress.ru/business/>

primorje_04.12.2019_96626_proljetsja-li-dozhd-iz-rupij-na-primorje.html (дата обращения: 29.03.2020).

14. Минакир П. А., Суслов Д. В. Прямые иностранные инвестиции в экономике Российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 41–56.

15. Мириминская Е. Дальнему Востоку до 2025 года нужно 11,5 трлн. рублей инвестиций // Ведомости. 03.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810374-dalnemu-vostoku-2025> (дата обращения: 28.03.2020).

16. Муранова А. П. Зарубежные прямые инвестиции стран Юго-Восточной Азии // Восточная аналитика. 2014. С. 128–142.

17. Национальный институт трансформации Индии поможет привлечь инвесторов на Дальний Восток [Электронный ресурс]. URL: https://www.investvostok.ru/news/2960/?sphrase_id=413551 (дата обращения: 26.03.2020).

18. Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 21.03.2020).

19. Пустовойтова Елена. Смещение российской дипломатии в сторону Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/09/10/smeschenie-rossijskoj-diplomatii-v-storonu-azii-48974.html> (дата обращения: 28.03.2020).

20. Реестр резидентов СПВ [Электронный ресурс]. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения: 08.04.2020).

21. Симоненко А. В. Проблемы и перспективы сотрудничества тихоокеанской России и стран ЮВА // Россия и АТР, 2016. № 4. С. 171–189.

22. Смитюк Ю. Индийская KGK Group запустила фабрику по огранке алмазов во Владивостоке [Электронный ресурс]. URL: <https://smitsmitty.livejournal.com/280419.html> (дата обращения: 04.04.2020).

23. Спивак В. Свободные экономические зоны Дальнего Востока. Опыт привлечения иностранных инвестиций // Эксперт. Сентябрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://expert-business.ru/researches/regions/2019_far_east (дата обращения: 06.04.2020).

24. Топ сингапурских инвестиций в Россию [Электронный ресурс]. URL: https://raspp.ru/business_news/top-singapore-investments-in-russia/ (дата обращения: 23.03.2020).

25. ASEAN: Selected Basic Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://data.aseanstats.org/indicator/AST.STC.TBL.1b> (дата обращения: 03.04.2020).

26. Developing countries in Asia receive more than \$500 billion in investments [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2112> (дата обращения: 05.04.2020).

27. GDP growth (annual %) – India [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=IN&start=1961&view=chart> (дата обращения: 01.04.2020).

28. India: Gross domestic product (GDP) in current prices from 1984 to 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/263771/gross-domestic-product-gdp-in-india/> (дата обращения: 27.03.2020).

29. Raman Preet. Vietnam-Russia Bilateral Ties Deepen, Boost Investment // Vietnam Briefing, September 24, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnam-russia-bilateral-ties-deepen-boost-investment.html/> (дата обращения: 28.03.2020).

30. Unctad Stat [Электронный ресурс]. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 08.04.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Bank Rossii. Statistika vneshnego sektora [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 29.03.2020).

2. Berezina E. Kraj v masshtabe // Rossijskaya gazeta. 10.09.2018 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2018/09/10/inostrannye-investicii-v-dfo-velichilis-v-15-raz-za-5-let.html> (дата обращения: 8.14.2020).

3. Biznesmeny Tailanda planiruyut pouchastvovat' v krupnykh investproektakh Sakhalinskoj oblasti [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/905484/> (дата обращения: 28.03.2020).

4. Vasil'eva E. Na VEhF-2018 obsudili rossijsko-v'etnamskoe sotrudnichestvo [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.investvostok.ru/news/1944/?sphrase_id=569445 (дата обращения: 30.03.2020).

5. Vasil'eva E. Tailandskaya kompaniya "Ehmpajr Aziya Grupp" planiruet investirovat' v Dal'nij Vostok [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.investvostok.ru/news/3014/?sphrase_id=569401 (дата обращения: 10.04.2020).

6. Vasil'eva E. Tailandskij investor planiruet zapustit' sel'khozproekty na Dal'nem Vostoke [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.investvostok.ru/news/2137/> (data obrashheniya: 29.03.2020).
7. VÉhF-2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.investvostok.ru/news/2493/?sphrase_id=569401 (data obrashheniya: 09.04.2020).
8. Vneshnyaya trgovlya DVFO // Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://dvtu.customs.ru/folder/147017> (data obrashheniya: 26.03.2020).
9. V portu Shakhtersk (Sakhalin) "VGK Stividor" pristupil k ehkspluatatsii novykh morskikh sudov dlya peregruzki uglya [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://portnews.ru/news/276355/> (data obrashheniya: 06.04.2020).
10. Gubernator Primor'ya predlozhit' otkryt' pryamoj rejs Vladivostok-Singapur [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://vladnews.ru/2019-09-05/158328/gubernator_primorya (data obrashheniya: 19.03.2020).
11. Doklad o kompleksnom razvitii regionov Dal'nego Vostoka. Gossovet RF. Sentyabr' 2017. 102 s.
12. Zolotukhin I. N., Tumanov Yu. V., Veselov I. R. Singapur v menyayushhejsya Arktike: problemy sotrudnichestva i bezopasnosti // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 49–60.
13. Klimenko Oleg. Prolet'sya li dozhd' iz rupij na Primor'e? // Zolotoj Rog. 4.12.2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://zrpress.ru/business/primorje_04.12.2019_96626_proljetsja-li-dozhd-iz-rupij-na-primorje.html (data obrashheniya: 29.03.2020).
14. Minakir P. A., Suslov D. V. Pryamyje inostrannye investitsii v ehkonomie Rossijskogo Dal'nego Vostoka // Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2018. T. 11. № 3. S. 41–56.
15. Miriminskaya E. Dal'nemu Vostoku do 2025 goda nuzhno 11,5 trln. rublej investitsij // Vedomosti. 03.09. 2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810374-dalnemu-vostoku-2025> (data obrashheniya: 28.03.2020).
16. Muranova A. P. Zarubezhnye pryamyje investitsii stran Yugo-Vostochnoj Azii // Vostochnaya analitika. 2014. S. 128–142.
17. Natsional'nyj institut transformatsii Indii pomozhet privlech' investorov na Dal'nij Vostok [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.investvostok.ru/news/2960/?sphrase_id=413551 (data obrashheniya: 26.03.2020).
18. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju. 12.12.2013 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (data obrashheniya: 21.03.2020).
19. Pustovojtova Elena. Smeshhenie rossijskoj diplomatii v storonu Azii [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/09/10/smeshenie-rossijskoj-diplomatii-v-storonu-azii-48974.html> (data obrashheniya: 28.03.2020).
20. Reestr rezidentov SPV [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (data obrashheniya: 08.04.2020).
21. Simonenok A. V. Problemy i perspektivy sotrudnichestva tikhookeanskoj Rossii i stran YuVA // Rossiya i ATR, 2016. № 4. S. 171–189.
22. Smityuk Yu. Indijskaya KGK Group zapustila fabriku po ogrankealmazov vo Vladivostoke [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://smitsmitty.livejournal.com/280419.html> (data obrashheniya: 04.04.2020).
23. Spivak V. Svobodnye ehkonomicheskie zony Dal'nego Vostoka. Opyt privlecheniya inostrannykh investitsij // Ehkspert. Sentyabr' 2019 g. [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://expert-business.ru/researches/regions/2019_far_east (data obrashheniya: 06.04.2020).
24. Top singapurskikh investitsij v Rossiju [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://raspp.ru/business_news/top-singapore-investments-in-russia/ (data obrashheniya: 23.03.2020).
25. ASEAN: Selected Basic Indicators [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://data.aseanstats.org/indicator/AST.STC.TBL.1b> (data obrashheniya: 03.04.2020).
26. Developing countries in Asia receive more than \$500 billion in investments [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2112> (data obrashheniya: 05.04.2020).
27. GDPgrowth(annual%) – India [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=IN&start=1961&view=chart> (data obrashheniya: 01.04.2020).
28. India: Gross domestic product (GDP) in current prices from 1984 to 2024 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.statista.com/statistics/263771/gross-domestic-product-gdp-in-india/> (data obrashheniya: 27.03.2020).
29. Raman Preet. Vietnam-Russia Bilateral Ties Deepen, Boost Investment // Vietnam Briefing. September 24, 2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnam-russia-bilateral-ties-deepen-boost-investment.html/> (data obrashheniya: 28.03.2020).
30. Unctad Stat [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (data obrashheniya: 08.04.2020).

Золотухин И. Н. Перспективы развития трансграничных отношений российского Дальнего Востока со странами Южной и Юго-Восточной Азии.

В статье рассматриваются пути и направления взаимодействия субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) со странами Южной и Юго-Восточной Азии (ЮЮВА) в контексте стратегических инициатив российского руководства по развитию экономики РДВ, ориентированных на создание территорий интенсивного роста с участием иностранных партнеров в реализации производственных, инфраструктурных, инвестиционных проектов. В работе затронуты формы трансграничного сотрудничества ДФО и ЮЮВА, в том числе динамика торгово-экономических отношений, спектр регионального взаимодействия, тенденции укрепления партнёрских связей. В статье освещены интересы и потребности бизнеса из ЮЮВА на РДВ, рассмотрены ключевые сферы сотрудничества между странами ЮЮВА и субъектами ДФО, дана оценка перспективам трансграничных отношений и обозначены сдерживающие их развитие факторы. Методической основой работы является анализ статических материалов, документов и исследований, отражающих разные аспекты изучаемой проблемы.

Ключевые слова: *Дальневосточный федеральный округ (ДФО), Южная и Юго-Восточная Азия (ЮЮВА), трансграничное сотрудничество, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), свободные экономические зоны (СЭЗ), преференциальный режим, территории опережающего развития (ТОР)*

Zolotukhin I.N. The prospects for the development of transborder relations between the Russian Far East and the South and Southeast Asia.

The article examines the ways and directions of interaction between the Far Eastern Federal District (FEFD) and the countries of South and Southeast Asia (SSEA) in the context of strategic initiatives of the Russian government aimed at the development of the economy of the Russian Far East (RFE) through creating territories of intensive growth with the participation of foreign partnership in the implementation of production, infrastructure, and investment projects. The work touches upon the forms of transborder cooperation between the FEFD and SSEA, including the dynamics of trade and economic relations, the range of regional interaction, and the trends to strengthening partnership. The article highlights the interests and needs of SSEA's businessmen in the RFE, considers key areas of cooperation between the FEFD and SSEA. The prospects for transborder relations and the factors constraining their development are identified. The article is based on the analysis of statistical materials, documents and researches reflecting various aspects of the focused problem.

Key words: *The Far Eastern Federal District (FEFD), the South and Southeast Asia (SSEA), transborder cooperation, foreign direct investments (FDI), special economic zones (SEZ), preferential regime, territory of advanced development (TAD)*

Для цитирования: Золотухин И. Н. Перспективы развития трансграничных отношений российского Дальнего Востока со странами Южной и Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 134–145. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/134-145

For citation: Zolotukhin I.N. The prospects for the development of transborder relations between the Russian Far East and the South and Southeast Asia // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 134–145. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/134-145

УДК 329.17

Журбей Е. В., Карловская А. А., Полетаева А. М.

Динамика торгово-экономических отношений между Вьетнамом и США на современном этапе: содержание и перспективы

С конца XX в. и по настоящее время существует мировая тенденция к глобализации, этот процесс затронул экономики стран во всем мире, объединив обособленные государства в общую систему мирового хозяйства. Опыт наиболее развитых стран мира свидетельствует о том, что по мере усиления интернационализации хозяйственной жизни и усиления взаимозависимости государств, внешнеторговая деятельность из второстепенного, дополнительного элемента превращается в один из основных движущих факторов развития экономики, что объективно предопределяет повышение значимости внешнего фактора в экономическом развитии. Внешнеторговые связи также явились катализатором экономических преобразований и фактором модернизации экономики Вьетнама.

Социалистическая Республика Вьетнам, которую еще совсем недавно причисляли к малоразвитым странам мира, встала на путь активного и устойчивого экономического подъема и в настоящее время считается одной из наиболее успешно развивающихся стран Азии. Вьетнам превратился из изолированной и бедной страны в одного из самых влиятельных членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, ВТО, ТТП и многоуважаемого партнера международного сотрудничества. В сегодняшних реалиях позиция и положение Вьетнама в отношениях в регионе и на международной арене находится на высоком уровне. Это возможно проследить хотя бы по заключенным договорам, вступлению в интеграционные экономические группировки, где Вьетнам старается поддерживать контакты с другими странами. В данный момент перед руководством СРВ стоит задача перехода на рыночные рельсы экономики, а также в совершенствовании своих торгово-экономических связей с государствами первого эшелона, в частности, с США.

Сегодня Вьетнам и США, две абсолютно несхожие в экономическом плане страны, преодолев периоды стагнации и военной враждебности в отношениях, перешли к двустороннему диалогу и непрекращающемуся развитию. Активизировав двустороннее сотрудничество с США заключением торгового соглашения в 2000 г., СРВ получила статус наиболее благоприятствующей нации. Последующие позитивные изменения также изменяли стратегический интерес США к своему торговому партнеру.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения основных факторов, механизмов и перспектив торгово-экономических отношений Социалистической Республики Вьетнам и США в период с 2000 г. по настоящее время. Характерной особенностью данных отношений является их высокая динамика и активность, но также нестабильность в статьях импорта и экспорта, некоторые внеэкономические и экономические факторы, которые также препятствуют развитию. Данная тема актуальна еще и потому, что СРВ находится на пути становления рыночной экономики, пытается в условиях социализма проводить не только эффективную экономическую политику, но

© *Журбей Е. В., Карловская А. А., Полетаева А. М., 2020*

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** zhurbey.ev@dvfu.ru

КАРЛОВСКАЯ Анастасия Андреевна, студентка Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** anastasiya_karlovskaya@mail.ru

ПОЛЕТАЕВА Александра Михайловна, студентка Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** poletaeva1334@gmail.com

и стимулировать экономический прогресс, повысить благосостояние граждан, что сложно для страны с некогда отсутствующими внешними связями.

Внешнеторговые связи Вьетнама, в том числе и США, активно воздействуют на формирование в стране рыночных структур и механизмов, способствуют первоначальному накоплению капитала, улучшению конкурентной среды, повышению эффективности отечественного бизнеса, приобщению его к зарубежному опыту предпринимательства. Это делает весьма актуальной задачу осмысления и углубленного исследования практики современной политики открытой экономики Вьетнама, в частности внешнеторговой деятельности. Дополнительный интерес вызывает тот факт, что Вьетнам до сих пор не отказался от цели построения социалистического общества.

Основной целью исследования является анализ торгово-экономических отношений Вьетнама с США на современном этапе, как основы для дальнейшего совершенствования их контактов в других областях и путей повышения конкурентоспособности вьетнамской экономики.

Отсутствие дипломатических отношений между СРВ и США на протяжении нескольких десятилетий служило основным препятствием развитию торгово-экономических связей. Поэтому важнейшей предпосылкой для нормализации и расширения торгово-экономического сотрудничества между США и СРВ стала нормализация политических отношений двух государств. Урегулирование означало перевод отношений на прочную правовую основу, подкреплённую долгосрочными торговыми договоренностями, обоюдным предоставлением торгового режима наиболее благоприятствующей нации и т. д.

Для этого требовалось добиться отмены экономических санкций, наложенных Вашингтоном на торговлю США с Вьетнамом. Данное мероприятие вызвало бы открытие доступа к льготным кредитам и займам международных финансовых организаций, оказывающих помощь слабо развитым странам, усилило авторитет СРВ на мировой арене. Таким образом, экономические санкции не только ограничивали внешнеторговый оборот двух стран применением высоких тарифных барьеров и нетарифных рестрикций, но препятствовали Вьетнаму в попытке развить отношения с западом на равноправных началах. Поэтому вопрос об урегулировании вьетнамско-американских политических отношений становился необходимым условием, чтобы стороны по официальным каналам могли приступить к решению других накопившихся проблем. После победы коммунистического Северного Вьетнама над поддерживаемым США Южным Вьетнамом в 1975 г. Соединенные Штаты прекратили практически весь экономический обмен с вновь объединенным Вьетнамом. Коммерческие ограничения включали не только те, которые ранее были наложены на северный Вьетнам, но также и прекращение двусторонней гуманитарной помощи, противодействие финансовой помощи со стороны международных финансовых учреждений (таких как Всемирный банк), запрет на поездки США во Вьетнам и эмбарго на двустороннюю торговлю.

Налаживание первых послевоенных контактов между США и СРВ началось в гуманитарной сфере, когда правительство США направило запрос о поиске пропавших военных на территории Вьетнама. Просьба Соединенных Штатов была встречена во Вьетнаме с пониманием. Ханой допустил на территорию СРВ представителей американской комиссии по розыску пропавших без вести и оказал необходимое содействие в организации поисковой экспедиции по местам бывших сражений. Этот факт сыграл решающую роль в установлении дипломатических отношений между странами. В течение 1982–1983 гг. СРВ и США провели консультации о начале совместных поисков останков погибших американских солдат, а в 1986 г. начала работать первая поисковая экспедиция.

Главным шагом для восстановления отношений являлось снятое США торговое эмбарго в отношении Вьетнама. Это произошло в 1994 г. по инициативе президента Клинтона, а 11 июля 1995 г. было официально объявлено о нормализации отношений с Вьетнамом.

Отмена эмбарго была важна и для СРВ, и для США. Она позволила вступить вьетнамско-американским отношениям в качественно новую стадию, пришедшую на смену длительному периоду конфронтации, когда Дж. Буш, в то время президент США, проводил жесткую политику по отношению к Вьетнаму, прежде всего, в экономической плоскости, блокируя его возможно-

Таблица 1. Торговля США – Вьетнам, 1994–2000 гг. (млн. долл. США)

Год	Импорт	Экспорт	Торговый баланс
1994	50.45	172.22	121.77
1995	198.97	252.86	53.89
1996	319.04	616.05	297.01
1997	388.19	277.79	-110.40
1998	553.41	274.22	-279.19
1999	601.90	277.30	-324.60
2000	827.40	330.50	-496.90

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка

сти получения помощи по линии Международного валютного фонда и других международных валютно-финансовых организаций.

Установление дипломатических отношений ознаменовало начало более тесного сотрудничества США и СРВ в международных организациях, в подготовке СРВ к вступлению во Всемирную торговую организацию.

13 июля 2000 г. Вьетнам и США подписали двустороннее торговое соглашение. Соглашение вступило в силу 10 декабря 2001 г., когда Конгресс США и вьетнамское Национальное собрание его одобрили, и обе стороны официально обменялись письмами об осуществлении соглашения [3]. Заключение Торгового соглашения произошло под влиянием процесса глобализации и регионализации национальных экономик, под воздействием подготовки вступления Вьетнама во Всемирную торговую организацию, целенаправленной политики Соединенных Штатов Америки и международных валютно-финансовых организаций. В соответствии с этой сделкой Соединенные Штаты предоставили Вьетнаму временный статус наиболее благоприятствующей нации, что значительно снизило тарифы США на большую часть импорта из Вьетнама. Однако Вьетнам продолжает оставаться со статусом "нерыночная экономика" (НМЕ) со стороны США, а ряд стран, в том числе Австралия, Индия и Япония, отнесли Вьетнам к странам с рыночной экономикой.

Обе стороны искали наибольшей выгоды после заключенного двустороннего соглашения. Торговые и инвестиционные потоки из США во Вьетнам и наоборот были крайне низки. Хотя Вьетнам на тот момент являлся тринадцатой по численности населения страной в мире, где проживало почти 80 миллионов человек, за последние несколько лет ежегодный экспорт США колебался в диапазоне 200–300 млн. долл. США (см. таблицу 1) [5]. Основной экспорт США во Вьетнам включал самолеты, удобрения, телекоммуникационное оборудование и машины общего назначения. Суммарные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) американских компаний во Вьетнаме были также невелики и оценивались примерно в 1 млрд. долларов США. Импортировались преимущественно продукты питания: креветки, кешью, кофе, также отводилась роль нефтепродуктам.

До подписания торгового соглашения экспорт сильно колебался из года в год: сначала была замечена положительная динамика (616 млн. долл. США в 1996 г.) пока его стоимость вновь резко не упала и держалась на прежнем уровне на протяжении нескольких лет, до 2000 г. Рост импорта, в свою очередь, отмечен положительной динамикой: ежегодно на 100 и более млн. долл. США. Однако несмотря на то, что государства начали налаживать отношения в 1990-х гг., торговый баланс для Вьетнама в торговле был отрицательный с 1997 г.

После подписания соглашения чиновники администрации Клинтона и представители бизнеса были осторожны относительно двустороннего согла-

шения, так как не были уверены, что оно значительно увеличит экспорт и инвестиции из США во Вьетнам в краткосрочной перспективе. Скорее, они подчеркивали, что американские экспортеры и инвесторы получат наибольшую выгоду в среднесрочной и долгосрочной перспективе, так как Вьетнам продолжает рыночные реформы, становится все более развитым и интегрированным в мировую экономику, выполняет все больше требований соглашения.

Хотя США и Вьетнам были солидарны относительно двустороннего торгового соглашения в июле 1999 г., почти год Вьетнам откладывал его подписание. В первую очередь, этому препятствовали внутренние факторы. Официальная причина задержки во Вьетнаме заключалась в том, что требовалось больше времени для проверки соглашения между лицами, принимающими решения во Вьетнаме. "Консенсусный" стиль принятия решений и слабость руководства страны, вероятно, и растянули процесс проверки: торговое соглашение являлось на тот момент самым обширным соглашением, в которое когда-либо вступал Вьетнам, и для того, чтобы Ханой предпринял такой радикальный шаг, потребовалось согласие практически всех должностных лиц, участвующих в реализации соглашения.

Наибольшее число сомнений торговое соглашение вызвало у вьетнамских консерваторов. Со времени проведения VIII съезда вьетнамской Коммунистической партии в 1996 г. разногласия между реформаторами и консерваторами в Политбюро Вьетнама – высшего руководящего органа страны – парализовали принятие экономических решений. Поскольку двустороннее торговое соглашение с США требовало, чтобы Вьетнам начал реформы и углубил свою интеграцию в мировую экономику, неудивительно, что Политбюро также разделилось по вопросу о завершении сделки. Консерваторы опасались, что экономическая реформа подорвет "социалистические основы" экономических и политических систем страны и тем самым поставит под угрозу легитимность и монополию коммунистической партии на власть. Они также опасались, что суверенитет Вьетнама будет подорван в результате усиления экономической зависимости Вьетнама от запада и повышения уязвимости Вьетнама к региональным экономическим спадам, таким как азиатский финансовый кризис 1997–1999 гг.

Завершающим фактором, оказывающим внешнее давление, стала попытка сохранить отношения не только с США, но и с Китаем. Руководство страны было обеспокоено тем, что торговая сделка с Соединенными Штатами будет противодействовать Китаю. Пекин и Ханой незадолго до заключения торгового соглашения укрепили свои связи, и вьетнамские консерваторы опасались реакции Пекина на заключенное соглашение.

С тех пор, как начало действовать двустороннее соглашение в 2001 г., объем торговли и инвестиций между США и СРВ начали расти. Экспортные позиции из США во Вьетнам пополнились такими товарами, как сельскохозяйственная продукция, машины, транспортные средства, ткани. Импорт из Вьетнама в США преимущественно составляет: одежда, обувь, текстильные товары, мебель, сельскохозяйственная продукция, морепродукты. Объем двусторонней торговли между странами в 1995 г. составлял 451 млн. долл. США, тогда как в 2016 г. – 52 млрд. долл. США, в 2018 г. – 60 млрд. долл. США [4], а в 2019 г. объем двусторонней торговли составил 77,6 млрд. долл. США [10, p. 1].

В 2020 г. исполняется 25 лет с момента восстановления дипломатических отношений Вьетнама и США. За этот период США превратились во второго по величине торгового партнера для Вьетнама (после Китая), а двусторонняя торговля выросла почти на 32% только в одном 2019 году. В 2019 г. Вьетнам стал 7-ой по величине страной-импортером товаров в США, а Вьетнам 27-ой страной для США по экспорту американских товаров [10, p. 1]. По данным на 2017/2018 гг., Вьетнам экспортирует в США морепродукты, текстиль, обувь, древесину и изделия из дерева, компьютеры, электронные товары, комплектующие и сельскохозяйственную продукцию. Импортируется из США: компьютеры, электронные товары, хлопок, корма для животных, оборудование, машины, инструменты и запасные части. В 2019 г. ситуация незначительно, но изменилась. В товарной номенклатуре теперь значатся обувь, одежда и хлопок, пластик, мебель и другие позиции, которые до этого были либо не характерны для импорта или экспорта, либо не пользовались столь

Таблица 2. Импорт/экспорт, товарооборот и торговый баланс между Вьетнамом и США в 1995–2018 гг., в млн. долл. США

	Импорт США из Вьетнама (млн \$)	Экспорт США во Вьетнам (млн \$)	Товарооборот (млн \$)	Торговый баланс (млн \$)
1995 г.	198,90	252,50	451,90	53,600
2000 г.	827,40	330,50	1157,90	-496,90
2005 г.	6522,30	1151,30	7673,60	-5371,00
2010 г.	14868,00	3710,00	18577,90	-11157,50
2015 г.	33500,00	7800,00	41280,00	-25700,00
2018 г.	46480,00	8160,00	58860,00	-38320,00

Источник: составлено авторами на основе данных Главного таможенного управления Вьетнама

большой популярностью, а потому были включены в основные статьи, например: женские и детские костюмы, свитера, прочий трикотаж. На протяжении многих лет текстиль и одежда по-прежнему остаются ведущими экспортными статьями Вьетнама на рынке США. Помимо этого, такие товары, как телефоны и их составляющие, древесина и изделия из дерева, морепродукты, обувь, также вносят значительную долю в общий экспортный оборот.

В 2018 г. Соединенные Штаты также являлись крупнейшим рынком импорта Вьетнама с оборотом 47,5 млрд. долл. США, что на 14,26% больше, чем было в 2017 г., и являются рынком, на котором Вьетнам имеет самый большой профицит торгового баланса – 34,72 млрд. долл. США (2018 г.) [8]. На долю таких экспортных товаров, как текстиль и одежда, приходится 13,7 млрд. долл. США, что на 11,6% больше по сравнению с 2017 г., и составляет 28,82% стоимости экспортируемых товаров на этот рынок. Далее следует обувь – 6 млрд. долл. США, машины, оборудование и запчасти – 3,4 млрд. долл. США. Ниже представлена статистика импортно-экспортного оборота между странами за период с 1995 по 2018 гг. (см. таблицу 2), а также статьи основных импортных и экспортных товаров за 2017, 2018 и 2019 гг. (см. таблицы 3–5) [6; 13].

Проанализировав данные, представленные в таблицах, можно утверждать, что основные статьи вьетнамского экспорта в США – текстильная и швейная продукция, ее оборот достиг 15 млрд. долл. США в 2019 г., а это 45,2% от общего экспортного оборота текстиля и одежды во Вьетнаме; экспорт обуви составил 5 млрд. долл. США с ростом на 14,2% по сравнению с 2018 г. [9]. Среди импортируемых США товаров стоит отметить компьютеры и комплектующие – 3 млрд. долл. США в 2018 г., а также хлопок – 1,5 млрд. долл. США. На все перечисленные статьи импорта приходится 39,97% всех входящих поставок. Исходя из данных таблицы, а конкретно экспортных товаров за 2019 г., особым спросом все также пользуются хлопок, компьютерные составляющие, телефоны и запчасти для них, полупроводники, что, вероятно, напрямую связано с тем, что во Вьетнаме развиваются технологии по созданию собственных брендов. Стоит также отметить, что для СРВ актуальны новые запчасти для техники, так как внутри страны находятся многочисленные сборочные заводы разных компаний. На долю данных позиций приходится 37,46% всего экспорта во Вьетнам [16].

С момента нормализации и восстановления дипломатических отношений между СРВ и США двусторонние связи между этими странами развивались очень высокими темпами. С приходом к власти в США администрации Барака Обамы и началом политики "поворота" или "перебалансировки" в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) роль Вьетнама для внешней политики страны стала возрастать. Аналогично, США занимают одно из важнейших мест во внешнеполитической стратегии СРВ.

Таблица 3. Статьи вьетнамского экспорта в США, в млн. долл. США

№	Товары	2017	2018	Рост к 2017, %
1	Текстиль и одежда	12274	13700	11,61%
2	Телефоны и комплектующие	3703	5411	46,13%
3	Компьютеры, электронные товары и комплектующие	3439	2864	-16,71%
4	Транспортные средства и запчасти	1182	1321	11,72%
5	Обувь всех видов	5113	5823	13,9%
6	Древесина и изделия из дерева	3267	3897	19,29%
7	Механизмы, оборудование и комплектующие	2.427	3406	40,34%
8	Морепродукты	1406	1627	15,70%
9	Сумки, кошельки, чемоданы, шапки и зонты	1337	1321	-1,18%
10	Орехи	1219	1211	-0,7%

Источник: составлено авторами на основе данных Главного таможенного управления Вьетнама

Таблица 4. Статьи американского экспорта во Вьетнам, в млн. долл. США

№	Товары	2017	2018	Рост к 2017, %
1	Компьютеры, электронные товары и комплектующие	2784	3051	9,57%
2	Хлопок всех видов	1179	1469	24,62%
3	Сырье для текстиля, одежды, кожи и обуви	356	413	15,96%
4	Соя	3301	547	65,23%
5	Химическая продукция	285	320	12,40%
6	Корма и сырье для животных	281	682	142,93%
7	Древесина и изделия из дерева	255	317	24,03%
8	Изделия из пластмассы	249	448	79,77%
9	Молоко и молочные продукты	80	122	51,5%

Источник: составлено авторами на основе данных Главного таможенного управления Вьетнама

В 2013 г. в ходе саммита G-20 президенты США и Вьетнама Барак Обама и Чыонг Тан Шанг соответственно подняли отношения до уровня "всеобъемлющего партнерства". Это означает, что обе стороны признают широту сфер сотрудничества и открыты для двустороннего диалога. Данное партнерство обозначило девять направлений сотрудничества: политическое и дипломатическое сотрудничество; торгово-экономические связи; научно-техническое сотрудничество; образование; окружающая среда и здоровье; вопросы послевоенного наследия; оборона и безопасность; защита прав человека; культура,

Таблица 5. Топ 10 импортных и экспортных товаров за 2019 г. (в млн. долл. США)

Импортные товары	2019 г.	Экспортные товары	2019 г.
Смартфоны и сопутствующее оборудование	13810	Хлопок	1430
Мебель и части мебели	4560	Компьютерные чипы	1060
Спортивная и другая текстильная обувь	3210	Гражданские самолеты и запчасти	786
Свитера, пуловеры, жилеты, вязанные или трикотажные	2640	Смартфоны и сопутствующее оборудование	414
Кожаная обувь	2430	Пластик	388
Всевозможные сидения (кроме тех, что предназначены для стоматологий и парикмахерских)	2280	Сталь, металлолом	369
Компьютерные чипы	1920	Соевые бобы	296
Светочувствительные полупроводники и детали	1680	Масло	278
Костюмы женские и детские, вязанные или трикотажные	1660	Сахар, крахмал	271
Костюмы женские и детские, не трикотаж	1610	Части обуви; стельки, гетры и т.д.	270

Источник: составлено авторами на основе данных Главного таможенного управления Вьетнама

туризм и спорт. Что важно, стороны отметили стремление уважать "политические системы, независимость, суверенитет и территориальную целостность друг друга" [9]. Повестка дня и механизмы, изложенные в совместном заявлении Обамы и Шанга, объявляющем о партнерстве, служат подтверждением Ханю и Вашингтону для продвижения отношений вперед. Они подтвердили, что экономическое сотрудничество будет и впредь оставаться "основой и двигателем" отношений между США и Вьетнамом. Это положительный сдвиг вперед по крайней мере по двум причинам: во-первых, это означает, что политическая система, возглавляемая Коммунистической партией Вьетнама, не должна рассматриваться как серьезное препятствие для развития будущих связей. И во-вторых, это свидетельствует о готовности США более стратегически привлекать Вьетнам.

Продолжилась интенсификация двусторонних отношения и при новой уже республиканской администрации США. Визиты президента Д. Трампа во Вьетнам в 2017 и 2019 гг. также привели к ряду заключенных соглашений о покупке товаров на десятки миллиардов долларов. Администрация Трампа неоднократно заявляла о своей заинтересованности в увеличении продаж оружия во Вьетнам, но до сих пор такие продажи были ограничены, несмотря на выраженную заинтересованность обоих правительств. Однако с 2009 по 2017 гг. продажа американского вооружения США Вьетнаму выросла на 11,5 млн. долл. США (2009 г. – 0,5 млн. долл. США, 2017 г. – 12 млн. долл. США) [16, p. 9].

США отмечают для себя негативную тенденцию в двустороннем сотрудничестве, а именно торговый дефицит. Если в 2001 г. цифра составляла 592 млн. долл. США, то в 2018 г. – 39 млрд. долл. США. Фактически это 5-й крупнейший дефицит двусторонней торговли США (после Китая, Мексики, Японии и Германии). Согласно статистическим данным, в 2019 г. положительное сальдо двусторонней торговли составило 47 млрд. долл. США [10, p. 1]. Растущий торговый дефицит между Вьетнамом и США за последнее десятилетие может создать новый "вызов" в двусторонних отношениях. Так, торговый представитель США Роберт Лайтхайзер заявил, что Вьетнаму следует предпринять шаги по сокращению положительного сальдо торгового баланса с

США. У США растет дефицит торгового баланса с Вьетнамом и американская сторона заявила Вьетнаму, что он "должен принять меры по сокращению неустойчивого торгового дефицита", что включает меры по "расширению импорта товаров из США и устранение ограничений на доступ к рынкам, связанных с товарами, услугами, сельскохозяйственной продукцией и интеллектуальной собственностью" [11], а президент Д. Трамп назвал Вьетнам "хуже Китая" в данной сфере [14].

Недовольство по этому поводу Трампа звучало уже с 2016 г., однако закупки боингов Вьетнамом на несколько миллиардов долларов казались Вьетнаму защитой от этого недовольства. Но это не помогло, и Вьетнаму пришлось остановить несколько проектов с Китаем в угоду Вашингтону. Урон от возможных санкций США может смягчить торговля с партнерами по Транстихоокеанскому партнерству, из которого вышли США, и договор о свободной торговле с Евросоюзом. США потребовал от Вьетнама увеличения закупок американских товаров, в случае отказа – пригрозил увеличением тарифов в отношении вьетнамской продукции, вследствие которых Вьетнам может потерять до 25% экспортных доходов [1]. Чтобы предотвратить наихудший сценарий, Вьетнам увеличил импорт сельхозпродукции из США, демонстрируя желание сохранить текущие отношения с США. В свою очередь США, прекрасно понимая, что низкий уровень покупательской способности вьетнамского населения не способен резко увеличиться, выставили требование минимизировать закупки российского вооружения, закупая американское.

В целом взаимное партнерство США с Вьетнамом развивается стабильно. Политическая элита Вьетнама определила торговлю, ориентированную на рост экспорта, а также международную экономическую интеграцию в качестве международных политических предпочтений и использовала интеграцию международной торговли в качестве стратегического инструмента для максимизации этих национальных приоритетов в рамках региональной и международной торговой системы. Поэтому Вьетнам придерживается стратегического взгляда на интеграцию в международную торговлю и использует его в качестве инструмента для обеспечения своих национальных интересов и безопасности за счет усиления экономической мощи. Посредством тщательного отбора торговых соглашений Вьетнам стремится занять стратегически выгодное положение по сравнению с другими странами АТР, обеспечить непрерывный экономический рост за счет доступа к ключевым рынкам и осуществить некоторые из наиболее трудных внутренних экономических реформ, используя свои обязательства по внешнеторговым соглашениям.

Торговые и инвестиционные связи между Вьетнамом и Соединенными Штатами резко возросли за два последних десятилетия и являются наиболее динамичным компонентом всестороннего партнерства двух стран. Как было отмечено, для интенсификации экономических отношений, происходит наращивание военно-технической мощи, подписываются соглашения о проведении учений на территории Вьетнама; США используют любые возможности, чтобы оставаться в азиатском регионе и распространять свое влияние в близлежащих границах. Обе страны стараются поддерживать баланс в отношениях с КНР, хотя это может быть особо сложной задачей в условиях активной интеграции. В данных отношениях крайне важно продолжать работу и искать новые пути для интенсификации политических отношений, совершенствовать существующие договоры или заниматься разработкой новых, так как это может способствовать дальнейшим успехам торгово-экономических отношений и имиджу стран на мировой арене.

Что касается экономического сотрудничества, на данный период времени оно достигло высокого уровня. Торговое соглашение 2000 г. способствовало позитивным изменениям между странами: возрос товарооборот, во Вьетнам поступил приток иностранных инвестиций, американские корпорации также получили возможность осуществлять свою деятельность на территории СРВ. В целом это открыло новые возможности для обеих сторон. Вьетнам извлекает выгоду из торговой войны США и Китая, так как некоторые компании перемещают туда свое производство. В прошлом году прямые иностранные инвестиции во Вьетнам достигли рекордных 18 млрд. долл. США. Страна привлекает их более низкой стоимостью труда и менее жесткими экологическими нормами. СРВ извлекает выгоду благодаря тому, что продает многие товары,

которые в Китае попали под пошлины. Импорт США из Вьетнама вырос почти на 32% за 2019 г. по сравнению с 2018 г. За аналогичный период импорт США из Китая уменьшился на 13%. Оценки влияния торговой войны США и Китая разнятся. По оценкам Азиатского банка развития, в случае эскалации торгового конфликта ВВП Вьетнама увеличится дополнительно на 2% в течение трех лет [2], а эксперты Национального центра социально-экономической информации, которые с 2018 г. ведут наблюдения за влиянием торговой войны двух стран на экономику Вьетнама прогнозируют, что ВВП Вьетнама к 2022 году сократится на 0,11%, причем наибольший удар от торговой войны, Вьетнам получит именно к 2020–2021 г. [7].

Эксперты считают, что Вьетнам больше других стран мира выиграл от торгового конфликта Вашингтона и Пекина, но не все так радужно [15]. США беспокоит растущий дефицит торгового баланса. Вьетнам импортировал из США в 2018 г. 9,7 млрд. долл. США, а экспортировал в США на 49,2 млрд. долл. США, торговый профицит для Вьетнама (или дефицит для США) составил 39,5 млрд. долл. США [10, p.1]. Более крупный дефицит США имеют только в торговле с Китаем, Мексикой, Японией и Германией. Поэтому некоторые задаются вопросом, не разозлит ли это Вашингтон, если дефицит продолжит расти. Многие будут зависеть от того, какова цель Трампа в торговой войне – вернуть производство в США и уменьшить дефицит в торговле с другими странами или просто заставить Китай отказаться от методов, которые он считает нечестными.

Официальные лица США уже упрекают Вьетнам в реэкспорте китайских товаров. Они поставляют товары из Китая во Вьетнам, где они подвергаются лишь небольшой обработке, а затем реэкспортируют их уже как вьетнамские в США. Вьетнамские власти обещают с этим бороться. Но таможенные данные показывают, что такое мошенничество очень распространено. "Так, за первые пять месяцев 2019 г. поставки компьютеров и другой электроники из Китая во Вьетнам выросли на 80,8% в годовом выражении до 5,1 млрд. долл. США. За аналогичный период экспорт таких товаров из Вьетнама в США увеличился на 71,6% до 1,8 млрд. долл. США. Похожий тренд наблюдается и с поставками машинного оборудования" [2]. Вьетнам и раньше играл роль такого посредника. Много лет он таким же образом реэкспортировал в США китайскую сталь, помогая ее производителям обходить пошлины. В итоге Вашингтон пришел к выводу, что создаваемая во Вьетнаме добавленная стоимость некоторых видов стали является незначительной, и в мае 2018 г. обложил эту сталь 250%-ными пошлинами [2].

Интенсификация торговых отношений двух стран способствует и нормализации политических отношений. Вьетнам и США подписывают соглашения о проведении учений, наращивают военно-техническую мощь, ранее страны решили ряд политических проблем, связанных с последствиями войны. США явно делают ставку на Вьетнам, как страну, опасющуюся экспансии северного соседа. Вместе с тем США еще не готовы предоставить Вьетнаму статус страны с рыночной экономикой и соответствующими экономическими преференциями. Проблемы демпинга, манипулирование национальной валютой, кража интеллектуальной собственности и другие проблемы беспокоят американскую сторону [10, p. 1–2].

В заключении отметим, что торгово-экономические отношения Вьетнама и США росли в геометрической прогрессии с момента восстановления дипломатических связей и являются драйвером для углубления политических, военных и культурных контактов. Углубление двустороннего сотрудничества в будущем откроет новые возможности для двух государств.

Литература

1. Карпов А. Между Китаем и США – Вьетнам выбирает Японию // [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2692764.html> (дата обращения 24.02.2020).
2. Невельский А. Победителем в торговой войне США и Китая оказался Вьетнам // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/06/28/805380-vietnam> (дата обращения 24.02.2020).

3. Agreement between the United States of America and the Socialist Republic of Vietnam on trade relations // [Электронный ресурс]. URL: http://www.usvtc.org/trade/bta/text/full_text.htm (дата обращения 24.02.2020).
4. Albert E. The Evolution of U.S.-Vietnam Ties. 20.03.2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/background/evolution-us-vietnam-ties> (дата обращения 24.02.2020).
5. Exports of goods and services (% of GDP) // [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ne.exp.gnfs.zs> (дата обращения 24.02.2020).
6. General Department of Customs. Statistics of Exports by country/Territory-Main Exports 2017-2018 // [Электронный ресурс]. URL: [https://www.customs.gov.vn/Lists/EnglishStatisticsCalendars/Attachments/905/2018-T12T-5X\(EN-FN\).pdf](https://www.customs.gov.vn/Lists/EnglishStatisticsCalendars/Attachments/905/2018-T12T-5X(EN-FN).pdf) (дата обращения 24.02.2020).
7. Gunnion L. Vietnam: Economy continues robust growth in 2018 // [Electronic resource]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/asia-pacific/vietnam-economic-outlook.html> (дата обращения 24.02.2020).
8. Joint Press Availability with Vietnamese Deputy Prime Minister and Foreign Minister Pham Binh Minh // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/12/218747.htm> (дата обращения 24.02.2020).
9. Joint Statement by President Barack Obama of the United States of America and President Truong Tan Sang of the Socialist Republic of Vietnam, 2013. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/07/25/joint-statement-president-barack-obama-united-states-america-and-preside> (дата обращения 24.02.2020).
10. Martin M. U.S.-Vietnam Economic and Trade Relations: Key Issues in 2020 / M. Martin. – Congressional Research Service: Washington, 2020. – P. 1-2.
11. Palmer D. Lighthizer warns Vietnam over trade deficit with U.S. 29.07.2019 // [Электронный ресурс]. URL: D. Palmer // Politico. – Mode of access: <https://www.politico.com/story/2019/07/29/lighthizer-vietnam-trade-deficit-1439780> (дата обращения 24.02.2020).
12. Remarks on Lifting the Trade Embargo on Vietnam and an Exchange with Reporters // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-1994-book1/pdf/PPP-1994-book1-doc-pg178.pdf> (дата обращения 24.02.2020).
13. Statistical information: Vietnam // [Electronic recourse] URL: <https://www.ustradenumbers.com/country/vietnam/> (дата обращения 24.02.2020).
14. Trump says Vietnam worse than China on trade // [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-standard.com/article/pti-stories/trump-says-vietnam-worse-than-china-ontrade-119062601045_1.html (дата обращения 24.02.2020).
15. US-China trade diversion: who benefits? // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nomuraconnects.com/focused-thinking-posts/us-china-trade-diversion-who-benefits/> (дата обращения 24.02.2020).
16. U.S.-Vietnam Economic and Trade Relations: Key Issues in 2018. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20180416_R45172_da991d55c12fe09afeb13ad53dde5ce8fb658a86.pdf (дата обращения 24.02.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Karpov A. Mezhdru Kitaem i SSHA – V'etnam vybiraet Yaponiyu // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2692764.html> (дата obrashheniya 24.02.2020).
2. Nevel'skij A. Pobeditelem v torgovoj vojne SSHA i Kitaya okazalsya V'etnam // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/06/28/805380-vetnam> (дата obrashheniya 24.02.2020).
3. Agreement between the United States of America and the Socialist Republic of Vietnam on trade relations // [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.usvtc.org/trade/bta/text/full_text.htm (дата obrashheniya 24.02.2020).
4. Albert E. The Evolution of U.S.-Vietnam Ties. 20.03.2019 // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.cfr.org/background/evolution-us-vietnam-ties> (дата obrashheniya 24.02.2020).
5. Exports of goods and services (% of GDP) // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ne.exp.gnfs.zs> (дата obrashheniya 24.02.2020).
6. General Department of Customs. Statistics of Exports by country/Territory-Main Exports 2017-2018 // [Ehlektronnyj resurs]. URL: [https://www.customs.gov.vn/Lists/EnglishStatisticsCalendars/Attachments/905/2018-T12T-5X\(EN-FN\).pdf](https://www.customs.gov.vn/Lists/EnglishStatisticsCalendars/Attachments/905/2018-T12T-5X(EN-FN).pdf) (дата obrashheniya 24.02.2020).
7. Gunnion L. Vietnam: Economy continues robust growth in 2018 // [Electronic resource]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/asia-pacific/vietnam-economic-outlook.html> (дата obrashheniya 24.02.2020).

8. Joint Press Availability with Vietnamese Deputy Prime Minister and Foreign Minister Pham Binh Minh // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/12/218747.htm> (data obrashheniya 24.02.2020).

9. Joint Statement by President Barack Obama of the United States of America and President Truong Tan Sang of the Socialist Republic of Vietnam, 2013. // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/07/25/joint-statement-president-barack-obama-united-states-america-and-preside> (data obrashheniya 24.02.2020).

10. Martin M. U.S.-Vietnam Economic and Trade Relations: Key Issues in 2020 / M. Martin. – Congressional Research Service: Washington, 2020. – P. 1-2.

11. Palmer D. Lighthizer warns Vietnam over trade deficit with U.S. 29.07.2019 // [Ehlektronnyj resurs]. URL: D. Palmer // Politico. – Mode of access: <https://www.politico.com/story/2019/07/29/lighthizer-vietnam-trade-deficit-1439780> (data obrashheniya 24.02.2020).

12. Remarks on Lifting the Trade Embargo on Vietnam and an Exchange with Reporters // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-1994-book1/pdf/PPP-1994-book1-doc-pg178.pdf> (data obrashheniya 24.02.2020).

13. Statistical information: Vietnam // [Electronic recourse] URL: <https://www.us-tradenumbers.com/country/vietnam/> (data obrashheniya 24.02.2020).

14. Trump says Vietnam worse than China on trade // [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.business-standard.com/article/pti-stories/trump-says-vietnam-worse-than-china-ontrade-119062601045_1.html (data obrashheniya 24.02.2020).

15. US-China trade diversion: who benefits? // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.nomuraconnects.com/focused-thinking-posts/us-china-trade-diversion-who-benefits/> (data obrashheniya 24.02.2020).

16. U.S-Vietnam Economic and Trade Relations: Key Issues in 2018. // [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20180416_R45172_da991d55c-12fe09afeb13ad53dde5ce8fb658a86.pdf (data obrashheniya 24.02.2020).

Журбей Е. В., Карловская А. А., Полетаева А. М. Динамика торгово-экономических отношений между Вьетнамом и США на современном этапе: содержание и перспективы.

Вьетнам является одной из ключевых стран Юго-Восточной Азии, куда направлен экономический и инвестиционный потенциал Вашингтона и с которым США стремится углублять двусторонние экономические связи. Статья отражает торгово-экономические отношения Вьетнама и США на современном этапе, факторы, способствующие интенсификации взаимоотношений двух стран, а также авторы уделяет отдельное внимание экспортно-импортным показателям последних лет.

Ключевые слова: *СРВ, США, торгово-экономические отношения, вьетнамско-американские торговые отношения, импорт, экспорт, ЮВА*

Zhurbey E. V., Karlovskaya A. A., Poletaeva A. M. The dynamics of trade and economic relations between Vietnam and the United States at the present stage: content and prospects.

Vietnam is one of the key countries in Southeast Asia, where the economic and investment potential of Washington is aimed to, and with which the United States seeks to deepen bilateral economic ties. The article represents the trade and economic relations of Vietnam and the United States at the present stage, factors contributing to the intensification of relations between the two countries, the authors also pays special attention to export-import indicators of the recent years.

Key words: *Vietnam, USA, trade and economic relations, Vietnam-US trade relations, import, export, Southeast Asia*

Для цитирования: Журбей Е. В., Карловская А. А., Полетаева А. М. Динамика торгово-экономических отношений между Вьетнамом и США на современном этапе: содержание и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 146–156. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/146-156

For citation: Zhurbey E. V., Karlovskaya A. A., Poletaeva A. M. The dynamics of trade and economic relations between Vietnam and the United States at the present stage: content and prospects // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 146–156. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/146-156

Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии

Проблема структурирования регионоведческого научного знания в настоящее время является крайне актуальной: региональные исследования продолжают укреплять свои позиции среди других научных отраслей в силу возрастающего влияния процессов регионализации и глобализации, однако сама наука о регионе по-прежнему представляет крайне неоднородную область. Попытки решения указанной проблемы время от времени ставят ведущие российские ученые в различных отраслях наук. В частности, д.пол.н., проф. А. Д. Воскресенский анализирует структуру *мирового комплексного регионоведения* через призму его отнесенности к науке о международных отношениях [1, с. 89]. Проблемами формирования теории зарубежного регионоведения вместе с А. Д. Воскресенским занимаются А. А. Байков, В. Я. Белокреницкий, А. О. Ермолаев, Е. В. Колдунова, А. А. Киреева и др. В ином разрезе ставит проблему д.г.н., проф. А. Н. Демьяненко: он описывает структуру региональных исследований, или регионалистики, рассматривая их как методологическую платформу для других наук, в частности, географии и экономики [2, с. 8–17]. Важным представляется и опыт других стран в конкретизации структуры региональных исследований, что может обогатить теорию отечественной науки о регионе и обозначить пути ее дальнейшего развития.

Цель нашей работы – проанализировать подходы Научного совета Японии к структуре региональных исследований (地域研究) как научной отрасли.

Одна из наиболее авторитетных японских научных организаций – Научный совет Японии (SCJ) – это сообщество японских ученых, представляющих все отрасли социо-гуманитарных, естественных, технических и точных наук. Он был создан в январе 1949 г. как учреждение, подчиняющееся непосредственно премьер-министру, минуя правительство, основная цель – развитие и расширение науки, а также внедрение научных достижений в управление страной, промышленность и жизнь общества. Функциями Научного совета Японии являются обсуждение важнейших научных проблем, содействие их решению и обеспечение координации между различными научными проектами для повышения их эффективности. Он сосредоточен на четырех видах деятельности: рекомендации правительству и общественности по осуществлению государственной политики, международное сотрудничество, продвижение научного знания и создание сетевого взаимодействия в научной среде. По данным сайта Научного совета Японии¹, в него входят 210 членов, назначаемых

¹ См. <http://www.scj.go.jp/en/scj/index.html>.

© Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С., 2020

КРЕМНЁВ Евгений Владимирович, канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: kremnyov2005@mail.ru

АНАНЬЕВ Владимир Валерьевич, координатор международных отношений префектуры Иси-кава, Япония (г. Канадзава, Япония). E-mail: v_ananiev@hotmail.com

СЕРЫХ Татьяна Сергеевна, магистрант направления подготовки "Зарубежное регионоведение", профиль "Регионоведение и этнология стран АТР", кафедра востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: greenhimera@gmail.com

премьер-министром, и около 2000 ассоциированных членов, представителей различных научных учреждений. Его организационная деятельность включает в себя генеральную ассамблею, исполнительный совет, три секционных заседания (секции гуманитарных и социальных наук, наук о жизни, физических наук и инженерии), 4 административных и 30 специальных комитетов (по отраслям наук), а также 13 проблемно-ориентированных комитетов.

Авторитетность работы Научного совета Японии в области региональных исследований подтверждается не только наличием в его структуре специального комитета, но и разветвленной системой подкомиссий последнего. В составе комитета региональных исследований 11 собственных подразделений, в том числе подкомитеты укрепления базы региональных исследований, региональной информатики, гуманитарно-экономической географии, культурной антропологии, регионоведения / региональной науки (地域学), подкомитеты по мультикультурному сосуществованию, региональной интеграции, по созданию научной сети регионального сотрудничества в Азии, исследовательский подкомитет по возвращению исторических реликвий и подкомиссия по туризму и по региональному знанию. Кроме того, в его ведении находится 9 подразделений, созданных им совместно с другими отделами Научного совета Японии, в частности, с комитетом наук о Земле (подкомитет географического образования и входящие в его состав подкомиссии по школьной географии, по естественной географии / предотвращению экологических катастроф, по вузовской географии, образовательные комиссии по картографии и геоинформационным системам, а также по хорографии и международному взаимопониманию), с комитетом экологии и комитетом наук о Земле (подкомитет по гуманитарным аспектам глобальных изменений окружающей среды и входящая в его состав подкомиссия проекта KLaSiCa – Knowledge, Learning and Societal Change Project), с комитетами языка и литературы, философии, истории (подкомитет по вопросам азиатских исследований и отношениям с Азией).

Собственный взгляд на проблему структуры региональных исследований в Японии был предложен Научным советом Японии в докладе "Перспективы региональных исследований в Японии", опубликованном в 2010 г. Для подготовки доклада был создан специальной подкомитет по перспективам региональных исследований. Авторитетность данной концепции подкрепляется тем, что в работе над положениями доклада участвовало много влиятельных учреждений в сфере регионоведения, объединяющих большое количество вузов и исследовательских центров: Консорциум региональных исследований, Организация сотрудничества в сфере географии, Координационные советы ассоциаций региональных исследований, ассоциаций гуманитарно-экономической географии и регионального образования, ассоциаций в сфере культурной антропологии и этнографии и ассоциаций в сфере антропологии. В состав авторов доклада вошли представители вузов, на постоянной основе участвующих в работе комитета региональных исследований: Токийского университета, а также других университетов г. Токио (женского, иностранных языков, столичного), университетов Аояма Гакуин, Васэда, Кансай, Кобэ, Конан, Кюсю, Нара, Хиросимы, Хитоцубаси, Хоккайдо, Хосэй, Киотского университета, Политехнического университета, Муниципального университета экономики Такасаки и др.

Авторам доклада структура региональных исследований видится как совокупность таких научных отраслей, как *area studies*, гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная деволюментология, региональная информатика [9, с. III]. Остановимся подробнее на данных подразделах.

Первый из них – **area studies** (エリア・スタディーズ). Термин намеренно приводится нами на английском, поскольку его японский аналог представляет собой фонетическую транскрипцию этого англоязычного словосочетания. Здесь японские исследователи допускают некоторую терминологическую путаницу, поскольку включают в сферу "региональных исследований" (地域研究) другие "региональные исследования" (エリア・スタディーズ), наименование которых отличается лишь тем, что во втором случае используется англоязычный термин, записанный по-японски. Это, с одной стороны, указывает на западное происхождение данного раздела науки о регионах, но

при этом демонстрирует интерес и внимание японских исследователей к достижениям зарубежных ученых в этом поле и признание их наработок базой для дальнейшей эволюции отрасли.

В докладе *area studies* определяются как наука, изучающая комплексные характеристики отдельных регионов, применяющая междисциплинарные методы и полевые исследования и рассматривающая в качестве предмета изучения регионы современного мира [9, с. 3]. Японские ученые указывают, что *area studies* берут свое начало в трех направлениях западной науки: колониалистика и востоковедение в западных странах после эпохи Великих географических открытий, а также региональные исследования в США после Первой мировой войны. В японских *area studies* в то время наметилось два направления. Первое – это т.н. "основоведение" (基礎学), включавшее изучение языка, литературы, истории и др., фактически страноведение и краеведение. Второе – это *area studies* как социальная наука с выраженным уклоном в сторону политологии (政策学). Исследования второго типа активно начали развиваться еще до Второй мировой войны: например, в рамках государственной политики существовал Отдел исследований Южно-Маньчжурской железной дороги (滿鉄調査部). После Второй мировой *area studies* в Японии в основном сосредоточились на "основоведении", гораздо меньше внимания уделяя второму направлению. Эта же тенденция продолжалась и после реформы системы высшего образования 1947 г., когда в университетах стали создаваться кафедры и научные центры, специализирующиеся на региональных исследованиях, в основном в области "основоведения". Такого рода организаций становилось все больше, что со временем позволило увеличить и количество исследуемых регионов. В результате исследования, проведенного Научным советом Японии в ноябре 2007 г. (в нем поучаствовало 56 из 83 образовательных организаций, деятельность которых связана в том числе с региональными исследованиями), было выявлено, что на профильных региональных кафедрах и факультетах работает более тысячи человек. Кроме этого, работа по изучению регионов проводится на факультетах и в исследовательских центрах, относящихся к другим отраслям наук. По мнению авторов доклада "Перспективы региональных исследований в Японии", *area studies*, будучи заимствованной в США, получила в Японии иной вектор развития: с окончанием "холодной войны" и усилением процессов глобализации интерес к региональной науке в США начал падать, в Японии же, напротив, выросло количество отделов магистратуры и докторантуры и получаемых грантов в области региональных исследований.

Второй выделяемый подраздел региональных исследований – **гуманитарно-экономическая география** (人文・経済地理学). Являясь одновременно разделом географии, она непосредственно связана с изучением региона, поскольку сама география также является одной из предшественниц региональных исследований. В таком ее качестве география описывается японскими учеными как наука, которая зародилась "еще в Древней Греции, взяла за основу представления о связи человека и природы и стала началом научных исследований Земли: ландшафта, морей и океанов, климата, а также хорографии, описывающей, в том числе с помощью карт, природу, экономику, общество, культуру и другие характеристики каждого региона как места человеческой деятельности" [9, с. 4]. Продолжая эту мысль, авторы доклада указывают, что география стала активно развиваться в Германии в XIX в. как научная отрасль, комплексно анализирующая морфологию рельефа, а через некоторое время – во Франции, эволюционируя в науку о *регионах* различных масштабов и о том, как природа изменяется под воздействием человека. Современная география, по мнению японских регионоведов, вмещает в себе признаки как естественных, так и социо-гуманитарных наук, и наряду с картографией и созданием геоинформационных систем (ГИС) в ее структуре можно выделить разделы физической географии (топография, гидрология, климатология, география растений, региональные исследования окружающей среды и т.д.) и гуманитарно-экономической географии (по предмету исследования – сельскохозяйственная, промышленная, городская география, география услуг и товарно-денежного оборота и т.д.; по методам исследования – социальная география, историческая география, математическая география и т.д.). В вузах и других исследовательских организациях

география часто относится к факультетам естественных наук, гуманитарных наук, экономики, регионоведения или педагогики. Однако в других странах часто можно видеть именно географические факультеты, и география играет роль в подготовке кадров как комплексная дисциплина, соединяющая в себе гуманитарный и естественнонаучный компоненты.

Это, по мнению японских исследователей, говорит о важности географии как комплексной дисциплины в системе подготовки специалистов, на что японцам следует обратить особое внимание. Что касается собственно гуманитарно-экономической географии, то ее роль в региональных исследованиях значительно повысилась с 1990-х гг., когда географическая информатика (地理情報学), называемая также геопространственной информатикой (地理空間情報学), начала активно изучать и применять ГИС, объединившие в себе методы пространственного анализа и компьютерную картографию. Во всем мире стали применяться технологии создания и развития общественных информационных баз, называемых базами государственных геоданных, а в Японии в 2007 г. был принят закон о принципах использования геопространственной информации. Благодаря всему этому гуманитарно-экономическая география стала важным инструментом региональной политики.

Еще один важный подраздел, выделяемый в региональных исследованиях – **культурная антропология** (文化人類学). Японские исследователи определяют ее как научную сферу, которая изучает образ жизни и мышления местных коллективов, проживающих в каком-либо *регионе*, служит углублению культурного взаимопонимания и выдвигает теории о развитии культур на основе компаративных методов. Первоначально она пришла в Японию из Германии как этнология (民族学), после Второй мировой из Великобритании стала проникать социальная антропология (社会人類学), а из США – культурная антропология (文化人類学). Параллельно с этим японская этнология переняла у экологии историко-цивилизационный подход и обрела собственный путь развития. С открытием в 1974 г. Государственного музея этнологии (国立民族学博物館) исследования получили новый стимул в виде специфической японской системы институтов общего пользования для проведения совместных исследований с привлечением смежных областей науки на основе сбора и представления материалов музеем. Особенности такой системы имеют важное значение в настоящее время, представляя собой методологию передачи результатов научной работы обществу и создания базы международных исследований. Постепенно в университетах Японии появляется все больше курсов и специальностей по культурной антропологии, а основанная в 1934 г. Японская ассоциация этнологии (日本民族学会) в 2004 г. была переименована в Японскую ассоциацию культурной антропологии (日本文化人類学会). К 2010 г. количество ее членов достигало почти 2000 человек, они регулярно проводят исследования по всем регионам мира, накапливая знания о многообразии мира в виде этнографических описаний и отслеживают культурные изменения в современном обществе распространяющейся глобализации. Важность культурной антропологии, как считают японские ученые, возрастает в условиях глобализации, смешения культур, поиска культурной идентичности и необходимости установления межкультурных контактов. С развитием науки и техники в ее исследовательское поле проникает все новая проблематика, в частности, социально-культурные отношения, связанные с трансплантацией органов и развитием вспомогательных репродуктивных технологий [9, с. 5]. В настоящее время в Японии действует Координационный совет ассоциаций в сфере антропологии, в который кроме Японской ассоциации культурной антропологии входят японские ассоциации антропологии, физической антропологии, изучения приматов.

Международная региональная девелопментология (国際地域開発学) – четвертый из подразделов, выделяемых в региональных исследованиях в Японии. Исследования развития, или девелопментология (Development Studies) определяются в докладе "Перспективы региональных исследований в Японии" как научная область, изучающая проблемы развивающихся стран и сотрудничество в области развития. Она зародилась в Великобритании и США после Второй мировой войны в первую очередь по причине возникновения проблемы Север – Юг и необходимости поддержки развивающихся стран.

В получивших политическую независимость странах Азии и Африки, стремящихся к экономической независимости и модернизации, развитие стало важным пунктом государственной политики. В период "холодной войны" началась конкуренция среди развитых стран в оказании развивающимся странам поддержки, достигшей значительных масштабов. До 1960-х гг. в фокусе исследований находилось прежде всего экономическое развитие, однако с началом десятилетий развития ООН на передний план выходит также развитие социальное. С этого времени девелопментология приобретает все более междисциплинарный характер: в 1970-х гг. в ней уделяется внимание проблемам бедности, а в 1990-х ее инструментарий обогащается теориями человеческого развития и человеческой безопасности, наступает расцвет деятельности некоммерческих организаций. Все это позволяет рассматривать проблемы бедности и социального развития гораздо шире, чем раньше, что усиливает междисциплинарность девелопментологии. Таким образом, среди дисциплин различных наук, посвященных указанной проблематике, наиболее длительную историю, по мнению японских исследователей, имеет экономика развития, но вместе с ней сосуществуют социология и антропология развития, кроме того, специализированные исследования ведутся также в политологии, географии, педагогике и других отраслях наук. В 1980-е гг. резко возросла финансовая поддержка развивающихся стран со стороны Японии, что стимулирует развитие в 1990 гг. образовательных и научных организаций, осуществляющих исследования в области развития и международного сотрудничества. В 1990 году были созданы Ассоциация международного развития (国際開発学会) и Японская ассоциация международного регионального развития (日本国際地域開発学会). В первой половине 1990-х гг. в нескольких университетах были учреждены направления магистратуры и докторантуры по международному развитию и международному сотрудничеству, и в университетах институционализируется система подготовки в области девелопментологии.

Региональная информатика (地域情報学) – это специфическая область, также выделяемая внутри региональных исследований. Региональная информатика – это различные данные о регионе, его свойствах и особенностях, расположении и пределах территории, как определенных – для административно-территориальных единиц, так и неопределенных – для регионов с размытыми границами, не имеющими четкого определения. Эта информация может быть представлена не только в буквенно-цифровом формате, но и в виде изображений, видео- и аудиозаписей. Региональная информатика в широком смысле – это сфера знаний, изучающая способы обработки данных о регионе, включая их сбор, сортировку, анализ, систематизацию и распространение. Региональная информатика не просто раздел региональных исследований, она кроссдисциплинарна по своей сути и обслуживает, по мере необходимости, многие другие научные дисциплины. В этом смысле ее можно сравнить со статистикой [9, с. 6]. Эта новая сфера знаний возникла на стыке региональных исследований и информатики, заимствуя у последней инструментарий и методы исследований, а также привлекая подходы геоинформатики и геоинформационные системы. В 2008 г. в журнале "Увлекательная Азия" (アジア遊学) вышел 113 выпуск – "Создание региональной информатики". Глобальные проекты в рамках СОЕ (Центров передового опыта) уже ставятся задачи дальнейшего развития данной отрасли науки. Для изучения перспективы устойчивого развития глобального сообщества и взаимосвязей атмосферы, лесной зоны и среды человеческой деятельности предлагается объединить усилия регионоведения, экологии и информатики. В частности, в марте 2009 г. в журнале "Seeder" (シーダー) было предложено создание "региональной экологической информатики" [7].

Подходы Научного совета Японии к структурированию региональных исследований отличаются рядом специфических черт.

Во-первых, выделяемые в составе науке о регионе разделы неоднородны по своей функции и внутренней структуре. Если area studies являются самостоятельной научной отраслью, объектом которых и является регион со своими особенностями и факторами развития, то все другие дисциплины не обладают такими признаками. Гуманитарно-экономическая география и культурная антропология – это, по сути, разделы других наук: географии и

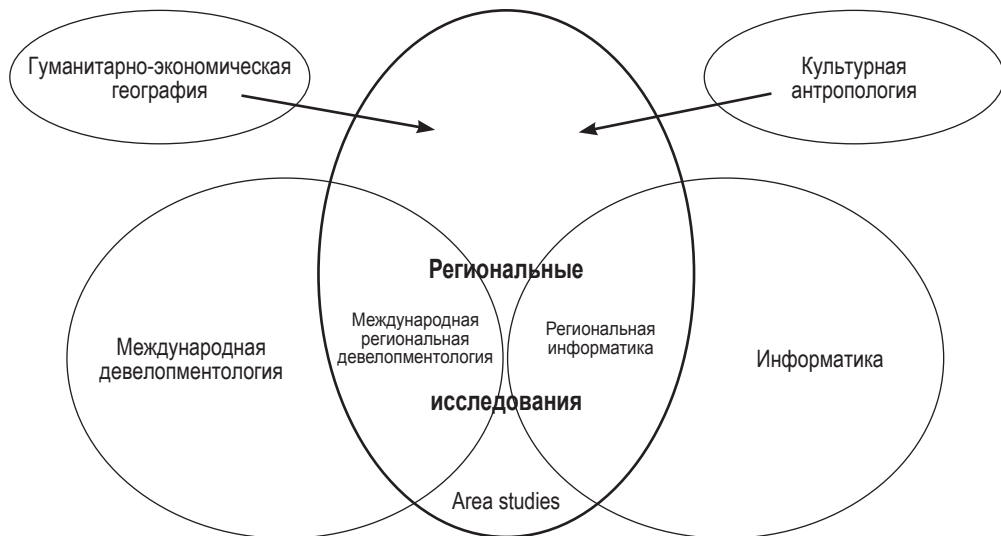

Схема 1. Структура региональных исследований в Японии.
Источник: составлено авторами.

антропологии соответственно, привлеченные к региональным исследованиям по сходству исследовательского поля. Международная региональная деvelopeмтология и региональная информатика – это междисциплинарные области знаний, созданные на стыке с региональными исследованиями.

В наиболее общем виде данную структуру после проведенного нами анализа можно представить в виде следующей схемы (схема 1):

В предложенной схеме в центре находятся региональные исследования, в основе которой лежат area studies. Международная региональная деvelopeмтология и региональная информатика образуются внутри региональных исследований на стыке с другими науками, а гуманитарно-экономическая география и культурная антропология – это отдельные научные отрасли, взаимодействующие с региональными исследованиями извне.

Во-вторых, предложенная японскими исследователями структура отличается выраженными междисциплинарностью и трансдисциплинарностью². Все пять разделов функционируют на стыке нескольких наук, отдельно подчеркивается статус региональной информатики, имеющей прикладное значение для многих других наук. Все это позволяет избежать однобокости при изучении региона и рассматривать его как средоточие самых различных характеристик, влияющих на интенсивность развития исследуемой территории. В качестве примеров, демонстрирующих важность междисциплинарности, о которой пишут и другие регионоведы [6], авторы доклада "Перспективы региональных исследований в Японии" приводят такие актуальные, по их мнению, аспекты изучения регионов современного мира, как культурологические исследования и работы в области международной безопасности. Первые основаны на объединении подходов и методов истории, языкознания, политологии, экономики и других социо-гуманитарных наук. Очевидно, важность такого рода работ для японцев заключается в осознаваемой ими необходимостью

² Разницу между первым и вторым Л. П. Киященко и В. И. Моисеев определяют так: "ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений... Ситуация трансдисциплинарности... предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся "проходимыми", что способствует появлению разного рода систем "поверх" дисциплинарного деления, "меж"-системных образований, "экстра"-систем и т.д." [4, цит. по 5, с. 135].

сти как понимания окружающего мира, который во многом по-прежнему остается для них "тайной за семью печатями", так и попыток экспорта японской культуры во внешний мир. Поскольку "одной из основных черт японского мышления и японской национальной культуры является преобладание "инсулярного" ("островного мышления"), которое резко противопоставляет "свое" и "чужое" [3, с. 180], то итогом вышеописанных исследований должна стать эффективная межкультурная коммуникация. Кроме того, междисциплинарность региональных исследований способна объединить усилия различных наук (в частности, политологии, истории и культурологии) для решения проблем обеспечения безопасности на международном уровне в самом широком смысле, в том числе для преодоления нищеты и дискриминации в отдельных регионах мира.

В-третьих, предложенная структура региональных исследований позволяет наладить взаимодействие не только на уровне одного социо-гуманитарного направления, но и сделать важными составляющими естественные и точные науки. Ключ к такому комплексному взаимодействию наук, как полагают японские ученые, кроется в построении системы "региоориентированного знания" (地域に根ざした知識, area-based knowledge). Такого рода система знаний была описана еще в 2000 г. в "Предложениях о необходимости развития региональных исследований", представленных Специальным комитетом по исследованиям в сфере региональной науки Координационного совета по тихоокеанским научным исследованиям при Научном совете Японии. Там предлагается рассматривать региональные исследования как науку, комплексно изучающую все характеристики региона, как пространственно-временные, так и предметные, а регион в этом случае определять в самом широком смысле от места проживания каждого конкретного индивидуума до всего земного шара и околоземного пространства [8]. Очевидно, что при таком подходе взаимная интеграция социо-гуманитарных, естественных и точных наук неизбежна.

Таким образом, структура региональных исследований в Японии в трактовке Научного совета Японии, с одной стороны, отличается некоторой неоднородностью, с другой – отвечает современным требованиям трансдисциплинарности и взаимодействия различных направлений науки, что способствует комплексному изучению актуальных региональных проблем и использованию современных технических средств при их анализе.

Литература

1. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.
2. Демьяненко А. Н. О регионалистике... (некоторые соображения) // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 8–17.
3. Изотова Н. Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 179–182.
4. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.
5. Лысак И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 134–137.
6. 柴 宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中欧研究. 2016年11月. 第2号. (Сибя Нобухиро. Исследования Японии как региональные исследования // Центральные-европейские исследования. Ноябрь 2016. № 2.)
7. 昭和堂. 地域環境情報から考える地球の未来 // シーダー. 2009. 3. (Будущее Земли в представлениях на основе информации об экологии регионов // Сеятель (Сидер / Си:да). Март 2009.)
8. 地域学の推進の必要性についての提言. 太平洋学術研究連絡委員会 地域学研究専門委員会報告 // 日本学術会議. 2000年6月26日. (Предложения в отношении необходимости развития региональной науки. Отчет специального комитета по региональной науке координационного комитета по научным исследованиям Тихоокеанского региона // Научный совет Японии. 26.06.2000.). [Электронный ресурс].

URL: http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/17htm/17_43.html#mokuji. (дата обращения: 20.03.2020).

9. 地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2010年4月5日. (Перспективы региональных исследований в Японии // Научный совет Японии. 05.04.2010.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf>. (дата обращения: 20.03.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Voskresenskij A. D. Mirovye kompleksnoe regionovedenie i perspektivy postroeniya nezapadnoj (kitaizirovannoj) teorii mezhdunarodnykh otnoshenij // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 82–96.

2. Dem'yanenko A. N. O regionalistike... (nekotorye soobrazheniya) // Regionalistika. 2014. T. 1. № 1. S. 8–17.

3. Izotova N. N. Ehtnokul'turnye osobennosti stilya yaponskoj kommunikatsii // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6 (27). S. 179–182.

4. Kiyashhenko L. P., Moiseev V. I. Filosofiya transdistsiplinarnosti. M.: IF RAN, 2009. 205 s.

5. Lysak I. V. Mezhdistsiplinarnost' i transdistsiplinarnost' kak podkhody k issledovaniyu cheloveka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 6 (44): v 2-kh ch. CH. II. С. 134–137.

6. 柴 宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中欧研究. 2016年11月. 第2号. (Сибя Нобухиро. Исследования Японии как региональные исследования // Центрально-европейские исследования. Ноябрь 2016. № 2.)

7. 昭和堂. 地域環境情報から考える地球の未来 // シーダー. 2009. 3. (Будущее Земли в представлениях на основе информации об экологии регионов // Сеятель (Сидер / Си:да). Март 2009.)

8. 地域学の推進の必要性についての提言. 太平洋学術研究連絡委員会 地域学研究専門委員会報告 // 日本学術会議. 2000年6月26日. (Предложения в отношении необходимости развития региональной науки. Отчет специального комитета по региональной науке координационного комитета по научным исследованиям Тихоокеанского региона // Научный совет Японии. 26.06.2000.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/17htm/17_43.html#mokuji. (дата обращения: 20.03.2020).

9. 地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2010年4月5日. (Перспективы региональных исследований в Японии // Научный совет Японии. 05.04.2010.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf>. (дата обращения: 20.03.2020).

Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии.

В статье рассматриваются подходы Научного совета Японии к выделению разделов региональных исследований. Совет предлагает рассматривать в качестве структурных частей науки о регионах такие дисциплины, как area studies, гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная деволюментология, региональная информатика. Авторы статьи отмечают, что предложенная структура отличается неоднородностью, но вместе с тем отвечает современным требованиям трансдисциплинарности и позволяет привлекать к научным исследованиям регионов новейшие достижения социо-гуманитарных, естественных и точных наук.

Ключевые слова: *регион, наука о регионах, региональные исследования, регионоведение, региональная наука, глобалистика, регионология, трансдисциплинарная регионология, Япония*

Kremnyov E. V., Anan'ev V. V., Serykh T. S. Structure of Japanese regional studies in the interpretation of the Science Council of Japan.

The article discusses the approaches of the Science Council of Japan to distinguishing sections of regional studies. The Council proposes to consider such disciplines as area studies, humanitarian economic geography, cultural anthropology, international regional development studies, and regional informatics as structural parts of regional studies. The authors of the article note that the proposed structure is heterogeneous, but at the same time meets the modern requirements of transdisciplinarity and allows bringing in the latest achievements of socio-humanitarian, natural and exact sciences to the research of regions.

Key words: *region, regional studies, regional science, global studies, regionology, transdisciplinary regionology, Japan*

Для цитирования: Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 157–165. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/157-165

For citation: Kremnyov E. V., Anan'ev V. V., Serykh T. S. Structure of Japanese regional studies in the interpretation of the Science Council of Japan // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 157–165. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/157-165

Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России

От редакции: в предыдущем выпуске журнала были опубликованы материалы круглого стола "Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия", на котором обсуждались возможности использования теоретических новаций Джеймса Скотта для осмысления социального и экономического опыта Дальнего Востока. Эта публикация вызвала интерес со стороны исследователей, пожелавших высказаться по предмету обсуждения; представляем мнение научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН А. С. Заколотной.

Вопрос о возможности применения теории Дж. Скотта при исследовании освоения Дальнего Востока, поднятый участниками круглого стола [1], весьма интересен. В её основе лежит понятие "Зомии", под которым автор понимает значительную территорию, включающую приграничные области государств Юго-Восточной Азии. Её население формировалось за счёт людей, вынужденно покинувших в силу ряда причин (рост налогообложения, военные действия и т.д.) предыдущее место жительства. Зомия предстаёт как некий антипод государству с его чёткой иерархией и регулированием основных сторон жизни. В ней же наоборот всё построено таким образом, чтобы каждая социальная группа оставалась максимально независимой или, используя терминологию автора, "неподвластной".

На мой взгляд, формирование населения российских дальневосточных территорий происходило иначе. Роль государства, особенно в первые десятилетия после присоединения Приамурья, была значительной. Причём в отдельные периоды (особенно в 60-х и 80-х гг. XIX в.) оно выступало в качестве непосредственного организатора переселения. Стоит отметить, что в 50–60-е гг. XIX в. казаки не только не желали отправляться сюда, но даже были готовы заплатить за возможность остаться в Забайкалье. Политика государства по отношению к Приамурскому краю долгое время была двойственной. С одной стороны, государство было заинтересовано в скорейшем крестьянском заселении данной территории, для того чтобы закрепить её не только юридически, но и фактически. С другой, всячески удерживали потенциальных мигрантов на местах, опасаясь сокращения количества рабочих рук в европейской части России. Здесь можно согласиться с Дж. Скоттом, отмечавшем, что правительство не заинтересовано в уменьшении числа подконтрольного податного населения [2, с. 28–29, 86–87, 119]. При этом существовало представление о некоем идеальном переселенце. На Дальний Восток должны были приезжать крестьянские семьи с большим числом трудоспособных мужчин, обладающие достаточными для устройства здесь материальными средствами, активные, самостоятельные, способные как в можно более короткие сроки устроиться на новом месте и достичь определённого уровня благосостояния, без или с минимальной помощью от государства. Желательным также представлялось появление здесь рыбаков или ремесленников. Надежды на исполнение данного желания оставались тщетными, даже в том случае, если осуществлялся предварительный отбор переселенцев. Большинство прибывших переселенцев не обладали достаточными финансовыми средствами, нужда-

лись в государственной поддержке, а также не могли быстро приспособиться к непривычным условиям.

Особенностью Зомии был сознательный переход её жителей от поливного рисосеяния к подсечно-огневому земледелию, которое Дж. Скотт рассматривает как "сельское хозяйство беглецов", позволявшее уклоняться от налогов и избегать набегов. Он отмечал, что чиновники равнинных государств считали данную технологию примитивной и неэффективной [2, с. 225–227, 234, 236]. Дальневосточных крестьян исследователи сер. XIX – начала XX в. также регулярно упрекали в косности и примитивности, т.к. они не использовали прогрессивные для того времени приёмы обработки почвы, не применяли удобрений, не вводили у себя грядковую культуру, но главным образом за то, что они воспроизводили те способы хозяйствования, к которым привыкли. И это также отличает их от жителей Зомии. При этом прибывшие в Приамурский край также вынуждены были адаптироваться к дальневосточным условиям. Основными вариантами приспособления стало создание комплексных хозяйств, с небольшим размером засеваемых земельных участков, использовавшихся в течение длительного времени чаще без внесения удобрений, а также увеличение роли промыслов (особенно в казачьих посёлках). Иноэтнический опыт обработки почвы (грядковая культура) чаще всего игнорировался. Вместо этого складывались иные формы взаимодействия русского населения и иностранных подданных. Так, крестьяне и казаки предпочитали сдавать в аренду часть собственных земельных участков корейцам и китайцам. Стабильное существование данной практики на протяжении достаточно длительного периода времени говорит о взаимовыгодности её для обеих сторон. Многие переселенцы не обладали достаточными ресурсами (как материальными, так и людскими) для создания здесь собственных хозяйств, единственная ценность, которая у них имелаась, – это земля, полученная в пользование от государства. Сдавая её в аренду иностранцам, они решали свои проблемы и приобретали возможность улучшить своё материальное положение. Для корейцев и китайцев отсутствовала иная возможность заниматься сельским хозяйством, кроме как стать арендаторами у русских крестьян и казаков. Таким образом, мы можем рассматривать "жёлтую аренду" как одну из возможных форм адаптации к местным условиям.

Необходимо отметить, что в отличие от жителей Зомии переселенцы на Дальний Восток в большинстве своём стремились поселиться как можно ближе к уже существующим населённым пунктам, где уже была создана определённая инфраструктура. Отсутствие путей сообщения сдерживало развитие отдалённых районов Приамурского края, которые долгое время продолжали оставаться пустынными. Наоборот, именно государство, заинтересованное в появлении как можно большего числа деревень на этих приграничных территориях, разрабатывало меры по привлечению сюда новых жителей.

Таким образом, мне кажется, нельзя рассматривать Дальний Восток как своеобразный вариант Зомии. Население дальневосточных областей формировалось не как результат бегства от государства, а, наоборот, при помощи последнего, при его поддержке в виде предоставления различных денежных и натуральных льгот и пособий для решивших сюда приехать. Для того чтобы переселиться сюда, крестьяне должны были обращаться к властям, и только получив необходимое разрешение они могли отправляться в путь. Основной целью прибытия сюда крестьянства было не избегание государства, а изменение своей жизни в лучшую сторону. Именно возможность приобретения значительного земельного надела являвшегося для них наивысшей ценностью, предметом постоянного желания (особенно в условиях постоянной нехватки) толкала их на смену места жительства. Переселенцы на Дальний Восток не стремились жить вне государственного контроля, что, например, подтверждает тот факт, что здесь наблюдался достаточно высокий темп роста числа жителей городов, являвшихся местом сосредоточения администрации. Возможно, теория Дж. Скотта будет полезна при изучении применявшимся государством практик. Он указал, что государства Юго-Восточной Азии стремились за счёт увеличения населения на определённой территории усилить тем самым здесь свой контроль, кроме того для них было важным не допустить сокращение числа лиц, регулярно уплачивающих налоги. Оба этих положения справедливы и для Российской империи.

На мой взгляд, в интересах анализа практики переселения более перспективным будет обращение к ранним работам Дж. Скотта, в которых он рассматривает "повседневные формы сопротивления" [3, с. 33, 35, 52]. Вероятно, к ним можно отнести прибытие на Дальний Восток так называемых самовольных переселенцев (т.е. не получивших разрешение от государства); появление практики земельных займов; образование фиктивных семей при переселении на судах Доброфлота с целью понижения суммы денежного залога; уничтожение в 1917–1918 гг. документов, содержащих сведения о задолженности крестьян по выплате ими ссуд (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 103–103 об.)¹ и т.д.

Литература

1. Бляхер Л. Е., Барбенко Я. А., Демьяненко А. Н., Журавская Т. Н., Минакир П. А., Рыжова Н. П. Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 20–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/20-30.
2. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластными: Анархическая история высокогорной Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 568 с.
3. Scott J. C. Everyday Forms Of Resistance // The Copenhagen journal of Asian studies. 1989. № 4. P. 33–62.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Blyakher L. E., Barbenko Ya. A., Dem'yanenko A. N., Zhuravskaya T. N., Minakir P. A., Ryzhova N. P. Antropologiya i ehkonomika: vozmozhnye napravleniya vzaimodejstviya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020. № 1. S. 20–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/20-30.
2. Skott Dzh. S. Iskusstvo byt' nepodvlastnymi: Anarkhicheskaya istoriya vysokogornoj Yugo-Vostochnoj Azii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2017. 568 s.
3. Scott J. C. Everyday Forms Of Resistance // The Copenhagen journal of Asian studies. 1989. № 4. P. 33–62.

Заколотная А. С. Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России.

Zakolodnaya A. S. Possibilities and limitations of the theory of J. Scott for the study of migration to the Russian Far East.

Для цитирования: Заколотная А. С. Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 166–168. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/166-168

For citation: Zakolodnaya A. S. Possibilities and limitations of the theory of J. Scott for the study of migration to the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 166–168. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/166-168

¹ РГИА ДВ – Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока

**Рецензия на монографию
"Дальневосточная контрабанда как историческое явление:
борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй
половине XIX – первой трети XX века"¹**

В 2019 г. в издательстве "Прспект" (г. Москва) под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Н. А. Беляевой вышло в свет 2-е издание коллективной монографии, посвященной опыту борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России в широком историческом контексте. Дальневосточная контрабанда исследуется в хронологических рамках конца XIX – 30-х гг. XX в. – от формирования системы охраны границы силами таможенного ведомства Российской империи и выработки мер борьбы с незаконным ввозом товаров на территорию российского Приамурья и Забайкалья до фактически ликвидации массовой контрабанды в условиях государственной монополии внешней торговли в Советской России.

За время, прошедшее с момента первого издания этой книги, прошло почти десятилетие. На протяжении этого периода история борьбы с контрабандой на российском Дальнем Востоке продолжала оставаться популярным сюжетом региональной историографии.

Авторы монографии – сотрудники трех вузов правоохранительной направленности (Владивостокского филиала Российской таможенной академии, Хабаровского пограничного института ФСБ России, Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России) – рассматривают контрабанду как сложное историческое явление, обусловленное целым рядом социально-экономических, социально-политических, социокультурных факторов.

К подготовке второго издания, переработанного и дополненного, авторов, не прекращавших все эти годы научное сотрудничество, побудило несколько обстоятельств. Во-первых, интерес коллег-историков, активно цитирующих первое издание монографии. Во-вторых, изменения в источниковой базе в связи с расширением доступа к фондам, в том числе и к фондам таможенных учреждений, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока после завершения его размещения во Владивостоке. Новые архивные материалы позволили раскрыть сюжеты по охране границы от контрабанды на морском направлении; рассмотреть борьбу с контрабандой леса и лесоматериалов; обобщить формы и методы антиконтрабандной деятельности таможенного ведомства, в том числе появление в ней элементов оперативно-розыскной деятельности. Новые материалы, особенно периода гражданской войны и интервенции, позволили расширить представления о взаимодействии и сотрудничестве разных правоохранительных структур в деле борьбы с контрабандой.

Исследование выполнено на основе разнообразных исторических источников. Основной их пласт – архивные документы, извлеченные авторами из фондов 7 федеральных архивов и 5 архивов субъектов федерации (Забайкальского, Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Иркутской областей), а также фондов двух ведомственных музеев. По сравнению с первым изданием

¹ Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века / под общ. ред. Н. А. Беляевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Прспект, 2019. 240 с.

во втором более активно использованы документы из ранее недоступных фондов таможенных учреждений – управления Приамурского таможенного округа, Управления таможенных сборов Дальневосточной республики, Дальневосточного таможенного округа, а также Владивостокской таможни и ряда таможенных застав и постов. Все эти фонды открыты для исследователей с 1 июля 1913 г. Большая часть использованных документов относится к документам делопроизводства высших органов власти и управления, а также таможенных учреждений.

Структурно монография состоит из введения, пяти глав, заключения, списка принятых сокращений. Каждая из глав монографии отражает авторский взгляд и посвящена одному из аспектов борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России.

В первой главе (автор – к.ю.н., доцент Е. М. Щербина) дан очерк развития от-

ечественного законодательства об ответственности за контрабанду. Глава подготовлена специалистом в области уголовного права, что позволило подчеркнуть конкретно-исторический смысл такого противоправного деяния как контрабанда. Вторая глава (автор – д.и.н., профессор Н. А. Беляева) посвящена основным факторам развития контрабанды на российском Дальнем Востоке с момента его вхождения в состав Российской империи до ее крушения; показаны особенности становления системы охраны границы в таможенном отношении в Приамурье и Забайкалье. В третьей главе (автор – к.и.н. С. Н. Ляпустин) рассматривается специфическое и имеющее особое значение для дальневосточного региона направление антиконтрабандной деятельности государства – борьба с незаконным вывозом биоресурсов (продукции таежных промыслов, леса и лесоматериалов, морских биоресурсов). В четвертой главе (автор – к.и.н. А. В. Попенко) раскрывается содержание и противоречия антиконтрабандной политики государства на примере Дальневосточной республики; анализируется деятельность центральных и местных органов советской власти, направленная на преодоление контрабанды; показано, что только на основе всей совокупности методов и средств, оказавшихся в руках государства (уголовно-правовых, экономических, административных) стало возможным искоренение массовой контрабанды, представлявшей угрозу безопасности государства. В пятой главе (авторы – д.и.н., профессор Н. А. Шабельникова и к.и.н., доцент Л. А. Лаврик) показана специфика деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с контрабандой, исследованы социально-психологические факторы, способствовавшие превращению контрабанды в образ жизни населения Дальнего Востока России в первые послевоенные годы.

Содержание монографии определяется многообразием научных интересов авторов, объединившихся в научный коллектив. Каждая из глав представляет собой отдельный фрагмент, из которых складывается общая картина дальневосточной контрабанды как сложного исторического явления, разви-

вавшегося под влиянием целого ряда геополитических, экономических, социально-психологических факторов.

Актуальность изучения исторического опыта борьбы с контрабандой позволяет выявить ее сущность, глубже понять причины возникновения, определить роль властных и силовых органов в борьбе с этим явлением. Обобщение этого исторического опыта актуально для подготовки и воспитания кадров силовых структур, призванных защищать национальную безопасность России. Книга адресована студентам вузов, сотрудникам правоохранительных органов, всем интересующимся историей правоохранительной и природоохранной деятельности в дальневосточном регионе, а также историей российского государства.

Усов А. В. Рецензия на монографию "Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века".

Публикация представляет собой рецензию на коллективную монографию, подготовленную группой авторов, под общей реакцией Н. А. Беляевой, посвященную опыту борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России в хронологических рамках второй половины XIX – 30-е гг. XX в. В рецензии отмечена особая актуальность темы. Обращение к историческому опыту борьбы с контрабандой позволяет выявить ее сущность, глубже понять причины возникновения, определить роль властных и силовых органов в борьбе с этим явлением. Структура монографии определяется многообразием научных интересов авторов, объединившихся в научный коллектив. Каждая из глав отражает авторский взгляд и посвящена одному из аспектов изучаемой проблемы.

Ключевые слова: *монография, контрабанда, исследование, исторический опыт, Дальний Восток, Россия*

Usov A. V. Review of the monograph "Far Eastern smuggling as a historical phenomenon: fight against smuggling in the Russian Far East in the second half of the XIX – first third of the XX century".

The publication is a review of a collective monograph prepared by a team of authors, under the General reaction of N. A. Belyaeva, dedicated to the experience of combating smuggling in the Russian Far East in the chronological framework of the second half of the XIX – 30s of the XX century. The review notes the special relevance of the topic. Turning to the historical experience of the fight against smuggling allows you to identify its essence, to understand the causes of its occurrence, to determine the role of authorities and law enforcement agencies in the fight against this phenomenon. The structure of the monograph is determined by the variety of scientific interests of the authors United in a scientific team. Each of the chapters reflects the author's view and is devoted to one of the aspects of the problem being studied.

Key words: *monograph, smuggling, study, historical experience, Far East, Russia*

Для цитирования: Усов А. В. Рецензия на монографию "Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 169–171. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/169-171

For citation: Usov A. V. Review of the monograph "Far Eastern smuggling as a historical phenomenon: fight against smuggling in the Russian Far East in the second half of the XIX – first third of the XX century" // Oikumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 169–171. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/169-171

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент (*г. Находка*)
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гайе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала //Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2020).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2020 № 2 (53)

Подписано к печати 04. 06. 2020 г. Вышло в свет 24. 06. 2020 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,45. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

